

12
1971

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания четырнадцатый

В НОМЕРЕ

Е. Ананьев БУРОВАЯ. Очерк	2
А. Теплов МОСКВА — БЕРЛИН	3
Б. Марьев ЛОСИНЫЙ ПОСТ. Стихи	10
НА ВСЕ РУКИ	13
Ю. Яровой ДОМ КОСМОНАВТОВ	16
Б. Водопьянов КЛИМАТ. Рассказ	27
Б. Чельшев СЧАСТЛИВЫЕ НАХОДКИ	34
А. Блюм СТРАННЫЙ ПРОКУРОР	36
Ю. Чернов ЧУЖАЯ ЩУКА. Рассказ	38
В. Коротких КАРАВАИ	41
Л. Андреев СТИХИ	42
В. Секлюцкий МЫ ИЩЕМ КАРТИНЫ ЯРОШЕНКО	43
Б. Жиденков ПЕТЛЯ ТАЙГИ. Повесть (окончание)	50
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	62
Б. Полевой АЛБАЗИН АМУРСКИЙ И АЛБАЗИН УРАЛЬСКИЙ	64
МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	66
Н. Зайцев МОРСКИЕ ПОПУГАИ	68
Л. Осинцев «НАХОЖУ ЕГО НАТУРОЙ СПОСОБНОЙ...»	69
В. Житников Этимон — истина. АЗ, БУКИ, ВЕДИ	70
А. Филиппович НАСТОЯЩАЯ КНИГА	72
ПОБЕДИТЕЛИ ФОТОКОНКУРСА «РОМАНТИКИ»	74
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	76
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1971 ГОД	77
И. Горев КАЛЕНДАРЬ	80

Обложка Е. Стерлиговой

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ 12
1971

Евгений АНАНЬЕВ

Рисунки Ф. Божко

Мы уже основательно привыкли к голенастым великанам, широко, словно на ходулях, шагающим по тюменскому Зауралью. Вздвигаясь высоко в небо, они в то же время пробивают себе неторную дорогу в самую глубину земли.

Буровая — это целый заводской цех в тайге или тундре.

Буровая — это нескончаемый говор дизелей, тревожные вздохи лебедки.

Буровая — это предполагаемые фонтаны нефти или газа.

Словом, все, что связано с буровой, — это индустрия, производство, работа.

Но недавно у меня произошел разговор, который как-то пошатнул такое упрощенное представление.

В северном поселке Уренгое встретил я своего приятеля-буровика. На традиционный вопрос о житье-бытье он ответил дружелюбно:

— Нормально живем, в порядке. Завтра домой летим.

— В отпуск?

— Да нет, — приятель даже удивился моей непонятливости. — Домой, на буровую.

Вот этот неожиданный ответ и заставил меня призадуматься. В самом деле, где дом буровика? Особенно холостяка, а таких, пожалуй, большинство.

В северных поселках буровиков живет три выходных дня, потом — девять дней безвыходной вахты. И как бы ни было приятно на базе в поселке, весь его быт в гораздо большей степени связан именно с пятью-шестью вагончиками в тайге или тундре, стоящими близ буровой. Здесь отрабатывается, если можно так выразиться, свой микроклимат, в котором проходит основная часть жизни этих людей. А жизнь, она всюду жизнь, со своими, казалось бы, незначительными, но весомыми мелочами, с событиями местного значения, охотничьими приключениями и нелегкой работой.

Мой сегодняшний рассказ — о таком вот крохотном передвижном микропоселке, где живет и трудится бригада мастера Николая Глебова.

Проводы Шуругая были назначены на первый день ледохода. Пожалуй, не всякая золотая рыбка устаивалась такого внимания. Даже ребята, только что отстоявшие ночную вахту, не легли спать. Едва отмывшись в душе, они подключились к общим хлопотам. Отыскали большое ведро, соорудили специальный черпак. Словом, церемония предполагалась торжественная.

...А сама эта история началась в первые месяцы длинной северной зимы. Долбя лед для будущей полыньи, парни из поддежурной вахты вытащили полузадохнувшегося щуренка. Для ухи — маловато. Вернуть в реку — все равно не выживет: время самое заморное, кислорода в воде не хватает.

— Может, в емкости перезимует? — предложил кто-то.

Решили попробовать. Бросили щуку в боль-

шую цистерну, где хранилась вода для буровой. Стальной аквариум пришелся впору: температура плюсовая, корму хватало — чуть ли не каждый из бригады подбрасывал в цистерну хлебные корки. На вегетарианских харчах щуренок — его по-сибирски называли Шуругаем — разъелся, вырос вдвое, привык к новым своим покровителям. Стоило только поднять крышку цистерны, как он сам всплывал за подкормкой.

И вот — снова на волю.

День был светлый, солнечный. Подмазученная вода отливала лиловатыми пятнами. Щуренок спокойно бултыхался в ведре, будто угадывая новый поворот в своей рыбьей судьбе.

— А если на скородку, ребята? — высказался какой-то шутник.

На него сердито прищипнули. Это было кошунством — отнять подаренную жизнь. Еще несколько шагов, и бурильщик Саша Анищенко опрокинул ведро в просвет между льдинами.

— Смотри, на удочку не попадайся.

Щуренок, словно прощаясь с буровиками, вильнул в воде хвостом и исчез под набежавшей льдинкой.

— Интересно как устроено, Александр, — явно подначивая, сказал дизелист Федор Нечаев. — Этого ты сейчас в речку бросил, а на сотню других снасти поставишь.

— Так то чужие, — добродушно отшутился Анищенко. — А Шуругай уже вроде сродственника. Как в кино говорится: воспитали Бабу-Ягу в своем коллективе.

Они разошлись по вагончикам — кто досыпать

после вахты, кто готовиться к следующей. Но долго не проходило это ощущение приподнятости, праздничности, вызванное и ярким солнцем, искрящимся на белом снегу, и ледовой подвижкой, как бы открывающей дорогу в весну, и проводами маленького щуренка, с помощью людей перезимовывавшего трудные морозные месяцы.

По пути в свой вагончик Анищенко забежал к буровому мастеру. Было время связи, и Николай Дмитриевич Глебов охрипшим голосом кричал в микрофон рации:

— Подбаза, передай на базу! Подбаза, передай на базу! Пусть срочно шлют переводники! Срочно шлют переводники! И скобу для вытаскивания челюстей! Челюстей! Вертолет есть, нет? Вертолет! На чем будем вахту вывозить? Как понял, прием. Как понял, прием. Понял, говоришь! У меня все.

Он лихо щелкнул переключателем, тыльной стороной руки вытер пот со лба и вдруг неожиданно усмехнулся, отчего его лицо, только что озобоченное и напряженное, сразу стало озорным, почти мальчишеским.

— Ну, проводил милого дружка до самого до порожка? Видал, как вы вышагивали. Ни дать ни взять — почетный караул.

— Сам, небось, не таскал к цистерне сухарики?

— Таскал, как не таскать. Что ни говори, живое — оно и есть живое. Ну, да ладно. Из твоей вахты кто летом в отпуск идет?

Анищенко словно ждал этого вопроса. Вынул из кармана сложенный четверо тетрадный лист.

МОСКВА — БЕРЛИН

Когда капитан Кальниченко формировал зенитно-артиллерийский дивизион, за плечами у него был опыт самых, может быть, горестных и тяжелых дней войны: вынужденное, изо дня в день, отступление, затем окружение и выход из него. И теперь уже ничто не могло вывести капитана Кальниченко из душевного равновесия. Даже известие о том, что железная дорога, по которой Кальниченко должен был ехать со своим дивизионом на Западный фронт, проходивший теперь уже совсем близко от столицы, перерезана немцами.

Со стороны это могло показаться безрассудством — вести эшелоны по дороге, находившейся, по сути дела, в руках врага. Но капитан Кальниченко полагал, что еще большим безрассудством было бы медлить в такой обстановке. И он отдал приказ о движении: во что бы то ни стало надо было прорваться к Москве.

17 сентября 1941 года эшелоны тронулись в путь. Машинисты мчались напропалую, не разбирая сигналов и готовые к любой неожиданности. Нервы у каждого были напряжены до предела и больше всех, конечно, у командира дивизиона. Но, понимая всю тяжесть ответственности, которая сейчас лежала на нем, капитан Кальниченко был бесконечно горд и счастлив оттого, что ему пред-

стоит защищать Москву с такими ребятами: его дивизион был особый, на девять десятых он состоял из комсомольцев, ивановских ткачей, чьи отцы делали революцию.

И вот случилось чудо: эшелоны проскочили опасный участок дороги и скоро впереди показалась Москва! Когда прибыли на вокзал и начали выгружаться, вдруг завывли сирены воздушной тревоги. Улицы столицы, и без того малолюдные в те дни, совсем опустели, и дивизион капитана Кальниченко без задержек проследовал на юго-запад, в сторону уже захваченного фашистами Наро-Фоминска.

Ивановцы прибыли как раз вовремя: из Наро-Фоминска вышли немецкие танки — машин пятьдесят с пехотой, — прорвали оборонительные позиции нашей Тридцать третьей армии и ринулись на Москву. Так что артиллеристам капитана Кальниченко пришлось прямо с марша, еще как следует не зная обстановки, разворачивать зенитные пушки в сторону противника. Огневые позиции оборудовали в каждом деревенском дворе. Стреляли прямой наводкой с расстояния в двести-триста метров.

Фашисты, не считаясь с потерями, упорно рвались к Москве. Зенитчики отходили «перекатами»: часть пушек ведет стрельбу — остальные отходят и через некоторое время

— Сам собираюсь. Вот заявление, подпиши. Глебов отвел руку.

— Погоди, пятьдесят восьмую доведем.

— Договорились. Ты подпиши, подпиши.

Еще некоторое время их руки выписывали замысловатые фигуры над столом, будто безмолвно продолжая спор. Наконец, Глебов с коротким смехом взял заявление.

— Имей в виду, так и пишу: «Согласен на отпуск после испытаний Р-58».

— Дмитрич, побойся бога! Испытания-то и без меня проведете.

— Вот-вот,— в голосе мастера зазвучали ворчливые нотки.— Вам бы только дырку в землю сделать. А ради чего — не касается?

Пять лет назад разведчики Уренгойской экспедиции открыли крупнейшее в мире месторождение природного газа. Нынче они ищут здесь же запольную нефть. Эта задача несравненно труднее: то ли бурить километр-полтора, то ли углубляться в землю на три-четыре километра. Точных рекомендаций геологов и геофизиков пока на этот счет нет, 58-я буровая, вроде, на перспективном месте стоит. Потому и заинтересован мастер, чтобы опытные буровики ее до ума довели.

— Касается, конечно. Да ведь свет-то клином на Анищенке не сошелся,— Александр с отрешенным видом глянул в окно, и его энергичное, ястребиного росчерка лицо выразило чуть деланное уныние.— А ребятишкам отогреться надо. Опять же, фрукты... Не где-нибудь, в тундре живут.

— Снова в Молдавию покатишь?

— Обязательно! — оживился буровик, чувствуя некоторое смягчение обстановки.— Деревенька тихая, Днепр рядом, винограду! — хоть

танцуй на нем. Я уж там совсем свой, на каждую свадьбу зовут. А разгуляться надо — хоть в Одессу, хоть в Кишинев. Ну, даешь добро?

— Замену подбирать надо,— неопределенно согласился Глебов.— Говорят, на базу буровики прибыли у тебя сегодня?

— Наверное, подъем инструмента,— Анищенко полистал буровой журнал.— Последние метры бурим.

— Осторожней. Проверь превентор, арматуру противоблужетную.

— Само собой. Цементу на колонну хватит? — Еще подвезут. Поедешь на выходной, проведай моих. Мне теперь скоро не выбраться.

Они продолжали разговор, обмениваясь короткими фразами, как это бывает между людьми, которые знакомы давно и понимают друг друга с полуслова. Еще двенадцать лет назад демобилизованный матрос Саша Анищенко начал в Игриме свой путь поисковика буровым рабочим в вахте молодого буровика Николая Глебова, тоже только что вернувшегося из армии. Коренные сибиряки, почти ровесники, оба молодожены — они сдружились сразу. С тех пор беспокойная геологическая судьба то разводила их на годы, то снова сталкивала вместе. Работали в разных экспедициях, а спустя пять лет вдруг встретились в Тюмени, на улице Республики: Николай с Черного моря в Казим возвращался, Александр у тещи гостевал. Через несколько лет новая встреча, в райцентре, они теперь в соседних экспедициях. Саша тогда прямо в глебовской квартире и остановился. А когда Николай Глебов в 1969 году — ровно спустя десять лет после первого их знакомства — приехал в Уренгой буровым мастером, Анищенко снова попросился в его бригаду — уже буровиком.

открывают огонь с новых позиций, прикрывая отход первых пушек. Так что огонь по вражеским танкам не прекращался ни на минуту, и на двенадцатом километре продвижение было приостановлено. А тут как раз — помощь подоспели два наших полка — артиллерийский и стрелковый — и танковый батальон. Совместными усилиями оттеснили немцев за реку Нара и отбили у них половину города Наро-Фоминска.

4 ноября капитан Кальниченко получил приказ: прибыть со своим дивизионом в Москву для усиления противовоздушной обороны на Красной площади. Ни одна фашистская бомба не должна была упасть на Красную площадь во время праздничного парада. Однако с утра 7 ноября погода была, как по заказу, нелетная, и ни один фашистский самолет не появился над Москвой во время парада. Так что капитан Кальниченко, командный пункт которого находился в одной из Кремлевских башен, мог спокойно наблюдать торжественный марш наших войск, которые прямо с парада отправлялись на фронт.

Тотчас же по окончании парада вернулся на фронт и дивизион Кальниченко.

Вскоре под Москвой началось генеральное наступление наших войск. Дивизион сражался на Клинском и Калининском направлениях и к концу зимней кампании вплотную

приблизился к границе Белоруссии, вступив в город Велиж.

А летом сорок второго года С. А. Кальниченко уже формировал в Москве зенитно-артиллерийский полк и во главе его прибыл на станцию Ахтуба, под Сталинград. Сразу по прибытии его вызвал к себе командующий артиллерией фронта генерал Казаков и сказал: «Немецкие танки прорвались к городу. Действуйте в соответствии с обстановкой».

— Я так торопился в свой полк,— рассказывает Стефан Артемьевич,— что проскочил на своем «виллисе» через немецкую танковую колонну...

С ноября 1942 года он — уже командир 18-й зенитно-артиллерийской дивизии резерва Верховного Главнокомандования, которая во время Сталинградской битвы прикрывала боевые порядки 64-й и 21-й армий.

...27 января 1943 года прямо в районе расположения дивизии, недалеко от тракторного завода, высадился немецкий парашютный десант. Это была медицинская группа. Захватить ее не представляло большого труда.

— Я велел привести к себе старшего офицера этой группы, подполковника. У немца был жалкий, испуганный вид. Помню, он сразу спросил: «Что, меня в Сибирь отправят!» — «Пока — на пересыльный пункт, а там

Время, время... Двенадцать лет прошло. Был Саша тогда лихим парнем в матросском черном бушлате, беззаветным холостяком, приехавшим на Север года на два. А вот привык, и сейчас, если тронется, то только в следующую экспедицию — хоть до Новой Земли. И Галя всегда с ним кочует. В каждой новой экспедиции — у них прибавление в семье. Сашка — игримский, Аленка в Шеркалах родилась, а Володенька, совсем малыш, — тот уренгойский.

Александр улыбнулся про себя, предвкушая предстоящие три выходных, и отправился, наконец, в свой вагончик.

Их четыре рядом, одинаковых, с зеленой или синей металлической обивкой, по одному на каждую вахту. В этом есть немалый смысл. Буровая по своему рабочему ритму напоминает корабль — у каждой смены свой распорядок дня. Но есть и еще одно, самое важное преимущество: в таком ответственном и, скажем даже больше, рискованном деле, как проводка глубоких скважин, чувство общности, чувство локтя становится качеством решающим. А что может крепче сплотить людей, чем общая жизнь? Конечно, не все притираются друг к другу. Но уж лучше понять это в вагончике, чем на газовом фонтане.

Александр, даже еще не открывая дверь, мог угадать, чем занимаются его ребята. Серега Меньшиков, помощник бурильщика, небось, сразу в спальнике залег, уже вторые сны дохрапывает. Леничик Кураевский, самый младший в вахте, скорее всего, письма пишет — любит он это занятие. Миша Степанов, тот где-нибудь с книжкой притулился. Ну, а если музыка играет (Анищенко услышал ее еще снаружи) — значит, Володя Иванов пластинки крутит. Его хлебом не корми, дай только этот, как его, твист оторвать.

Александр рывком раскрыл дверь. Так и есть, все по расчету, только Серега «не в графике»: сунул в трехлитровую стеклянную банку самодельный электрокипятильник, а сам в ожидании чая холит перед зеркалом свою пламенно-рыжую — ходячий факел, и только! — густую бороду.

— Ты что это, Серега, — притворно удивился Анищенко. — Уж не на танцы ли собрался?

Меньшиков отмолчался, не очень-то он разговорчив. Зато ребята сразу подхватили:

— Его, Сан Ваньч, соседняя медведица в берлогу пригласила. Вот и прихорашивается.

Семья у Сергея далеко, и на выходные он в Уренгой не ездит — делать там нечего. Отсыпается, книжки читает, готов подменить любого, кого срочные обстоятельства требуют на базу. Он в бригаде недавно, но ребята с ним считаются. Обычно молчаливый и вяловатый, на буровой Сергей преобразается. Со злостью работает, под горячую руку ему не попадай: так отошьет, что потом всю вахту откашливаться будешь. А в вагончике опять мирный и неговорливый, только изредка сверкнет тот самый «вахтенный» взгляд.

Радио пропищало сигналы точного времени. Меньшиков мельком проверил часы.

— Ну как, под элеватор не проснутся? — голос Володи Иванова звучал совсем наивно. Но Сергей молча полоснул по пареньку взглядом.

Этот коварный вопрос имеет свою предысторию. Прежние Серегины часы прославились своим неустойчивым характером. Не было дня, чтобы кто-нибудь из вахты с невинным видом не спросил у Сергея время. Ответ всегда вызывал веселое оживление: то на четверть часа убегут вперед, то на двадцать минут отстанут, то вовсе остановятся. Однажды Меньшиков не выдержал:

видно будет, — ответил я и пошутил: — Может оставить мне свой домашний адрес. Буду в Берлине — зайду к вашей жене, скажу ей, что вы живы, здоровы». И тут немец вдруг вскинул голову и отчеканил: «Вы только в качестве военнопленного сможете попасть в Берлин». Я усмехнулся: «Посмотрим. Только я уже под Москвой понял, что непременно побываю в вашей столице...» Все же немец сказал мне свой адрес.

После Сталинграда дивизия, которой командовал С. А. Кальниченко, участвовала в освобождении Донбасса и Крыма, Люблина и Лодзи и дошла до Берлина. В четырех приказах Верховного главнокомандующего упомянуты артиллеристы полковника Кальниченко, четыре раза им «персонально» салютовала Москва. Его 18-я зенитно-артиллерийская дивизия получила наименование Симферопольской гвардейской.

— Однажды летом 1945 года, — рассказывает Стефан Артемьевич, — роюсь в старых фронтовых блокнотах, я наткнулся на домашний адрес того немецкого подполковника. Дай, думаю, зайду ради любопытства. Встретила меня его жена. Она, как выяснилось, уже вела с мужем переписку через Красный Крест, так что мои сведения оказались устаревшими. Но я до сих пор вспоминаю об этом случае не без внутренней гордости: все же я сдержал свое слово...

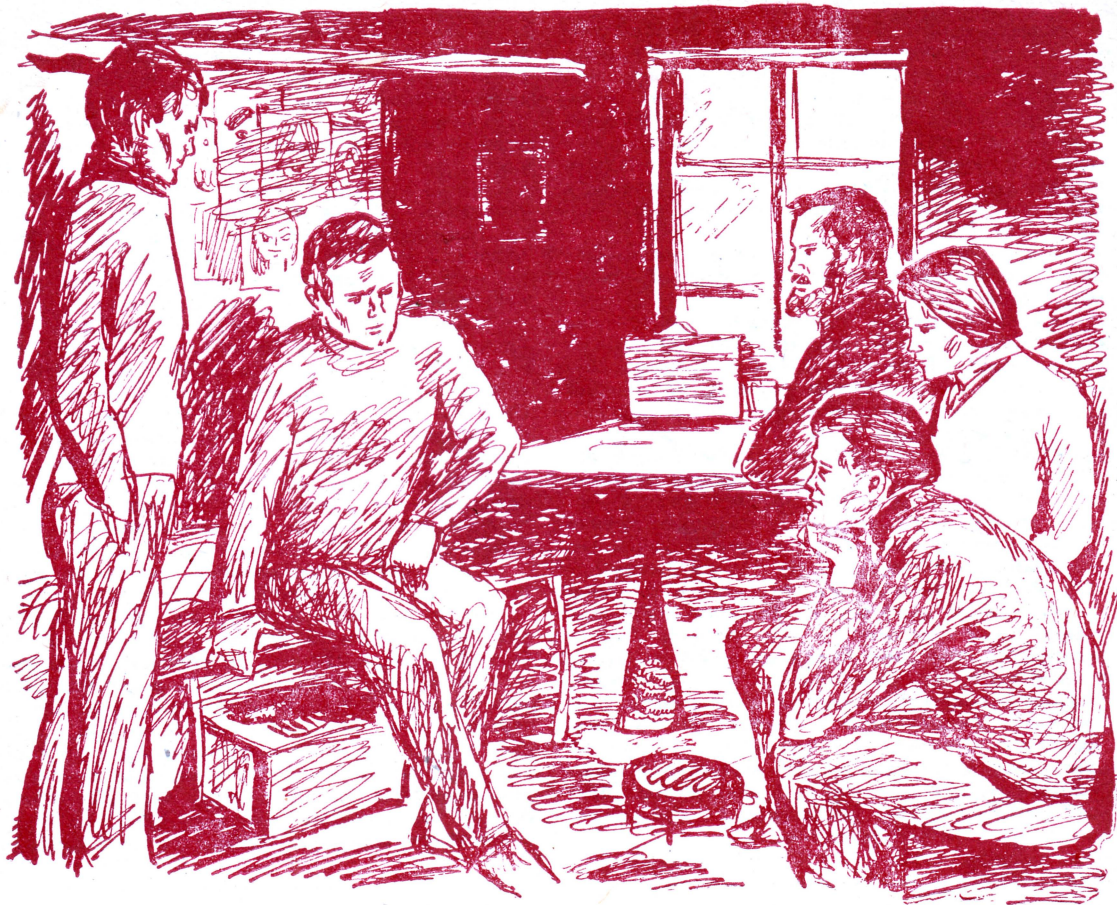
После войны Стефан Артемьевич Кальниченко закончил высшие академические курсы при академии Генерального штаба, служил на Дальнем Востоке. С 1958 года он — начальник отдела Уральского военного округа.

В 1968 году генерал-майор Кальниченко ушел в запас. Месяца два отдыхал и решил — хватит. Пошел работать. Сейчас он — заместитель начальника отдела по делам архитектуры при Свердловском горисполкоме. В его ведении находится планирование промышленного строительства и строительство в пригородной зоне.

— Стефан Артемьевич, — не без удивления спросил я в конце нашей беседы, — как же вы, кадровый военный, генерал, оказались на такой специфической гражданской должности?

Стефан Артемьевич улыбнулся: — А я разве не говорил вам, что до войны получил высшее архитектурное образование? Как же, как же! Нет, не военному делу я собирался посвятить жизнь. Генералом стал я в силу необходимости.

А. ТЕПЛОВ

после одного из таких вопросов молча положил часы на ротор и с размаху «прикрыл» их сорокакилограммовым элеваторм. Что с ними произошло, объяснить не нужно. Но тема для розыгрышей была исчерпана.

Зато сразу возникла другая проблема: где купить новые часы? В Уренгое выбор невелик, повторять старую историю не хотелось. Сергей уж и отпускникам заказывал, и письма писал. А вот недавно выменял на какую-то местную диковинку у приезжего кинооператора, и сейчас со скрытым торжеством показывает циферблат: вот, тютелька в тютельку.

Анищенко присел на свою раскладушку. Выдвинул было из-под стола ящик с патронами — скоро сезон охоты, надо приготовиться, но вдруг его внимание привлекла новая деталь обстановки: с противоположной стенки вагончика пристально смотрели огромные, в черной туши и загнутых ресницах, женские глаза.

— Еще одну цацу поселили? — с притворной строгостью сказал он без адреса.

Описывать обстановку вагончика вряд ли необходимо — она известна. Посредине тамбур, он же сушилка, с печкой и паровым котлом. В обеих половинах столики, вагонные полки, кое-где замененные раскладушками, а то и кроватями.

На полу разного рода нагревательные электроприспособления: плитки, рефлекторы, самодельные «козлы». На столиках неизменные «Спидолы» и столь же неизменные банки со сгущенным молоком. На стенках...

Вот о стенках-то и хочется рассказать подробнее. Их с полным основанием можно назвать картинными галереями.

Ох уж эти картинные галереи! Создается впечатление, что все журналы, выписываемые в экспедициях, рано или поздно попадают под ножницы молодых буровиков. Кто только не рассматривает с линкрустовых стенок их неприятельное жилье? Выразительные кинозвезды с обложек «Советского экрана», обязательные ударницы коммунистического труда из огоньковских подшивок, студентки «Смены» и доярки «Крестьянки», томные дивы журналов мод, демонстрирующие свою красоту параллельно с преимуществами разных мини и макси нарядов. Интересная подробность: переезжая на новую буровую, вахты оставляют эти портреты на стенках. И уже следующие бригады имеют возможность любоваться теми самыми «цацами», о которых иронично говорил Саша Анищенко.

Так и плывут по бесколеиной тундровой дороге вагоны, груженные красавицами. Пожалуй,

иная невеста и притрывает к ним своего милого. И какой-нибудь суровый бдитель морали брезгливо поморщится. Соглашусь, можно найти для вагонных стенок лучшее применение. Соглашусь и... И направлю критиков в кубрики судов, на снежные биваки полярников, в летние землянки полевых аэродромов — туда, где настоящие парни выполняют свою суровую истинно мужскую работу...

Анищенко все-таки вывалил на раскладушку свои охотничьи богатства и разместил их по всей территории спального мешка. У каждого из нас, если он пороется в себе, найдется такая невинная страсть к предметам, которые мало что значат сами по себе, но переносят нас в мир любимых увлечений. Александр весь ушел в свое занятие, расставляя солдатскими рядами металлические и картонные гильзы, отмеривая пороховые заряды и тяжеловесные шарики дроби, забывая жеваными бумажными пыжами готовые патроны. А неумные охотничьи мечты уже перенесли его из тесного вагончика в зеленый шалаш-скрадок на берегу озера, и гусиные стаи шумели серыми крыльями над его головой...

Впрочем, засушенные события и заботы довольно быстро вернули Анищенко под коммунальную крышу. Вагончик на буровой — отнюдь не то место, где можно долго предаваться одиночеству. Тем более, что обсуждалось сообщение, горячо взволновавшее всю вахту.

— Сан Ваньч, правда, что на базе вертолета нет? — тревожно спросил помощник дизелиста Володя Иванов. Его юное лицо с едва пробивающимся темным пушком, гордо именуемым услами, выражало горькую обиду. — Чем нас завтра вызвезут?

Александр не сразу вернулся в прозаическую действительность. Когда же вопрос, наконец, дошел до него, бурильщик снисходительно усмехнулся:

— Ты-то чего из себя выходишь — в Уренгое семеро по лавкам ждуть?

Ребята рассмеялись, хоть и не очень дружно. А сам Володя молчал, но так красноречиво, что Анищенко почувствовал: тут что-то неспроста. — Ждет?... — спросил он неожиданно серьезно.

Юноша утвердительно качнул гривой длинных, по-модному нестриженных волос.

— Ничего, любит — подождет.

— Ха! Ей послезавтра самой на буровую!

Вот оно что... Только теперь Александру стали понятны записочки, с которыми Вовчик бегал чуть не к каждому вертолету. «Старею, раньше в таких делах быстрее соображал», — прокатился он по собственному адресу и с некоторым раздражением подумал: «Хваткий парень, только приехал — сразу шуры-муры». Впрочем, тут же осадил себя: не грехи, вспомни, как с самим было. И словно ветром молодости дунуло: танцы в неказистой избенке, гордо именуемой клубом, бессонные рассветы на Северной Сосьве, хмельные без вина походы по грибы да по ягоды, и над всем этим — счастливый смех огненно-рыжей озорной Галики. За три месяца все скрутили: и знакомство, и ухажорство, и свадьбу. Посудачили в то время кумушки — их даже в Игриме хватало. Что теперь сказали бы, когда позади уже половина серебряной свадьбы?.. «Так что не спеши парня оговаривать», — упрекнул он сам себя и добавил вслух уж совсем добродушно:

— Не горячись, без вертолета ей же тоже не

улететь. И вообще, откуда это вы взяли про вертолет?

Парни переглянулись, словно выискивая первый источник информации.

— Кажется, мастер по радиации говорил...

— Ты сам слышал?

— Н-нет...

— А ты?

— Тоже нет.

Они растерянно замолкли.

Анищенко вдруг громко рассмеялся. Вот уж, действительно, на буровой никаких секретов не сохранить. Он вспомнил, как Глебов кричал в микрофон насчет вертолета и вахт. Слышимость в вагончиках подходящая, остальное — дело фантазии.

— Думается, улетим? — в голосе Вовчика звучала надежда.

— Куда денемся. Мастер ведь так спросил, для проверки. А вы уже в панику. Избаловала современная техника. В ваши годы мы порой за сто километров пешком хаживали.

Он вернулся к своим патронам, но ребята уже не отставали.

— Как это — пешком? Расскажите, Сан Ваньч.

— Расскажи да расскажи... Аркадий Райкин я вам, что ли, — с деланным неудовольствием проворчал Анищенко. Но устроился поудобнее, зорким оком оглядывая слушателей. От него не ускользнуло, что Миша Степанов отложил книжку, а Серега Меньшиков, выпростав половину могучего торса из спального мешка — успел забраться все-таки, — закурил в ожидании долгой беседы свой неизменный «Беломор».

— Давайте, Сан Ваньч, — упрашивал Володя, уже позабывший огорчения.

— Осенью это было, — Александр провел ладонями по лицу, словно возвращаясь в прежние годы. — Осенью шестьдесят третьего года. Мы тогда на Пунге бурили. Слыхал про такую? — спросил он вдруг Ленчика Кугаевского.

— Говорили в училище. Так, слабенькое месторождение, каких-то сто миллиардов кубов.

— Эх ты, «слабенькое»... Да из него, если хочешь знать, вся газовая Сибирь произошла. Без Березова да Пунги не было бы наших триллионов — ни Уренгоя, ни Таза, ни Надыма. От нас еще когда газ на Большую Землю придет, а Пунга пятый год Урал кормит.

— Да мы не о том, дядя Саша.

— То-то. До вас люди тоже работали. И до меня. Ладно... Словом, Пунгу разбуривали. К Октябрьским праздникам испытали скважину. Фонтан дали, все, как полагается. И отбиваем веселенькую радиogramмку: готовы к вылету на базу.

— Вот и весна, капель вовсю набрякивает, — с этими словами в вагончик ворвался дизелист Володя Любимов, лишь недавно приехавший в бригаду из Пермской области. На него шикнули, да и он сам примолк, усевшись на чурбачок около двери. Анищенко продолжал:

— Выходит на связь начальник партии, Якимов был, такой, деловой мужик. Так, мол, и так, вертолета нет и вскорости не ожидается — их в то время совсем мало было. Мы, конечно, взвыли. На праздники домой хочется, да и продукты к концу пришли, кому охота голодом сидеть. Пешком, говорим, пойдем. А дойдете? — спрашивает. Расстояние-то немаленькое: по карте 115 километров. Добре, говорит, готовьтесь. Завтра выйдете, послезавтра встречать будем.

Решили идти налегке, все барахло в один вагончик скидали, от медведя замок навесили. Только ружья захватили — мало ли что случится. Соседа-манси в проводники взяли, все меньше кружить. Утром Якимов по радиации вызвал, всех пофамильно переписал, чтоб не потерять. Двадцать четыре гаврика набралось. Ну, говорит, в добрый путь. Подзаправились на дорожку хорошенько. В двенадцать ноль-ноль вышли.

Поначалу ничего, резво двигались. Земля мерзлая, на реках да озерах лед. Идешь, а под ногами снежок скрипит. Деревья красивые: ветки в белом, а верхинки зеленые. Вокруг следов много: заячьи, куропачьи, лисьи.

— Кого-нибудь стрельнули?

— Не до того было. Даже ружья из чехлов не выпрастывали. Постепенно растягиваться начали. Нашему брату, охотнику, привычней. А тут разный народ собрался. Даже женщина одна, коллекторша Надя, фамилию запомятовал. И не из последних шла. Всех уже и не помню. Слыхали, в Уренгое мастер Шаляпин был? Он тоже в этом походе участвовал. Виктор Таратунин, Коля Сайдуллин — их не знаете, они сейчас в других экспедициях.

На полпути охотничья избушка стояла. В ней заночевать решили. К двум часам ночи все собрались. Славный бросок, ничего не скажешь: шестьдесят километров за день, да еще с непривычки. Проводник на лыжах первым пришел, чаю разогрел, ужин сготовил. Только большинству не до него было. Как доберутся до избушки, так поленьями на пол. Мы уж и не будили: сон — лучшее лекарство от усталости.

В вагончике стояла напряженная тишина, только в соседней половине едва слышно наигрывало радио да попыхивала папироска в зубах Сергея. Анищенко, словно заново, оглядывал своих парней. Крепкие, рослые, — Александр самый невысокий в вахте, — в своем неотрывном внимании они казались совсем юными. И Александр вдруг почувствовал, что именно от него зависит, какими станут эти молодые ребята, попавшие на выучку в его маленький коллектив.

— В семь утра подъем сыграли. Сами-то, конечно, пораньше встали, сытный завтрак сготовили, специально для него тушенку хранили. И сразу в дорогу.

Полутру уже труднее было. У кого ноги сбиты, кто еще от вчерашнего не отошел. Нашлись и такие, кто дальше идти не захотел — останусь в избушке, и никаких гвоздей. Ну, кому можешь, кого уговоришь, а кому и пригрозить пришлось: силком, мол, выведем.

— В общем, по всем правилам дипломатии, — свернул Миша Степанов.

— Это уже особая дипломатия, — усмехнулся Анищенко. — Главное — все вышли в путь. На природу уже не оглядывались. Стиснул зубы и жми. Хорошо хоть, погода была приличная — ни снега, ни ветра. Ну, поглядывать пришлось, чтобы те, кто послабее, на привалах не засиживались. Это уже из практики известно — чем дольше отдыхаешь, тем втягиваться труднее. За семь километров от Игрима мастер Кожевников встречал, Павел Семенович. На лошадях, с фельдшером. Кто из сил выбился, — на сани и домой. Только таких мало было. Под конец почти все разошлись. Как это про спортсменов говорят — «второе дыхание»? Растянулись, правда, порядочно. Первая группа в шесть вечера пришла, а последняя — в два ночи.

— Вы, небось, первым, Сан Ваньич?

— Как раз наоборот. Последним.

— Неужто силенок не хватило?

— У нас не гонки были. Загодя договорились: кто покрепче, с отстающими идет. Знаешь, как в армии на поверке: «Двадцать четвертый Расчет окончен!»

— На праздник-то успели?

— В самый раз, утром демонстрацию по радио слушали. Отоспались, отлежались, недельку отдохнули — и на новую буровую. Работа такая, вам тоже к ней привыкать. Верно, Маша Семеновна?

— Так, так, — согласно зачастила женщина, незаметно зашедшая в вагончик к концу рассказа, и скуластое доброе лицо ее расплылось в улыбке, — наше дело буровое — важное. Газ нужен? Нужен. Нефть нужен? Нужен. Север богатый будет, вот что. Хорошо жить будем.

И буровая рабочая первого разряда Мария Семеновна Сайнахова, а попросту техникка тетя Маша, успев наполнить водой умывальник, сноровисто прошлась влажной шваброй по линолеуму.

Разные бывают ветераны. Один чуть ли не полжизни отстоит за буровой лебедкой, откроет на своем веку десятки месторождений. Другой, как сядет на свой мощный трактор, так и переезжает с ним из экспедиции в экспедицию, с южных степей до самой северной тундры. У Марии Сайнаховой техника поскромней. Но и без нее на буровой не обойдешься.

...Не дано человеку заранее угадать свою судьбу. Когда первые геологи высадились в маленькой мансийской деревеньке Устрем, где Северная Сосьва впадает в Малую Обь, рыбацка Маша поначалу отнеслась к этому событию вполне равнодушно. Сейчас уже не вспомнить, чем привлекли они ее потом — то ли веселым нравом, то ли неумной страстью к путешествиям, то ли просто приличным заработком. Во всяком случае, Мария Сайнахова первой из женщин-манси пошла на буровую.

Не бог весть какая сложная это работа: подмести, помыть, постирать. Но и это можно делать с любовью. Мария все больше привыкала к крепким озорным парням с буровой, к их нелегкому и опасному труду. Когда те возвращались с ночной вахты, усталые, измазанные с головы до ног глиной, с запавшими от недельной бессонницы глазами, она была рада им. И даже уезжая на выходные дни в родное стойбище, вспоминала: как там у ребят?..

Прошли годы. Геологи, закончив разведку, покидали район Березова. Им, вечным бродягам, хоть бы что, а для Марии наступила пора трудного решения. С одной стороны — земля предков, привычная жизнь, дальние и ближние родичи; с другой — неизвестные края и ставшая родной буровая. Она долго колебалась. Наконец, приняла решение: едет с геологами на Ямал.

Девушка-манси Маша Сайнахова стала уже Марией Семеновной, главной «долгожительницей» бригады. Получила комнатку в Уренгое, но бывает в ней редко. Настоящая ее жизнь — на буровой. Здесь и дом, и семья, и главная гордость — как же, большой сибирский газ открывает. Над этой ее любовью к звучным выражениям ребята беззлбно подтрунивают.

Зато совершенно незаменима Мария Семеновна, когда приезжают на буровую оленеводы-нцы. Она точно знает, как принять гостя из тундры, что сказать, куда посадить, когда подать

угощение. Надо видеть ее в такой момент: грузноватая фигура излучает важность, и без того узкие глаза сведены в щелочки, тонкий, шепелявый голосок обретаёт державный звон. Наверное, в эти минуты и приклеилось к ней шутовское звание: «министр иностранных дел».

Свойская, приветливая, она вечно в движении. Безуспешно приучает буровиков к чистоте. С опаской относится к самодельным, плохо изолированным электроприборам. Обожает новости, выкладывает их в самый острый момент.

Вот и сейчас, уже прибрав вагончик, Мария Семеновна завершает свой визит неожиданным сообщением:

— После обеда кино казывать будут. А как картину зовут, забыла. Про жизнь.

По этому волнующему поводу на обед пришли пораньше и подружней. Бурильщик из другой вахты Анатолий Пономарев, совмещающий обязанности киномеханика, установил в вагончике-столовой аппаратуру. Незаметно даже для самих себя с едой поторапливались. Когда последний житель буровой спешно доедал тушеную оленину, раскатали самодельный экран — простыню с планочками вверх и вниз. Погас свет. Застрекотал аппарат. Сеанс начался.

В этот момент крохотный поселочек казался вымершим. В небольшом отдалении, на буровой, дежурная вахта спускала инструмент. Массивные трубы с грохотом уходили в глубину земли, мощные дизели обрушивали на буровую сотни своих лошадиных сил, северный ветер высвистывал вверх, у кранблока, пронзительные мелодии. А рядом, в тесноватом вагончике, наливалась зноем пустыня, в экзотических стенах замка красноармейцы деловито спасали ханских жен, и хрипловатый голос киногероя пел щемящий романс про «госпожу разлуку»...

Расходились медленно, обсуждая события фильма. Едва принялись за обычные дела, как в вагончик пришел мастер.

— Александр, с базы сообщили: пришла из Тюмени телеграмма. С орденом тебя. Трудовое Красное Знамя.

— Вот это здорово! — загалдели парни.

— Получать в Тюмень полетите?

— Еще кого наградили?

Анищенко растерялся. Правда, в экспедиции намекали, что он представлен к награде, но это всегда неожиданно. Он неловко принимал поздравления, пожимал руки, а сам еще никак не мог полностью уяснить происшедшего. Хотелось подумать, помолчать, остаться одному. Но разве уйдешь от ребят в такую минуту.

— Сан Ваныч, с вас причитається!

Именно эта веселая реплика неожиданно расставила все по своим местам. Анищенко пришел в себя, ответил уже совсем спокойно:

— В выходные дни. За мной не пропадет. А сейчас отдыхать. На вахту скоро.

Он лег первым. Закрыв глаза. Но сон не шел. Память, растревоженная радостной новостью, услужливо перебирала вехи не такой уж длинной жизни. Родная станция Татарская близ Новосибирска, где работал монтером железнодорожной связи... Тихоокеанский флот... Игрим... А дальше: буровые, буровые, буровые... Заслужил ли он этот орден? Кто знает... Работал на совесть. И еще поработает. Наверное, Галя уже знает, радуется.

С этой мыслью он и уснул. Очнувшись от легкого прикосновения.

— Саша, на вахту пора, — над ним стоял помбур Серега Меньшиков.

Анищенко вскочил. Странно, что проспал, обычно сам всех будит. Посмотрел на часы: стрелки торопливо приближались к полуночи.

За окном были легкие сумерки, заменяющие летом в этих местах ночь. Подсвеченные дальним солнцем облака белели у окоема. Ветер гнал их по небу, и, казалось, что в окне еще идут кадры виденного недавно фильма. Ребята натягивали отдающие запахом солярки жесткие брезентовые спецовки, и от этого становились как-то крупнее, взрослей, в чем-то похожими друг на друга.

Он быстро натянул робу. Оглянул парней: все готовы. Толкнул дверь.

— Ну, тронулись!

Они пошли на буровую — все вместе, неровной шеренгой, подстраивая друг к другу ритм шагов.

Пошли на очередную вахту. На привычную работу, ради которой и живут здесь, в тундре.

Пос. Уренгой
Ямало-Ненецкого
национального округа

Борис МАРЬЕВ

ЛОСИНЫЙ ПОСТ

Быль

1.

Ломая льдины в лозняке,
Шло половодье по реке.

.....
Лосята!
Первенцы весны,
Вы так беспомощно красивы!
Глазищи мокрые, как сливы,
Так бархатисты и ясны.
Для вас —
Над бурюю водой
И вербы в шубах белоснежных,
И птичий щебет,
И подснежник —
Наместник солнца золотой,
Он ваш —
Таежный мир безбрежный,
Наполней вешней суетой...
Но как же вы малы пока!
Вам не унять рассветной дрожи.
Вам света белого дороже
Парное чудо молока.

.....
Уральский север.
Бездорожье.
Грохочет льдинами река.

2.

У Игната Багрова пятистенка-изба,
У Игната Багрова злодейка-судьба:
Воровал и ловил, трижды срок получал,
В тундре трассу тянул, в ста болотах тонул,
А потом заскучал — да и стал на причал:
«Завязал», оженился, судьбу обманул.
Крепко зажил Игнат. На медведя ходил,

По зиме белковал, рыбу черпал весной...
Говорят, золотишко по осени мыл,
Ну да что не болтает народец лесной!

Вот сидит он, скрипит городским сапогом,
Ест глазунью с тайменем и пьет самогон,
Извещает супругу: — Однако, мяска
Нынче с центнер, не меньше, поставим на лед.
Горбоносую утром видал у мыска,
При двоих сосунах, — далеко не уйдет.
Только, слышь, ни полслова своим
«мужикам»,
Да подай-ка мне банку, где пули-жакан...

3.

«Командиру Н-ского подразделения...
РАПОРТ
Дозор № 2, обходя тайгу,
в квадрате Б-7, охраняемом нами,
у Черного мыса на берегу
обнаружил лосиху с двумя сосунами.
Поскольку там же замечен им
в поселке известный за браконьера
Игнат Багров [троекратно судим],
прошу разрешить караульные меры.
Начальник караула [подпись]

4.

На островок
Тропой таежной
Бесшумно въехал верховой.
О этот запах невозможный,
Табачный, луковый, сапожный
И роковой —

Пореховой!
Лосиха в ужасе холодном
В чащобу прынула галопом,
Но вдруг
Один из малышей
Привстал на худенькие ноги,
И крик отчаянной тревоги
Коснулся маминых ушей.
Ну есть ли что сильней на свете!
Одoleвая стужу смерти,
Всем телом горестно дрожа,
Башку горбатую сутуля,
Она пошла,
Пошла под пулю,
Под жало хитрого ножа.
А человек молчал в тумане,
Как изваяние, как камень,
Не трогая ее детей.
Глядел почти что виновато.
И тупо в чреве автомата
Терпели
Тысячи смертей.

5.

В гарнизоне таежном
стальные ракеты не спят,
Над казармой тревожно
столетние кедры шумят.
В гарнизоне таежном
под вечер баяны поют
Про такой невозможный,
такой невоенный уют.
Но недаром, недаром
идет караул на посты,
Шарят в небе радары —
не грянет ли гром с высоты.
Спите, птицы и дети,
усните, и мать и жена,
Но пока на планете
еще не везде тишина.
Потому и тревожен
всю ночь оператора взгляд,
В гарнизоне таежном
стальные ракеты не спят.

6.

Так ночь прошла...
Лосята спали
В трех метрах
от зловещей стали.
Мать не спала,
Но привыкала...
Плыл по реке последний лед..
А на рассвете —
Лязг металла
И грозный окрик:
— Кто идет!!

7.

Ну, с чем ты
остался,
Игнат Багров!
Поди, и в истории
нету примера,
Чтоб после отела
лесных коров
Солдат сторожил
от ножа браконьера!
Ты ждешь в караулке,
похмельный и злой, —
Ружьишко твое отобрал часовой, —
И слышишь
за стенкою
просьбу бойца
О том,
чтоб лосятам
добавить сенца.
А там еще —
следователь да прокурор...
И снова
На остров ухдит дозор,
И снова
лесную
несмелую жизнь
Солдат
на «лосином посту»
сторожит.
И скатится месяц,
и солнце взойдет,
И впишут
в журнал караульный
рапорт:
«...в 12 часов 25 минут
объект ушел в направлении на запад...»
Растите, лосята!
Бродите в тайге,
Грызите осинник.
играйте на поймах, —

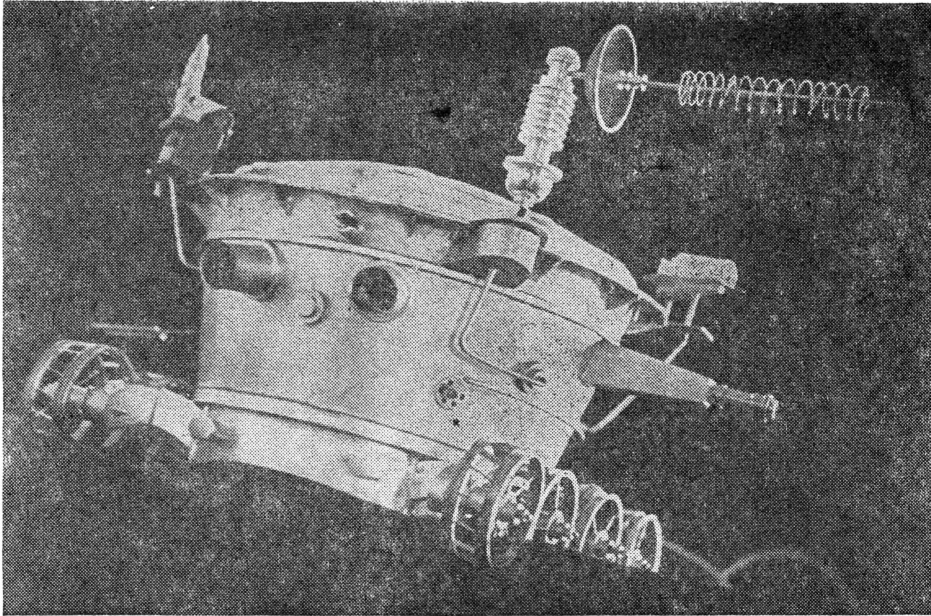

Залог против хищности —
в наших обоях,
В могучих ракетах
и в этой строке!

8.

На далеком маленьком вокзале
Мне про этот случай рассказали.
Не узнал я имя командира —
Паровоз задвигал шатуны.
Только счастлив я,
что судьбы мира
Вот такому парню вручены!
Пусть пока не вписана природа
Наряду с артскладами в Устав,
Помнит он, что сказка у народа
Бродит в рощах и поет в кустах.
Пусть всегда щебечет лес спросонок,
И, былому страху вопреки,
Хлеб берет доверчивый лосенок
Из солдатской бережной руки!

Рисунки А. Бойченко

Луноход-13

ПОСМОТРИТЕ на снимок: этот восьмиколесный луноход — как настоящий. Солнечные батареи, телекамеры, локатор, антенны — все на месте.

Четко выполняя все команды, луноход ходит, да еще как! По песку, по собранным в груды коврам и половикам, перелезает через палки, коробки. Он идет напролом вперед, а солнечные батареи, поворачиваясь, ловят лучи...

Эта машина, сделанная в масштабе 1 : 8, — точная копия советского автоматического исследователя Луны — «Лунохода-1».

Если распределять обязанности между теми, кто создавал луноход, то должность генерального

конструктора займет В. П. Колотов — руководитель школьного кружка. Он, как и подобает генеральному конструктору, не строил вездеход, а лишь «подавал идеи».

Главным же инженером был Женя Шарко — парень сообразительный, мастер на все руки. Под его руководством трудился большой коллектив — все члены кружка юных техников Свердловской специальной школы-интерната № 13. (Вот почему творенье их рук можно назвать «Луноходом-13»).

А. ФИЛАТОВ

Цветок из родонита

Этот «Цветок Урала» изумительно красив и ярок. На подставке из причудливо узорной орской яшмы — друзы родонита, горного хрусталя, змеевика, кварцита. Из центра каменного разноцветья на бронзовом стебле тянется вверх хрустальный колокольчик. Маленькая ящерка настороженно выглядывает из-за кристалла.

Хороша и каменная книга «Сказы П. П. Бажова». «Обложка» сделана из черного обсидиана. На ней — барельеф певца Урала. Из книги как бы выходит Хозяйка Медной горы, держащая в руках сверкающий самоцвет...

Можно назвать еще филигранное украшение «Уральские мотивы» — аметистовая щетка вставлена в тончайшие медно-латунные посеребренные

ставенки, или женский браслет с малахитом, или мозаичную картину «Море дождей».

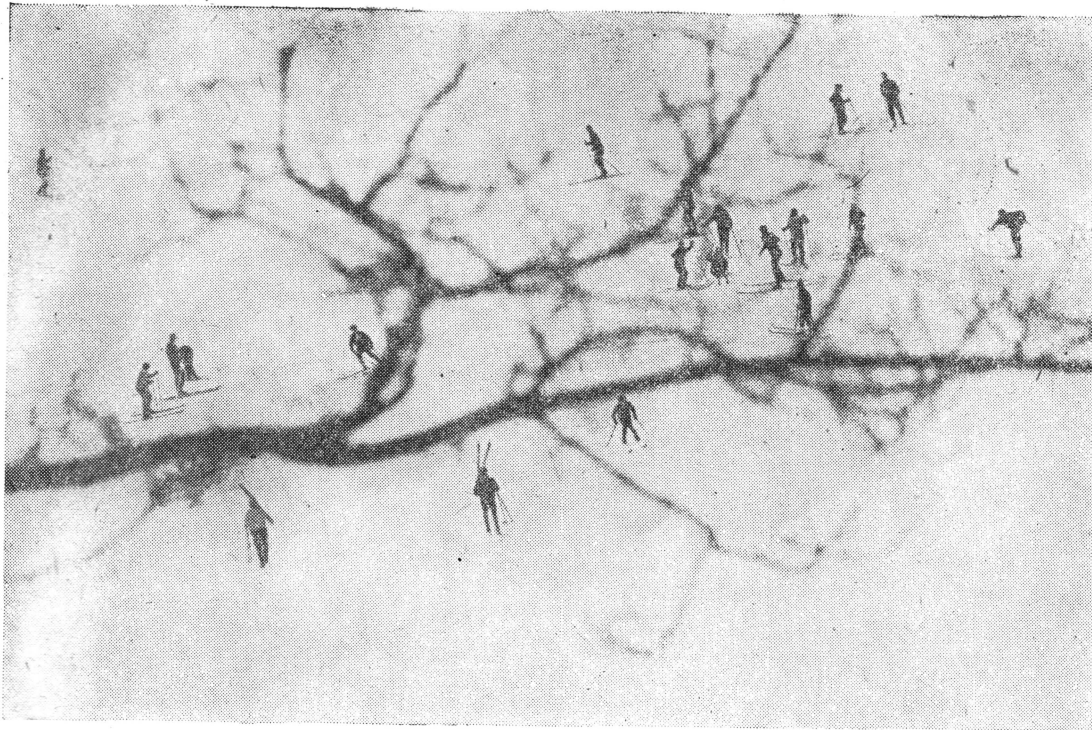
20 работ юных камнерезов и ювелиров — учащихся Свердловского художественного профессионально-технического училища № 42 экспонируются сейчас в павильоне профтехобразования Выставки достижений народного хозяйства СССР. Многие поделки камнерезов и ювелиров из училища № 42 оценены по достоинству: одна работа награждена серебряной медалью ВДНХ, четыре — бронзовыми, десяти учащимся вручены медали «Юный участник ВДНХ».

Н. МЕЛЕШИН

ПОЧЕМУ?
В. Кочebaев (Свердловск)

ЗИМА

С. Созыкин (Свердловск)

ИДУТ НАВСТРЕЧУ ЛЮДИ...

А. Рыжов (Курган)

Дом космонавтов

Ю. ЯРОВОЙ

*Манит небо тебя, манят звезды —
Притяженья такого не снести!
Но и землю покинуть не просто,
Ты судьбы ее тяжелой кузнец.*

Эд. Межелайтис «Человек».

Институт в центре Сибири

По пути сюда, в этот необычный институт, объединивший под своей крышей физиков и врачей, радиоэлектроников и микробиологов, химиков и ботаников, мелькнула меж двух стандартных пятиэтажных домов гигантская металлическая чаша. Словно ладонь, собирающая дождевые капли.

Такие чаши-антенны можно увидеть в тайге,

в пустыне, в Заполярье... И вдруг станция «Орбиты» прямо в академгородке! Хотя нет, академгородок чуть подальше, выше по Енисею. Он еще строится, и в нем пока лишь одно научное учреждение — Институт физики имени академика Л. В. Киренского.

Перед главным зданием, типичным трехэтажным зданием научного учреждения, — скульптура, которая может разве лишь присниться, если начтешься на ночь фантастики. Что это? Виток солеоида, молекула белка, увеличенная до чудовищных размеров, или «портрет» одного из тех загадочных «зеленых человечков», которые будоражат воображение астрономов, уловивших из глубин Вселенной четкие, вполне «разумные» радиосигналы? А чуть в стороне от серебристой спирали — скромная могила: академик, Герой Социалистического Труда, Леонид Васильевич Киренский. И сразу вспоминаешь: сюда, в академгородок, ехал по улице его имени. И еще вспоминаешь: академик Киренский был представителем Советского Союза в Комиссии по магнетизму Международного союза теоретической и прикладной физики. Это он, академик Киренский, выдвинул идею создания в Красноярске, где построена крупнейшая в мире гидроэлектростанция, Национального магнитного центра.

Но имя академика Киренского известно не только физикам. Восемь лет работы в Красноярском медицинском институте позволили ему вплотную заняться целым рядом биологических проблем, которые затем, уже в институте физики, завершились созданием экспериментальной замкнутой биолого-технической системы жизнеобеспечения экипажа будущего космического корабля.

Таков был творческий диапазон академика Киренского: от теории тонких магнитных пленок,

которые он предложил в качестве логических элементов вычислительных машин, до проблемы жизни человека в космосе. Таков диапазон института, созданного им в центре Сибири и возглавляемого сейчас его учеником, членом-корреспондентом Академии наук СССР Иваном Александровичем Терсковым — физиком по образованию и биофизиком по призванию.

Имя академика Л. В. Киренского упоминалось и в докладе, который был зачитан доктором медицинских наук Иосифом Исаевичем Гительзоном участникам XIII сессии Международной организации по освоению космического пространства — КОСПАР, собравшимся в мае 1970 года в Ленинграде, в Таврическом дворце.

«Надо ожидать, — начал доклад профессор Гительзон, — что достижением Луны и вслед за тем ближайших планет завершается период интенсивного проникновения человека в космос и наступает период планомерного исследования и освоения человеком межпланетного пространства и планет — период действительного открытия космоса для человека...»

Доклад был посвящен проблеме «создания искусственных экосистем¹, сопровождающих человека при выходе в космос», другими словами, создания будущих «домов-станций» на орбите Земли, на Луне, а может, и на Марсе.

Каким путем?

Человек живет — значит, дышит, питается, пьет воду и выделяет метаболиты². Это аксиома жизни, мы к ней привыкли настолько, что все эти функции нам кажутся обычными и простыми, как вода, которую мы потребляем в сутки до трех литров, как сам воздух, главную составную часть которого — кислород — мы поглощаем в среднем по 0,3—0,4 литра в минуту, что в сутки составляет восемьсот граммов. А в кабине космического корабля «Восток», на котором летали наши первые космонавты, было всего около десяти килограммов химически связанного кислорода. Десять дней полета... Полет же к ближайшей к нам планете, Марсу, продлится не меньше 420 дней, и вес атмосферы такого «марсианского» корабля оказался бы равным двум с половиной тоннам! А в литрах, ибо объем космических кораблей конструкторы определяют не в кубометрах, а в кубических сантиметрах и литрах, выразился бы совсем уж астрономической цифрой — два миллиона! Совершенно очевидно, что корабль с такой атмосферой совершенно нереален. Но кроме воздуха космонавтам нужна еще пища и вода...

Ученые подсчитали: воспроизводство только атмосферы космического корабля уменьшит почти наполовину вес всех запасов и аппаратуры, необходимых для жизни экипажа. Еще 42 процента веса снимет восстановление воды.

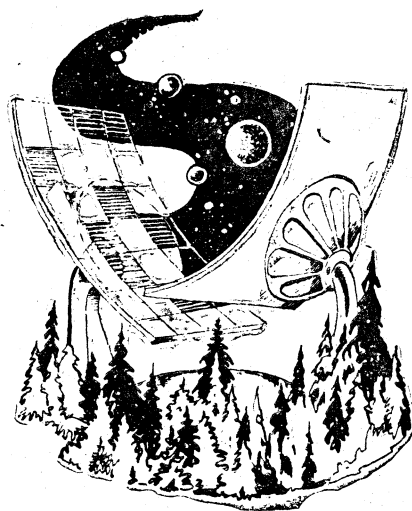
Но проценты сами по себе еще ничего не говорят. Для ракетчиков важны вес и объем. Вес ракеты «Сатурн», которая доставила на Луну первых людей, был около трех тысяч тонн. Высота ракеты — свыше ста метров. Примерно такие же размеры и у ракеты, которая «вывозит» в космос наших космонавтов в кораблях «Союз».

А теперь представим ракету, которая пойдет к Марсу. Предполагается, что экипаж такого «марсианского» корабля будет состоять из шести человек. И взбираться этому экипажу перед стартом уже придется на высоту двухсот метров. Ракета-небоскреб. Вес такого «небоскреба» — свыше тридцати тысяч тонн. В десять раз больше, чем у лунной ракеты. Почему?

Прежде всего, для полета на Марс потребуется больше топлива. Однако не это главное. Главное — длительность полета. Только вес продуктов для марсианской экспедиции составит уже две с половиной тонны. А если к этим двум с половиной тоннам прибавить 10 тонн воды да две с половиной тонны кислорода... Нет, такой корабль не поднять никакой ракетой, и расчеты инженеров, определивших размеры «марсианской» ракеты в двести метров высотой, исходили не из полностью запасенной атмосферы, а регенерируемой, то есть восстанавливаемой.

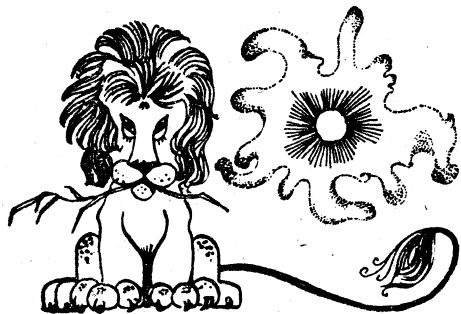
В самом деле, в нашей земной атмосфере кислорода всего одна пятая часть. А остальное — азот, который в процессе дыхания участия не принимает. Человек дышит кислородом, а выделяет углекислый газ. Значит, брать с собой в полет к Марсу можно не воздух, а лишь кислород. По мере необходимости его добавляют в атмосферу корабля, а образующийся углекислый газ удаляют. Именно так устроены системы жизнеобеспечения на наших космических кораблях.

17

¹ Эко — от греческого слова «дом».

² Метаболиты — отходы жизнедеятельности организма.

Однако инженерам-конструкторам ракетных систем приходится «расплачиваться» за каждый килограмм космического корабля многократным увеличением топлива и веса ракеты. Вот почему конструкторы настойчиво подталкивали биологов и врачей на поиски облегченной атмосферы корабля.

Пробный камень естествознания

«Делаются попытки,— писал основоположник космонавтики К. Э. Циолковский в одной из своих работ,— избавиться от углекислого газа и других человеческих выделений с помощью подобранных микророслых растений, дающих в то же время питательные вещества. Над этим много, много работают — и медленно, но все же достигают успеха...

Для получения кислорода, пищи и очищения ракетного воздуха придумывают особые помещения для растений. Все это в сложном виде уносится ракетами в эфир и там раскладывается и соединяется. Чем достигают большей независимости от Земли, т. к. добывают средства жизни самостоятельно...»

В идее Циолковского заложены, как сейчас стало ясно, сразу по крайней мере три гениальных прогноза: во-первых, атмосфера корабля восстанавливается не химическими средствами, а растениями; во-вторых — эти же растения позволяют избавиться и от метаболитов; в-третьих — в качестве регенератора воздуха и воды нужно применять не простые растения, а именно «микророслые», другими словами — микроводоросли. Именно эти положения, выдвинутые Циолковским, и легли в основу программы работы сибирских биофизиков по созданию замкнутой экологической системы космического корабля. И сразу же выяснилось, что проблема создания такой системы представляет собой задачу с сотней неизвестных. Недаром академик Н. Сисакян называл эту проблему «пробным камнем современного естествознания».

Но кого имел в виду Циолковский, когда писал: «Делаются попытки избавиться от углекислого газа и других человеческих выделений...»? Известно, что подобные опыты проводил один из первых советских ракетчиков — Ф. А. Цандер. Он сообщал: «Многочисленными выращены растения в стакане с водой, удобренной: 1 : 200 отбросами». Но он же, Цандер, признал, что обеспечивать растения водой и питательными веществами в

космическом пространстве, в условиях невесомости, будет очень трудно. Правильней, приходил к выводу ученый, в качестве почвы для растений в условиях невесомости использовать древесный уголь. Интересно, что эта догадка позднее, сорок лет спустя, получила подтверждение, однако древесный уголь был заменен более эффективными ионитовыми смолами.

Цандеровский «стакан с водой» можно смело считать первым культиватором, созданным для той самой экологической системы космического корабля, о которой мечтал Циолковский.

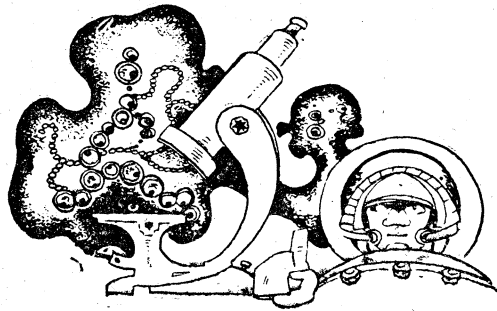
Почему сибирские биофизики в качестве регенератора, то есть восстановителя атмосферы, взяли хлореллу? Причин здесь много, но главных две. Первая причина — кпд фотосинтеза, то есть коэффициент использования энергии света, который у этого микроскопического растения по сравнению с травой, кустарниками и деревьями почти в три раза выше. Ведь почти восемьдесят процентов кислорода, который содержится в атмосфере Земли, выработано именно хлореллой и ее ближайшими «родственниками», живущими в океане. И вторая — хлорелла к тому времени из всех микроводорослей оказалась наиболее изученной, хотя, как потом выяснилось, изучена она была очень слабо и представляла, по выражению одного из биологов, «огромный, очень черный ящик».

Но была еще одна причина, заставившая исследователей применить в качестве биологического элемента системы жизнеобеспечения космонавтов именно хлореллу, — надежность. Надежность всех космических устройств, особенно обслуживающих человека, должна быть чрезвычайно высока. Вот почему почти все системы в космических кораблях дублируются: вышел из строя один агрегат — его тотчас должен заменить дублер. Но сколько таких дублеров можно разместить в тесной, до предела забитой кабине? Два, три? А клеток хлореллы в микроводорослевом культиваторе — миллиарды. И каждая клетка — своя самостоятельная «фабрика» кислорода. Надежность микроводорослевого реактора, по сравнению с химическими, бесконечно велика.

Однако хлорелла имеет и свои «минусы». Как любое живое существо, она вместе с кислородом выделяет в атмосферу и воду культиватора метаболиты. Что они собой представляют, это оставалось загадкой. В том великом круговороте, который представляет собой биосфера Земли, метаболиты хлореллы, даже если они для человека и ядовиты, пока попадут в его организм, много раз успеют разложиться и рассеяться в воде и атмосфере. Но совсем другое дело — кабина космического корабля. В ней хлорелла и человек должны составить симбиоз, своеобразный, если можно так выразиться, «синтетический организм».

В природе есть удивительное существо, невероятное с точки зрения как зоологов, так и ботаников. С одной стороны, это существо имеет явные признаки животного, но с другой стороны — оно начинено хлорофиллом и «питается», как любое растение, солнечным светом. Биологи назвали это существо зеленой амемой, подчеркнув в самом названии двойственную сущность этого уникала.

О физиологии зеленой амемы биологам известно очень мало. Ясно лишь, что этот маловероятный симбиоз заключается в том, что отходы жизнедеятельности животного являются продук-

тами питания для растения и, наоборот, метаболиты растения — источник жизни для животного. Но разобраться, что именно в зеленой амебе является животным, а что — растением, очень трудно. Не о таких ли существах мечтал К. Э. Циолковский, описывая «эфирных людей», которые могут существовать только за счет энергии солнечного света?

Конечно, экологическую систему «человек — хлорелла» с зеленой амебой можно сравнить лишь с известной натяжкой — слишком уж велика разница между физиологией хлореллы и человека. Если физиология зеленой амебы отработывалась природой в течение миллионов лет, то той же самой природой и человек, и хлорелла были «отработаны» в самостоятельные, независимые друг от друга существа, каждое со своим независимым жизненным циклом. Задача, наверное, не менее трудная, чем попытка вырастить травоядного льва.

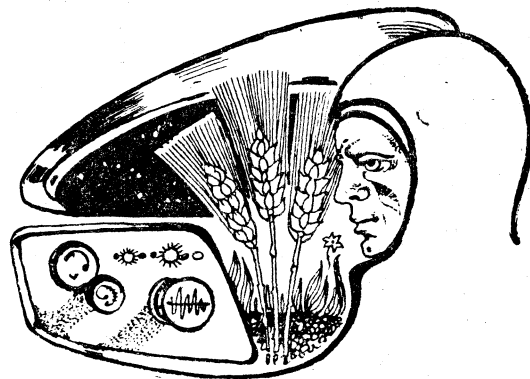
Однако даже аналогия с травоядным львом не дает полного представления о тех трудностях, с которыми столкнулись ученые при разработке системы «человек — хлорелла». Так, на первых же этапах исследований выяснилось, что для человека опасна не только хлорелла, но и... он сам себе, так как выделяет в атмосферу кроме углекислого газа немало ядовитых веществ: угарный газ, аммиак, метан и многие другие. При химической системе очищения атмосферы корабля они не страшны — для каждого можно подобрать свой поглотитель. Но как отнесется к этим токсическим веществам хлорелла? Уповать на то, что эти вещества выделяются человеком в ничтожно малых дозах, не приходится: в небольшой кабине корабля накопление их произойдет очень быстро.

А тут еще огорчения преподнесли конструкторы гермокабины. Первую кабину, изготовленную в полном соответствии с нормами технической эстетики из красивых пластмасс, пришлось выбросить: все пластмассы, как оказалось, «газили» — выделяли, хотя и в ничтожных количествах, ядовитые газы. А в замкнутом объеме недопустимы и миллионные доли граммов примесей.

Проверке на «газовость» пришлось подвергнуть все материалы — железо, дерево, оргстекло, краски. «Экзамен» выдержали очень немногие — сталь, дерево да еще несколько видов искусственных материалов. А краски — ни одна. И новую кабину пришлось делать из нержавеющей стали, а покрывать изнутри мелом на желатине.

Тем временем группа физиков во главе с Ф. Я. Сидько и В. Н. Беляниным заканчивала первый этап исследований хлореллы. Была определена необходимая масса микроводорослей для поддержания нужного уровня кислорода в камере, определена освещенность, при которой лучше всего идет фотосинтез, и многие другие нужные для создания культиватора параметры. Теперь за дело взялись конструкторы.

Биологи опасались, что насосы, которыми конструкторы собирались перекачивать их драгоценную «чудо-водоросль», повредят клетки хлореллы. Однако «скорлупа» хлореллы оказалась настолько крепкой, что зеленые шарики, величиной в несколько микрон, можно было раздавить только в специальной мощной установке. Биологи опасались также, что ксеноновые лампы, которыми конструкторы во главе с Б. Г. Ковровым собирались освещать культиватор, вызовут перегрев и

гибель хлореллы, несмотря на мощную систему охлаждения. Но система охлаждения строго выдерживала заданную температуру. Одним словом, хлорелла оказалась на диво живучей. Но главное было впереди. Как отнесется хлорелла к сожительству с человеком?

Микроводорослевый культиватор из «стакана с водой, удобренной 1 : 200 отбросами», превратился в конце концов в причудливый цветок с листьями-лепестками из органического стекла, расположенными в виде воротника-жабо вокруг ксеноновых ламп, дающих по спектру солнечный свет. Между пластинами, в пространстве толщиной пять миллиметров, бурлил раствор с хлореллой. В культиватор накачивался воздух, обогащенный углекислым газом, а из него выходил частично очищенный и обогащенный кислородом. Теперь можно было приступить к испытанию всей системы.

Сейчас, наверное, трудно установить, кто вошел в кабину первым, слишком много их, создателей системы жизнеобеспечения «человек — хлорелла», этого «дома» космонавтов, прошло через гермокабину в роли испытателей.

Загадочные коэффициенты

Итак, человек перешагнул порог гермокамеры и сделал первый глоток пахнущего свежескошенным сеном воздуха. Такой запах придала воздуху хлорелла. Впрочем, другим испытателям запах хлореллы напоминал «аромат» болотной тины. Вот почему впоследствии в гермокамере появился угольный фильтр, очищавший воздух от всяких запахов.

— Как самочувствие? — спрашивает врач испытателя.

— Отличное!

Гермокабина... Двенадцать кубических метров. (Вспомним, что объем корабля «Союз-9» с орбитальным отсеком — девять кубометров). Стены кабины белые. В каждой — восьмигранный иллюминатор. Сверху тоже иллюминатор — через него в кабину вливается мягкий рассеянный свет. Маленький столик, складывающаяся из полиэтиленовой пленки раковина, узкая деревянная кровать, на которой змеей укреплена резиновая трубка — датчик качества сна. Каждое движение

спящего испытателя она передает на записывающий аппарат. В углу — пучок проводов с датчиками частоты пульса, артериального давления, частоты и ритма дыхания. В углу напротив, по диагонали, — крошечная кухня: две полки с посудой, плитка.

Гермокабина кроме телеметрии¹ и радио с внешним миром связана специальным шлюзом, через который испытателю подаются продукты, и манжетным люком, через который испытатель протягивает свою руку врачам для сдачи крови на анализы.

Испытатель снабжен гантелями, книгами и имеет возможность через иллюминатор смотреть телевизор.

Проходит час, второй, третий...

— Как самочувствие? — спрашивает врач.

— Отличное...

Кончились сутки...

— Как самочувствие?

— Нормальное.

О нормальном самочувствии говорят и приборы. Однако анализы воздуха показывают: за сутки из кабины «исчезает» двадцать литров кислорода — их недодала хлорелла. За сутки концентрация кислорода в кабине понизилась на одну шестую процента. Признаки кислородной недостаточности у человека начинают проявляться при падении концентрации кислорода ниже семнадцати процентов. Значит, человек с хлореллой в гермокабине может прожить не более двадцати пяти дней. Опыт прекратили.

Были и другие трудности. Для нормального «дыхания» хлореллы содержание углекислого газа в воздухе, поступающем в культиватор, должно быть не ниже одного процента. Но ведь атмосфера в гермокабине одна — как для хлореллы, так и для человека. Следовательно, человек вынужден будет дышать воздухом, концентрация углекислого газа в котором превышает норму почти в тридцать раз. Насколько опасно такое превышение концентрации углекислого газа для

человека, если, скажем, в лесном воздухе она не превышает и трех сотых процента?

Было также известно, что работы по влиянию повышенной концентрации углекислоты на человека велись давно — практически с тех пор, как появились подводные лодки. Указывались в этих работах и предельно допустимые концентрации — от полпроцента до двух процентов и даже выше. Разнобой в рекомендациях объяснялся временем, которое проводили испытатели в «углекислой» атмосфере. Во всех этих работах ясно прослеживалась закономерность: чем дольше находится человек в «углекислой» атмосфере, тем меньшая должна быть в ней концентрация углекислоты. На несколько часов безопасны и два процента... А на полгода? На год? Ведь срок жизни космонавтов в будущих полетах к другим планетам не ограничивался.

Можно было, разумеется, пойти по другому пути: построить культиватор более мощный, такой, для нормальной работы которого концентрация углекислоты в атмосфере гермокабины достаточна была бы, скажем, в полпроцента или даже ниже. Но расчеты показывали, что такой культиватор и по весу и по объему увеличился настолько, что биологическая система жизнеобеспечения космонавтов с таким мощным культиватором была бы уже не конкурентноспособна с физико-химической, которая применяется при современных кораблях.

Пришлось остановиться на культиваторе с оптимальной, то есть рабочей концентрацией углекислого газа в один процент. И принять, соответственно, все меры предосторожности. Насколько серьезна эта проблема, говорит хотя бы история с американским космическим кораблем «Аполлон-ХIII», который должен был высадить на Луну Д. Ловелла и Д. Суиджера. Известно, что полет «Аполлона-ХIII» едва не привел к катастрофе: почти сразу после того, как космонавты, собравшиеся спать, передали на Землю: «А теперь экипаж «Аполлона-ХIII» желает всем приятно провести вечер», раздался удар, вслед за которым лихорадочно замигал красно-оранжевый сигнал тревоги. С этого момента и до возвращения на Землю весь полет к Луне, по сути дела, превратился в грандиозную операцию по спасению космонавтов, в которой принимали участие, помимо самих космонавтов, десятки тысяч людей на Земле. Десятки государств, включая и Советский Союз, выразили готовность предоставить свои суда и самолеты для проведения спасательной операции.

Как выяснилось потом, в отсеке обслуживания взорвался баллон с кислородом. Позднее, когда перед входом в атмосферу Земли этот отсек был отброшен и стал виден из корабля, командир экипажа сообщил в центр: «Весь борт сорвало. От взрыва все это место стало темнотой. Все разбито вдребезги».

Баллон с кислородом обслуживал не только систему жизнеобеспечения космонавтов, но и питал топливные элементы основной энергетической установки корабля. Кабина оказалась без электроэнергии, обогрева и кислорода. Чтобы сохранить остатки кислорода в системах отсека, который должен спустить космонавтов на землю, центр управления полетом, взвесив все «за» и «против», предложил экипажу аварийного корабля перейти в лунную кабину, имевшую автономную систему жизнеобеспечения. В этом отсеке, рассчитанном на кратковременное путешествие

космонавтов по Луне, все трое — Ловелл, Суиджерт и Хейс — провели неделю, пока их искалеченный корабль обогнул Луну и вернулся к Земле.

Экономя электроэнергию, которая нужна была для переговоров с Землей, коррекции траектории перед входением в атмосферу и расстыковки отсеков, космонавты выключили обогрев и все системы, без которых можно было обойтись. Космонавты, попавшие в тяжелые условия, катастрофически теряли воду. Так, Ловелл за этот полет потерял шесть килограммов веса. Атмосфера кабины была настолько насыщена влагой, что Суиджерт промочил ноги и потом, уже на Земле, два дня не мог их отогреть.

Но самое страшное было в том, что в лунной кабине не было приборов поглощения углекислого газа. Концентрация углекислого газа катастрофически росла, а диспетчеры центра управления полетом ничего не могли придумать. И уже когда над жизнью космонавтов нависла серьезная угроза, Земля согласилась на предложение космонавтов снять шланги с лунных скафандров и протянуть их из лунной кабины в командный отсек и подключить к поглотителям углекислоты. Но возникла новая трудность: как эти шланги соединить? К счастью, на корабле нашлась лента-липучка. А для прочности Ловелл обмотал место соединения собственным носком.

Так лунная кабина выступила в роли «спасательной шлюпки».

Но вернемся на землю, в Красноярск, где готовился длительный эксперимент пребывания испытателя в гермокабине с концентрацией углекислого газа, почти в тридцать раз превышающей норму. Был ли риск? Несомненно. Вот почему у гермокабины дежурили десятки специалистов — врачей, микробиологов, техников, лаборантов, готовых немедленно прийти на помощь. Дело было не только в углекислом газе. Врачи помнили и о тех микроэлементах аммиака, окиси углерода, метана и многих других ядовитых веществ, которые выделял человек в атмосферу гермокабины. Однако накопления этих токсических выделений в атмосфере гермокабины не происходило. Выходит, их поглощала хлорелла?

Сотни анализов, сотни графиков, вычерченных самописцами приборов, подвергались тщательному анализу. Исследовались сердечно-сосудистая система, работа желудочно-кишечного тракта, регулярно бралась на анализы кровь. Внимательно изучалась работа нервной и дыхательной систем. И все подтверждало: никаких отклонений от нормы!

Кстати, испытатель мог выйти из гермокабины в любой момент самостоятельно. Это тоже входило в программу безопасности. Но никто не воспользовался этой возможностью, потому что в ней не было никакой необходимости. Чувствовали себя испытатели в «углекислой» атмосфере нормально. Нормальными были и показания всех приборов за исключением, пожалуй, одного — дыхание у испытателей становилось значительно глубже. Такое дыхание характерно для спортсменов во время тренировок или людей занятых тяжелым физическим трудом.

Шел второй месяц испытаний, но самочувствие испытателей оставалось нормальным. Правда, концентрация углекислоты в атмосфере гермокабины была не постоянной, а колебалась: днем она поднималась до 1,3 процента, зато ночью падала до 0,7 процента. Это и понятно:

днем человек работает, бодрствует — следовательно, кислорода потребляется больше и соответственно увеличивается концентрация углекислоты. А ночью, наоборот, для дыхания требуется меньше кислорода, и углекислоты в воздухе становится меньше. Может, все дело в цикличности?

По литературным данным, зона безопасной концентрации углекислоты для человека лежит в пределах 0,5—0,8 процента. Именно на этом, практически нормальном уровне и находилось содержание углекислого газа по ночам в гермокабине. Испытатель, таким образом, семь-восемь часов в сутки находился в безвредной для него атмосфере. Это и предохраняло организм испытателя от углекислого отравления.

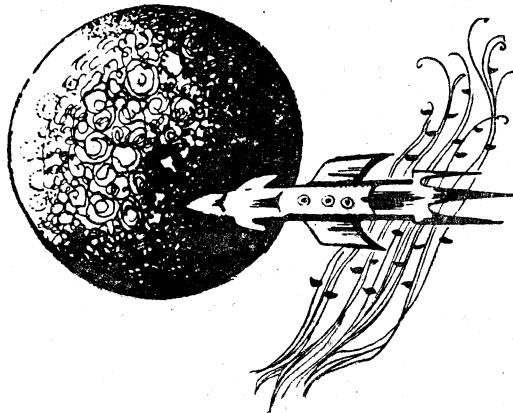
Но что делать с концентрацией кислорода? Ведь он убывал в сутки на двадцать литров! Как добиться между хлореллой и человеком полной гармонии?

Первым понятие гармонии между человеком и растением внутри космического корабля ввел К. Э. Циолковский. В одной из работ, посвященных проникновению человека в космос, он писал: «Растений должно быть столько, чтобы их корни, листья и плоды давали столько же кислорода, сколько его поглощают обитатели жилья. Если последние поглощают более, то люди задыхаются и ослабевают, а растения оживляются от избытка углекислого газа, если менее, то людям дышать легко, но растения не имеют довольно углекислого газа и слабеют».

Расчеты показывали, что полной гармонии между человеком и хлореллой можно было добиться лишь в единственном случае — если будут равны дыхательный коэффициент человека и ассимиляционный — хлореллы.

Человек в сутки поглощает около шестистот литров кислорода и выделяет около 540 литров углекислого газа. Соотношение между выдыхаемым углекислым газом и вдыхаемым кислородом представляет собой дыхательный коэффициент — ДК. В растении же происходит обратный процесс: поглощается углекислый газ, а выделяется кислород. И соотношение между ними представляет собой АК — ассимиляционный коэффициент. Гармония между хлореллой и человеком наступила бы в том случае, если бы ДК равнялся АК.

Чтобы понять, что скрывается за равенством двух этих коэффициентов, обратимся опять к загадочной зеленой амебе, которая является одновременно и растением, и животным. Зеленая амеба представляет собой как бы микромоделю замкнутой экологической системы. Зерно

хлорофилла — то же автотрофное звено, что и хлорелла в гермокабине, а одноклеточная амеба — то же гетеротрофное звено, что и человек. В каком случае в зеленой амебе будет наблюдаться полная гармония между одноклеточным организмом и хлорофиллом?

Провели такой опыт. Поместили зеленую амебу в сосуд с дистиллированной водой, лишенной каких бы то ни было питательных веществ. Амеба перестала расти, однако продолжала жить до тех пор, пока сосуд с водой не внесли в темное помещение. Значит, амеба «питалась» солнечным светом! Опыт повторяли неоднократно, доводя его продолжительность до нескольких месяцев. Зеленая амеба отлично обходилась только солнечным светом. В ее организме устанавливался идеальный симбиоз, полная гармония между растением и животным. Не о таких ли сверхгармонических существах — «эфирных людях» — мечтал К. Э. Циолковский, разрабатывая проекты освоения человеком космического пространства?

Увы, такой гармонии в гермокабине у испытателя с хлореллой не получалось. И всему виной была разница между ДК и АК, между дыхательным и ассимиляционным коэффициентами. Разница всего в несколько сотых, но за сутки это приводило к «потере» двадцати литров кислорода.

Выход был в одном — заставить хлореллу приспособиться к человеку. Но для этого ее нужно было перевести на другое питание — с мочевины, скажем, на нитраты. Питаясь нитратами, хлорелла вырабатывает кислорода почти на двадцать процентов больше, чем на мочевины.

Мочевина была выбрана для хлореллы в качестве «продукта питания» не случайно: ведь именно она является составной частью выделений человека. А если хлорелла способна питаться мочевиной, то какой смысл загружать космический корабль еще и другими «продуктами» для хлореллы?

Итак, изменить АК хлореллы, то есть приспособить ее к человеку, невозможно. Но нельзя ли в таком случае поступить наоборот — повысить ДК? Другими словами, нельзя ли ДК человека «подогнать» под ассимиляционный коэффициент хлореллы?

От чего зависит ДК человека? Оказывается,

так же как и у хлореллы, — от продуктов питания. Жиры понижают ДК, а углеводы — повышают. Напрашивался вопрос: нельзя ли разработать для космонавтов такие рационы, с помощью которых можно было бы регулировать ДК, приспособивая его к АК хлореллы?

Провели расчеты. На их основе были составлены «меню-регуляторы», по которым Всесоюзный научно-исследовательский институт консервной и овощесушильной промышленности изготовил так называемые лиофилизированные продукты. Ими, кстати, питались космонавты А. Николаев и В. Севастьянов во время восемнадцатисуточного полета на корабле «Союз-9».

И снова начались опыты, снова в гермокабину вошел испытатель...

Сутки, вторые, третьи... Испытателю меняют рацион, увеличивая в нем содержание углеводов. И анализы воздуха показывают, что концентрация кислорода медленно, но все же растет. Значит ДК испытателя повысилось. Расчеты оправдались полностью.

Так была достигнута гармония между человеком и хлореллой. Разумеется, до той идеальной гармонии, которая наблюдается у зеленой амебы, еще далеко, но по крайней мере два круга из трех — воды и воздуха — красноярским биофизикам уже удалось замкнуть полностью. А это означает, что в космическом корабле, который полетит к Марсу, вес запасов можно снизить на двенадцать тонн.

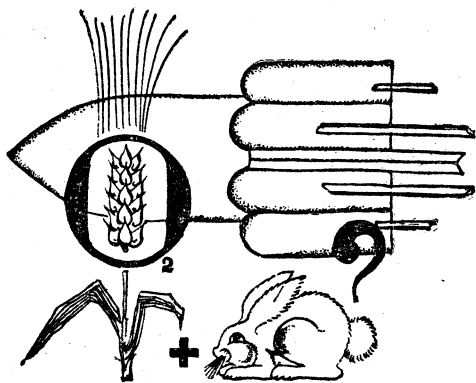
Испытатели сменяли друг друга — парни и девушки.

Теперь, когда многократные опыты подтвердили, что симбиоз хлореллы с человеком — не счастливый случай, а закономерность, в роли испытателя должна была выступить сама хлорелла. Ведь все опыты до сих пор проводились на земле, а «работать» ей, как и космонавтам, которых она должна «опекать» и обеспечивать кислородом, водой и пищей, предстояло в космическом пространстве, где условия для всего живого не только противоположенные, но, как выражаются врачи, прямо противопоказанные. И сам по себе факт, что в космосе, в этом «перевернутом мире», уже побывали и люди, и животные, говорил еще слишком мало. Хлорелла должна была сама «проверить на себе» все загадки космоса.

Разумеется, от хлореллы, когда на спутнике «Космос-110» она выступила в роли «испытателя», ученые ожидали не храбрости и самообладания, а нормальной, такой же, как на земле, жизнедеятельности. Однако космос и на этот раз преподнес сюрприз. Вопреки ожиданиям, хлорелла в «перевернутом мире» испытала не угнетение, а буквально «прилив жизненной энергии». После возвращения на землю она стала размножаться гораздо активнее, чем прежде.

Три круга

Звание «чудо-водоросли» хлорелле присвоили не зря. В отличие от других одноклеточных организмов, которые делятся, как правило, на две дочерних клетки, хлорелла способна сразу делиться на 4, 8, 12, 32 и даже 64 части! Немного есть других микроводорослей, которые могут соперничать с хлореллой в «урожайности». Вот по-

чему ученые считают, что именно хлорелла избавит будущее человечество от угрозы голода.

Биологи прикинули: космонавту, который отправится к Марсу, потребуется в среднем четыре литра воды в сутки — примерно по одному литру на питье и приготовление пищи, а остальное, около двух литров, — на санитарные нужды. Нетрудно подсчитать, что экипажу из шести человек, который отправится к Марсу, потребуется 10 тонн воды. Разумеется, такого запаса брать с собой космонавты не смогут — никакой ракете не поднять такой груз. Реальный запас воды на «марсианском» корабле, по расчетам американских ученых, составит не более 150 литров.

Расчеты американских ученых более жесткие, чем наши: они считают, что космонавту в сутки достаточно трех литров. Однако для стосуточного полета они определяют норму уже всего в 15 литров. А 25 литров — при полете в три года. На чем основаны такие расчеты?

Попробуем разобраться, какой путь проделывает вода в организме человека. Большая часть, 60—70 процентов, выводится почками — это, примерно, полтора литра. Еще около литра выводится при дыхании и через кожу. И небольшая часть воды выходит с твердыми метаболитами. Таков баланс организма человека. И все расчеты специалистов по дальним космическим полетам основываются на том, что вся эта вода может быть возвращена человеку, восстановлена на борту корабля до прежней своей чистоты.

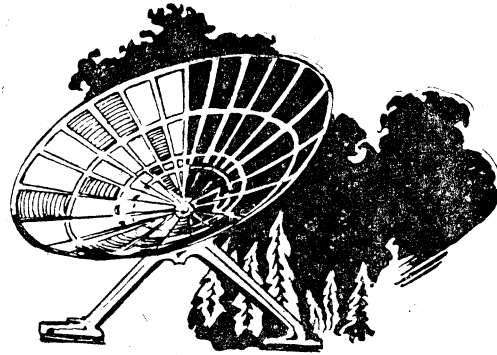
Есть много способов восстановления воды — химические, тепловые, бактериальные. Все они, естественно, были опробованы в системах жизнеобеспечения космонавтов. Разумеется, на земле, ибо пока все космические корабли рассчитаны на непродолжительные полеты, когда выгоднее брать в полет запасы воды и пищи, чем загромождать кабины установками регенерации. Но при полетах длительностью свыше месяца, как показывают расчеты, выгоднее устанавливать на кораблях регенераторы воды, чем брать с собой полный ее запас.

Наиболее простой способ восстановления воды — тепловой. Вода подогревается, испаряется, а конденсат охлаждается. В него нужно лишь добавить немного солей для придания нужного вкуса — и вода готова. Однако этот способ требует и громоздких установок, и большого количества энергии. Поэтому конструкторы систем жизнеобеспечения пошли по другому пути: воду восстанавливают до прежнего качества различными химическими способами.

Но есть еще один путь — биологический. На него, как на наиболее перспективный, указывал еще сорок лет назад К. Э. Циолковский: вода, выделяемая почками человека, может служить пищей для растений. Именно этот путь имели в виду сибирские биофизики, когда заставляли хлореллу в культиваторе «питаться» мочевиной.

Однако опыты показали, что для того количества хлореллы, которое необходимо в качестве регенератора атмосферы в гермокабине, «естественной», то есть содержащейся в выделениях человека, мочевины мало. Да и очищает эту воду хлорелла все-таки недостаточно. Так, решив одну проблему, ученые сталкивались с новой...

Но если полностью замкнуть круг с «питанием» хлореллы так пока и не удалось — приходится часть мочевины подсыпать из банок, из запаса, то полное очищение воды от вредных

примесей удалось решить, подключив в помощники к хлорелле бактерии. Выяснилось, что хлорелла с бактериями образует не менее тесный и взаимопользительный симбиоз, чем со своим главным партнером — человеком.

Так был решен вопрос с полной очисткой воды и замкнут, таким образом, второй круг.

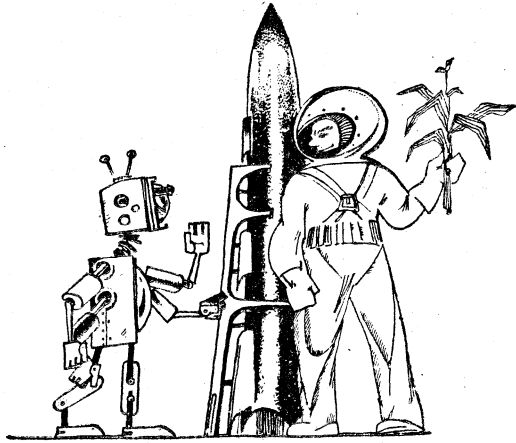
Оставался разомкнутым третий — круговорот пищи. Хлореллой человек пока питаться не может. Где же выход? И вот тогда исследователи обратились к другому не менее гениальному прогнозу великого калужского мечтателя. В кабину к испытателю они ввели высшие растения — салат, редиску, лук, пшеницу. Испокон веков люди удобряли эти растения метаболитами выших животных.

Однако круговорот внутри гермокабины по пище замкнуть все же очень трудно и на сегодня практически невозможно. Трудности возникают не только при переработке твердых метаболитов человека. С этой проблемой все же справились. После поисков и опытов были использованы бактерии, которые перерабатывали твердые метаболиты в полностью усвояемые хлореллой и высшими растениями удобрения. Но замкнуть третий круг внутри гермокамеры не удалось. Для этого нужно, чтобы космонавт питался только хлореллой и теми растениями, которые вырастали в фитотроне (так был назван отсек гермокабины, где была создана «космическая» оранжерея). Однако нет ни одного растения, в котором для человека одинаково съедобными были бы как «вершки», так и «корешки». У пшеницы съедобны зерна. А что делать со стеблем? Или у салата с корнями?

Еще сложнее дело обстоит с хлореллой. Эти крошечные, величиной в 2—5 микрон, растения одеты в крепчайшую оболочку, которая человеку совершенно «не по зубам» — желудочный сок и ферменты разрушить ее не в состоянии. Значит, хлореллу перед употреблением надо разрушать. Но как? И разрушить-то ее не просто — только специальные мельницы смогли справиться с этой хрупкой на вид микроводорослью.

Разрушенная хлорелла содержит почти все необходимые для человека белки, углеводы, жиры и витамины. Но потреблять больше ста граммов «чудо-водоросли» в сутки человек пока не может. А культиватор ежесуточно выдает пол-

«Запирали их в сурдокамерах...»

килограмма хлореллы, которую надо куда-то девать.

Проблема с круговоротом пищи — дело будущего. Возможно, для «замыкания круга» в гермокабину к человеку, а следовательно, и в кабину космического корабля, придется подселить животных — скажем, кроликов или коз. Тогда будет решена проблема с несъедобными для человека «вершками» и «корешками». Но возникнет новая трудность: что делать с животными? Одним словом, с круговоротом пищи внутри космического корабля пока больше проблем, чем решений.

Но круговороты воздуха и воды — уже не фантастика. В гермокамере, оборудованной культиватором с хлореллой и бактериальным реактором, которые позволили полностью замкнуть круговороты воздуха, воды и частично пищи, испытатели, а их было около десятка, прожили в общей сложности около шести тысяч часов.

Трехмесячному эксперименту лаборантки Гали Мазуркиной красноярские исследователи придавали особое значение. Дело в том, что за этот срок можно было проверить все «капризы» хлореллы, бактерий и самого человека.

Интересно, что испытания долгосрочных систем жизнеобеспечения космонавтов начались почти одновременно: в Москве — физико-химической, а в Красноярске — биологической. В Красноярске в гермокамеру вошел один испытатель, в Москве — трое. И еще одно существенное различие в экспериментах. Если в Москве гермокамера была полностью изолирована от окружающего мира и связь с ней имела только в редкие минуты телефонных переговоров, как в космическом полете, то в Красноярске, наоборот, испытателю была предоставлена максимальная возможность общения с внешним миром — большие иллюминаторы скрадывали замкнутость пространства гермокамеры, один из иллюминаторов выходил даже к окну, через которое испытатель видел улицу, почти весь день в комнату, где была установлена гермокамера, заходили друзья, и время на разговоры практически не ограничивалось. Одним словом, все было сделано для того, чтобы испытатель не чувствовал оторванности от внешнего мира. И сделано это было не случайно.

Трудно сказать, чего больше всего опасались врачи, готовившие первый полет человека в космос, — космических лучей, перегрузок, невесомости или... одиночества. Хватит ли у человека выдержки и самообладания продержаться в космосе, в этих совершенно необычных условиях, несколько суток?

Проблема одиночества стала для космической медицины одной из острейших. Как показали опыты, в сурдокамеру входили здоровые люди, а выходили — больные.

Последствия одиночества врачи определили так: «При длительном пребывании человека в специфических условиях замкнутого объема могут развиваться неблагоприятные сдвиги в организме, а это, в свою очередь, может потребовать существенного пересмотра принятой технологии работы систем жизнеобеспечения».

И вот, чтобы избежать этого «пересмотра принятой технологии работы систем жизнеобеспечения», другими словами, чтобы исключить влияние на результаты трехмесячного эксперимента последствий одиночества, сибирские биофизики сделали все возможное, чтобы испытатель одиночества не ощущал.

Галя Мазуркина вошла в гермокамеру Сибирского института физики 20 февраля 1968 года. В это время в Москве уже шел второй этап эксперимента: к гермокабине была подключена оранжерея, выведенная на режим «зеленого конвейера». Интересно сопоставить конструкцию этой оранжереи с красноярским фитотроном, который тоже был подключен к гермокабине. Если оранжерея москвичей работала в режиме «лунного дня», то фитотрон красноярцев был создан по принципу «зеленого конвейера». Что это значит?

В обычных условиях, на земле, все растения — пшеница, лук, салат — имеют свой биологический цикл: весной эти растения высаживают в почву, летом и осенью, по мере созревания, собирают урожай. Этот биологический цикл вызван прежде всего климатическими условиями — количеством солнечного света, тепла, осадков. Пока человек не в силах изменить эти условия, поэтому он вынужден приспосабливаться к сезонности урожая. Но совсем другое дело — фитотрон, где микроклимат создается самим человеком. Если все «грядки» вытянуть в одну линию, то получится своеобразный конвейер: на первой засеваются семена, а на последней уже зреет готовый к уборке урожай. Это и есть «зеленый конвейер».

Между сибирским фитотроном и московской оранжереей была и другая существенная разница: если в качестве почвы у москвичей были применены специальные смолы, заранее насыщенные минеральными удобрениями, то красноярцы в своем фитотроне применили орошаемый «конвейер»: каждое растение, будь то пшеница или лук, высаживалось в свою «лунку» — отверстие в планке из органического стекла, а уж планка с десятком ростков пшеницы или салата укреплялась в кювете, через которую прогонялся раствор, насыщенный минеральными удобрениями.

И еще одна особенность красноярского фи-

тотрона: если московская оранжерея, работавшая в ритме «лунного дня», обеспечивала испытателей овощами циклически, через четырнадцать дней, то красноярские испытатели могли снимать урожай ежедневно.

Московским испытателям — врачу Герману Мановцеву, биологу Андрею Божко и технику Борису Улыбышеву предстояло прожить в гермокамере объемом 20 кубических метров и проверить три варианта системы жизнеобеспечения будущих космических кораблей и орбитальных станций.

На первом этапе москвичи проверили систему жизнеобеспечения, в которой регенерация воды и воздуха происходила под действием высокоэффективных кислородосодержащих соединений. Твердые метаболиты, в отличие от красноярского эксперимента, в работу систем жизнеобеспечения не вовлекались, а удалялись в канализацию.

В гермокамере была телевизионная камера, поэтому экспериментаторы и врачи все время вели визуальные наблюдения. Сами же испытатели имели лишь редкие сеансы телефонной связи с внешним миром да в свободные от работы часы смотрели телевидение. На первом этапе необходимо было испробовать и лиофилизированные, то есть обезвоженные, продукты. Позднее, после окончания эксперимента, командир экипажа Г. Мановцев так оценил первый этап испытаний: «В первое время психологическим барьером было сознание того, что питьевая вода получена из мочи и конденсата атмосферной влаги, кислород тоже регенерированный, хотя система жизнеобеспечения работала отлично.

И еще один в какой-то степени психологически неприятный момент. Питание обезвоженными продуктами. Меню богатое... А часто хотелось обыкновенного хлеба, картошки. Но к концу эксперимента мы уже не вспоминали о земной пище».

Этот психологически неприятный момент с обезвоженными продуктами пришлось преодолевать и красноярским испытателям. Однако другой барьер — с питьевой водой — у них, в отличие от москвичей, был преодолен легче. И дело даже не в том, что система жизнеобеспечения на хлорелле позволила создать два водных контура — питьевой и санитарно-технический. Гораздо важнее, что в роли испытателей в Красноярске выступали сами исследователи — техники и лаборанты, которые еще накануне занимались очисткой воды от вредных примесей и отлично знали, как работает система регенерации и насколько эта вода чиста. Они отлично знали, что по своим химическим свойствам регенерированная вода в кабине ничем не отличается от водопроводной. Разумеется, конденсат в микроводорослевом культиваторе, который поступал в питьевой контур, получался из той же восстановленной воды. Но и в водопроводах не какая-то «первородная» вода, а такая же восстановленная, как и в гермокабине. Вся разница лишь в том, что регенерация земной воды идет скрытно, незаметно и ее круговорот в природе происходит не за три дня, как в гермокабине, а за несколько месяцев, а может и лет.

Как это ни странно звучит, но условия жизни в гермокабине оказались тепличными. Почти стерильные атмосфера и пища, ровные, наиболее оптимальные температура и влажность притупили в организмах людей защитные функции.

И когда испытатели, как в Москве, так и в Красноярске, выходили из гермокабин, то врачи не без основания считали их, несмотря на здоровый, прямо-таки цветущий вид, людьми ослабленными, предрасположенными к инфекционным заболеваниям. Вот почему их, прежде чем выпустить «на волю», помещали на неделю-две в карантин.

Вообще, надо отметить, что если с технической точки зрения ни московский, ни красноярский эксперименты сюрпризов не преподнесли, обе программы были выполнены полностью и обе системы жизнеобеспечения — физико-химическая и биологическая — с честью выдержали экзамены, то в медико-биологической части программы неожиданностей оказалось предостаточно. Главным образом психологических. Причем интересно, что некоторые психологические «сюрпризы» выявились уже после окончания экспериментов.

Заметили «кое-что» и врачи. Трудным, особенно на первых порах, оказался для испытателей контакт с людьми. Они держались неуверенно, старались быть незаметными и предпочитали разговаривать тихо, почти полупрошепотом. Так сказались на характерах годичное «заточение» в гермокабине.

Интересно было и преодоление психологического барьера «двери». Как в Москве, так и в Красноярске, двери в гермокамеру были опечатаны, но испытатели могли в случае необходимости выйти самостоятельно.

Испытала «приступ желания открыть дверь» и Галя Мазуркина. Правда, причины были скорее не психологические, а технические: отказал вдруг кондиционер воздуха, который регулировал в гермокамере температуру и влажность. Из-за аварии отключили водопровод, холодная вода которого служила своеобразным хладагентом, и влажность в камере достигла 95 процентов. Вся одежда, книги, по которым Галя готовилась к поступлению в институт, — все промокло, а температура воздуха поднялась до 30 градусов. Дышать в такой «тропической» атмосфере стало трудно.

Оба эксперимента окончились успешно. «Генеральная репетиция» дальних космических полетов доказала не только надежность систем жизнеобеспечения, как химической, так и биологической, но и, что не менее важно, — способность людей выдержать такой многомесячный полет.

«Манят звезды тебя...»

Нелегко был путь к симбиозу человека и хлореллы. Не все еще ученые верят в устойчивость этого по существу искусственно сложившегося сожительства, очень медленно проникает в сознание конструкторов парадоксальная, с их точки зрения, мысль: биология, почти не поддающаяся точным расчетам, а значит, не имеющая с технической точки зрения никакой гарантии надежности, оказывается гораздо надежнее любой технической системы! Но уже пришло и признание: огромный интерес к докладом о работе института по созданию «дома космонавтов» был проявлен на сессии КОСПАР в Лондоне, на XIX Международном астронавтическом конгрессе в Нью-Йорке, на симпозиуме в Праге, где советскую делегацию возглавлял Иван Александрович Терсков, на XX Астронавтическом конгрессе в

Аргентине, в котором принимали участие Леонид Васильевич Киренский и Иосиф Исаевич Гителзон, и, наконец, на XIII сессии КОСПАР в Ленинграде, сообщение на которой о трехмесячном эксперименте в гермокабине убедило космологов в том, что уже сегодня биологическая система жизнеобеспечения космонавтов по своим параметрам вполне может конкурировать с отработанными и испытанными в космических полетах физико-химическими системами. «Длительность существования такой системы в эксперименте уже достигла трех месяцев без препятствий к ее продлению, то есть сомкнулась с предполагаемыми сроками космических полетов людей в предстоящем десятилетии», — таков был вывод руководителей программы «человек — хлорелла».

«Манят звезды тебя...» Какие открытия ждут нас, современников первых космонавтов, в ближайшие десятилетия? Где, на каких кораблях найдут себе применение удивительный симбиоз человека и хлореллы, осуществленный в Сибирском институте физики?

Разумеется, главный упор в освоении космоса будет делаться на автоматы. Автоматы и дешевле космических кораблей, и надежнее. Да и ракеты-носители для запуска автоматов в космос неизмеримо меньше по размерам и дешевле.

Нет никаких сомнений, что рано или поздно на Марс и Венеру будут отправлены автоматы типа «Луна-16», которые смогут взять и доставить на Землю образцы «грунта» наших «соседей» и провести ряд научных наблюдений.

И все-таки никакие автоматы не в состоянии сделать то, что может человек. Никакая сумма информации не сможет заменить человеку его личные впечатления. И поэтому, разумеется, заключительным этапом освоения любой планеты нашей Солнечной системы, после того, как путь к ней проложат автоматы, будет высадка на ее поверхность космонавтов. И ближайшей такой планетой, видимо, станет Марс.

Марс для космических путешествий в удобную точку «становится» каждые два года. Но помимо таких обычных «противостояний» Марс регулярно попадает в особенно удобное для по-

лета к нему положение. Такое «окно» создастся, например, в октябре 1983 года. И если в тот год к Марсу пойдет корабль с людьми, то, учитывая, что полет его будет продолжаться не менее 420 дней, система жизнеобеспечения на корабле, вполне вероятно, будет химико-биологической, а возможно, и чисто биологической.

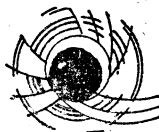
Но есть более «земные» задачи космонавтики, где применение системы жизнеобеспечения, разработанной в Сибирском институте физики, и более вероятно, и более целесообразно. Это — орбитальные станции, объем и размеры которых могут позволить создать внутри их полностью замкнутую, ту самую «идеализированную» систему, о которой сорок лет назад писал К. Э. Циолковский. В самом деле, если в тесных космических кораблях еще можно мириться с неудобствами и консервированной лиофилизированной пищей, то на станциях — орбитальных, лунных, а в будущем, возможно, и марсианских, где люди будут жить месяцы, а то и годы, придется создавать, как говорят биологи, микробиосферу — уголки земной природы с земной атмосферой, с земными растениями и животными. Ибо только в такой атмосфере человек сможет жить без опасения нарушить в своем организме сложнейшие, отработанные многовековой эволюцией биологические механизмы. И только симбиоз человека с растениями, в том числе и микроводорослями, в состоянии обеспечить возможность «длительного пребывания человека вне биосферы Земли».

...Когда я прощался с удивительным институтом, где все работы, все земные заботы, радости и огорчения переплелись с космосом, в голове настойчивым лейтмотивом звучали строки из поэмы Межелайтиса «Человек»: «Манит небо тебя, манят звезды...»

Мелькнула серебристая спираль перед входом в главное здание, оборвался бесконечный хоровод белоствольных берез по сторонам шоссе, и показалась гигантская металлическая чаша — антенна, направленная в небо, к звездам. Словно гигантская ладонь, открытая другим миром...

г. Красноярск

Рисунки Е. Стерлиговой

Рассказ

Борис ВОДОПЬЯНОВ

Рисунки Н. Мооса

В конце сентября, когда последние морские суда с лесом покинули Игарку и для нас, енисейских лоцманов, наступило время отпусков, учебы и служебных командировок, меня неожиданно вызвал к себе начальник лоцманской службы и предложил:

— Хочешь еще пару месяцев поплавать?

Я вспомнил, что нас давно уже собираются послать на Черное море перенимать у южан опыт швартовки крупнотоннажных судов.

— В Одессе или в Новороссийске? — спросил я.

и географией. Никогда, конечно, об этом не распространялся, но три небольших статьи, опубликованные местной газетой, выдали меня с головой. А во-вторых, в Ленинграде у меня имелись родственники, что освобождало начальство от забот о моем бытовом устройстве.

Как бы там ни было, но на предложение я ответил согласием. «А что ж, — важно размышлял я, выходя из кабинета, — работаю седьмой год, профессия нравится, реку люблю. Ну, и потом это самое: не боги горшки...»

Большое дело — прийти к уверенности через сомнения. Хуже, если наоборот.

— Зачем? По Енисею, — с улыбкой ответил начальник.

Я невольно глянул в окно на опустевший грузовой рейд. Лед, покрывавший реку, был весь исковеркан мощными ледоколами, работавшими здесь совсем недавно. Изломы торосов были толщиной в пять-шесть ладоней.

— Полетишь в Ленинград и будешь там плавать по Енисею, — добавил начальник и, не дожидаясь моего ответа, пояснил суть дела.

В Ленинграде, в одном из морских учреждений, готовилось новое издание Наставлений для плавания морских судов по Енисею. Для этой работы требовался человек, хорошо знающий реку. Учреждение обратилось к нашему начальству, а выбор начальства по некоторым соображениям пал на меня. Думаю, что среди этих соображений было два решающих. Во-первых, я интересовался рекой, ее историей

Когда я через два дня получал в нашей бухгалтерии билет на самолет до Ленинграда, уверенность во мне убывала быстрее, чем вода в Енисее при самых сильных южных ветрах. Дело в том, что накануне я провел несколько часов за просмотром старых Наставлений. Знакомая до последней строчки книга на этот раз предстала передо мной в роли официального документа. Четкий шрифт, плотная глянцевая бумага, коленкор, золотое тиснение. Неужели все это когда-то было написано простым смертным? Сомнения усиливались еще и тем, что имя Автора нигде в Наставлениях не упоминалось. Автор, и все. Правда, с большой буквы. Но представить внешность этого Автора я никак не мог. Чувствовался только характер — жесткий и властный. Иначе откуда все эти «судоводителю надлежит», «судоводителю следует», «судоводитель обязан»...

Длинный полутемный коридор морского учреждения по обеим сторонам увешан портретами знаменитых землепроходцев и мореплавателей. Мужественные усато-бакенбардные лица будто вопрошали из своих багетовых рам: кто ты таков, с чем сюда явился?..

— И сколько же пароходов посадили вы на мель?

Строгий вопрос исходил уже не от портрета, а от вполне реального лица — Виктора Петровича Голубева. Он представился мне, пожал руку и опустился в огромное кресло за огромным старинным столом, заваленным кипами машинописных листов. Под стать обстановке Виктор Петрович был пожилым и грузным, сутулился, отчего грудь казалась впалой и отлично сшитый пиджак сидел мешковато. Гладко выбритые отвислые щеки, большая голова покрыта легкой седой дымкой..

— Сколько же? — повторил он свой вопрос.

— Не доводилось, — ответил я.

— Вот, извольте, — буркнул Виктор Петрович. — Русским же языком просили направить к нам знающего лоцмана. А что может знать о реке человек, ни разу не сидевший на мели?

— Это философский вопрос, — резко ответил я: пять напряженных месяцев навигации заметно расшатали мои нервы.

— Что вы сказали? — Виктор Петрович приставил щитком к уху огромную ладонь с массивным золотым перстнем на безымянном пальце.

Позже я узнал, что данный жест его означает недовольство возражением. Еще я узнал, что перстень — фамильный, долго передавался в морском роду Голубевых от отца к сыну и что за строптивое нежелание снять его с пальца Виктор Петрович в свое время подолгу засиживался на должностях весьма скромных.

Но это выяснилось позже, а теперь я с аварийной поспешностью соображал, какой линии следует держаться в своем положении. Лоцманская работа, постоянно сталкивая с разными людьми, большей частью знающими и ответственными, невольно делает вас дипломатом.

«Буду сух и официален», — решил я.

— Наставлений писать не доводилось? — продолжал Виктор Петрович.

Он, видимо, потерял ко мне интерес и разговаривал, не поднимая седой головы от бумаг, делая на них пометки. — Не доводилось... Что ж, наука не из сложных, к обеду постигнете. Помните, как бог сотворил человека? По образу и подобию своему. То же и с Наставлениями. Берете старье и по их образцу пишете новые с учетом всех изменений. Тем более, что река у вас основательная, меняться не любит. Так ведь?

— Не любит, — ответил я.

Ну что для него Енисей? Голубая лента на кремовом ватмане карты, да былиннокрасивое слово в поквартальных издательских планах, не больше. Наверное, он неплохой редактор, умный, эрудированный, но что касается Енисея...

— Вот список необходимой литературы, — он протянул мне листок. — Библиотека на втором этаже. Бумага, клей и ножницы в шкафу. Через семьдесят два дня рукопись должна лежать вот здесь, — он ткнул пальцем в стол перед собой. — Ну, все. Работайте.

Из библиотеки я принес большую кипу книг о Енисее. Среди них было несколько редких старых изданий и даже папка с газетными вырезками за много лет. Я успел заметить, что в списке, составленном Виктором Петровичем, книги следовали в строго хронологическом порядке. Правда, особой заслуги я тут не усмотрел: прямая обязанность главного редактора знать литературу по своему предмету. И все же эта деталь частично примирила меня с ворчливым и строгим стариком. К тому же стол, за которым мне предстояло в течение двух месяцев приумножать славу русской морской науки, занимал очень выгод-

ную позицию. Он стоял в дальнем углу за канцелярским шкафом. Отсюда я мог просматривать всю комнату, видя перед собой усердно склоненные затылки новых коллег, сам же при этом оставался для их взглядов недосягаемым. Правда, Виктор Петрович сидел лицом ко мне, но нас разделяло достаточное пространство, да к тому же и маска угрюмой замкнутости, в которую я успел облачиться, должна была защитить меня от чьей бы то ни было бесцеремонности.

Но главную ставку в борьбе за свое самоутверждение я делал на другое. Отбросив сомнения и нерешительность, поставил себе целью написать Наставления так, чтобы всяк их прочитавший преисполнился уважением к Автору.

Я готовил свой стол к работе и украдкой наблюдал за стариком. Склонив над столом могучий череп, Виктор Петрович быстро и уверенно правил один лист за другим, беспрестанно хмурясь и шевеля губами.

— Степан Андреич,—позвал он вполголоса, и пожилой сотрудник спешно предстал перед ним.— У вас тут написано: «Во время отлива верхушки скал обнажаются». А по карте получается — они вообще не уходят под воду. Как прикажете понимать? Срочно разберитесь и доложите.

— Есть.

Значит, придет и моя очередь вот так же вскакивать с места и спешить к его столу. Насчет поспешности, это еще посмотрим. А замечание толковое, что ни говори. Как это: на карте одно, а в описаниях другое?... Конечно, в Енисей старик и по колено не входил, зато в общих знаниях — ого!..

Разложив поудобней бумагу, карандаши и прочую канцелярию, я взялся за книги. Многие из них были мне знакомы.

Вот записки Кондрашки Курочкина, самое начало семнадцатого века. «Большим кораблям из моря в Енисей пройти мочно». Интересно, что он в те годы подразумевал под словами «большие корабли»?

А вот совсем близкие времена, 1913 год, Фритъоф Нансен, «В страну будущего». Очень хотелось отважному Нансену верить в наше будущее. Да он и верил в него, только в сроках иногда ошибался. Увидел на берегу Енисея стога сена под открытым небом и вот, пожалуйста: «В старину и у нас не знавали ничего лучше,— так, лет сто тому назад, а то и боль-

ше. Пожалуй, и сибирскому крестьянину понадобится еще такой же срок, чтоб шагнул к сеновалам; впрочем, сначала ему предстоит понастроить хлевов».

«Понастроить хлевов!» А не дальше, как в прошлом году проводил я с моря в Дудинку балтийский теплоход с грузом железобетонных свай для Норильска. Еще подивился, помню, чего это ради фундаментные сваи везут из Ленинграда, когда в самом Норильске бетонный завод выпускает их сотнями. Потом мне объяснили, что в Норильске делают сваи для обычных домов, а эти привезли для высотных, шестнадцатизэтажных...

Коридорный звонок с деликатной настойчивостью напомнил о начале десятиминутного перерыва. Комната мгновенно ожила. Одни сотрудники собирали бумаги и прятали их в ящики столов, другие торопливо дописывали начатые фразы, третьи быстро исчезали за дверью, на ходу ошетиливаясь сигаретами. Проходя мимо меня, иные приглашающе кивали на дверь: чего, мол, мешкаешь?

А мешкал я, во-первых, потому, что курить бросил еще в мореходном училище, а во-вторых, меня увлекли книги.

Через минуту мы остались в комнате вдвоем с Виктором Петровичем. Но вот и он, собрав бумаги и придавив их тяжелым справочником, поднялся из-за стола, подошел к окну, без труда дотянулся до форточки и настезь распахнул ее. Потом неторопливо повернулся и двинулся, сутулясь, прямо ко мне.

Старик, видимо, пожелал взглянуть на первые результаты моих трудов, а у меня даже рабочая тетрадь не была раскрыта.

— А в общем-то, как он там? — спросил Виктор Петрович как о деле, касавшемся только нас двоих. Оперся руками о мой стол, наклонился ко мне, могучий и грузный, и я почувствовал себя притиснутым в угол.— Как поживает?

— Кто? — не понял я.

— Енисей.

— Нормально. Хорошо поживает.

— Н-даа...— Виктор Петрович вздохнул и уставился поверх моей головы. Это был печальный вздох о чем-то давно прошедшем, и я вдруг почувствовал смутную неловкость за разницу наших лет.

Но это длилось мгновение.

— Что тут у вас? — наклонился он еще ниже над столом, с интересом разглядывая книгу, которую я только что собрался раскрыть.

Это была первая советская лоция Енисея — полторы сотни ломких, пересохших страничек, зашитых в серую бумажную обложку.

— А-а,— понимающе протянул он и бережно взял книгу в руки; лицо его смягчилось.— Не очень-то роскошное издание, правда? А не догадываетесь, о чем говорит эта бедность? Взгляните на год издания. Только-только закончилась гражданская война. Разруха, нехватки. Последнюю бумагу делили, каждый листок был на учете, а лоции печатались. Наравне с декретами и хлебными карточками. Так что...

Он раскрыл книжку и, повернув ее поудобней к свету, вслух прочитал:

— «На южной окраине поселка Плахино, близ рыбокопильного сарая, находится астрономический пункт «Климат» — ошкуренный сосновый столб высотой около полутора метров. Днем при нормальной видимости он хорошо усматривается с судового фарватера, проектируясь на темный фон хвойного леса»... А сейчас усматривается? — неожиданно спросил он с искренней заинтересованностью.— Хотя, какое там! Полсотни лет прошло. Давно уж, поди, на дрова пустили. Не приглядывались?

В его вопросе и в выражении лица таилась надежда: очень ему хотелось, чтобы столб оказался цел. И он вправду был цел. На дрова не пустили.

— Так, так, так...— обрадованно кивал Виктор Петрович, жадно ловя каждое мое слово.— Да? И жестянка цела? Как вы говорите?

— «Астропункт «Климат», 1920 год»,— повторил я.

— Точно! И вы это собственными глазами?..

— Собственными. Жестянка ржавая, но разобрать можно.

— Ай-яй-яй, а! Ведь полвека прошло! А знаете, почему я дал ему такое название — «Климат»?

Что это он говорит? «Я дал»?..

Но удивляться не было времени.

— Тут целая история.— Виктор Петрович украдкой глянул на дверь и подвинулся ко мне вплотную.

— Целая история,— повторил он тихо и сверкнул золотыми коронками.— Если уж по-настоящему, так и не «Климат» вовсе, а «Климат». «Климат». Получилось как? В то время по Енисею много разного народа проживало, больше чем обычно. При Колчаке из России понаехало, защиты

от большевиков искать. В основном народ состоятельный. Отсидимся, думают, от разных там революций и войн, а потом видно будет. Но время зря не теряли: торговля так и кипела. Магазины всякие, лабазы, трактиры, чуть не банки пооткрывали. Потом Колчака разбили, власть, как говорится, переменялась, но порядки новые не вдруг на Север пришли. Первое время все так и шло по инерции: торговля, частные лавочки. А где торговля, там купцы.

Вот и в Плахине тоже был свой купец, некто Высотин, а при нем приказчик Федор. Федор Андреич, точнее. Краснощекий парень, будто лицом в спелой клюкве поваялся. Что интересно — гордый был невпроворот, уважения к себе требовал полнейшего. Он и внешность свою к этому приспособил: ходил всегда важный, в черной тройке из хорошего сукна, волосы на прямой пробор. Прямо для Кустодиева натура.

И ухаживал этот приказчик за купцовской дочкой. Ее Ксенией звали, Ксюшей. Без особых затей была девушка, но мила и приятна очень. Думаю, Кустодиев и ее пустил бы на полотно...

И все у них, видно, шло чин чинком, да тут как раз мы возьми да и появись. Я и два матроса со мной,— так сказать, первые официальные представители новой власти. У меня задание было — определить в низовьях четыре астрономических пункта для привязки промеров. Два я уже сделал, этот третий был.

И дернул меня леший у этого самого купца остановиться. Купец был угрюмый, слова лишнего не обронит. Может, обстановка на него так действовала: не слишком-то веселые времена для него наступали. Правда, предприятие у него было не ахти какое, в основном по рыбной части. Кстати сказать, этот самый рыбокопильный сарай как раз ему и принадлежал.

А Ксюша — ничего, жизни в ней через край, глаза вот такущие, да ясные, серые. Сядем вечером чай пить, она мой китель разглядывает и допытывается:

— Виктор Петрович, а какая форма у советских комиссаров, какие теперь платья барышни в Петрограде носят?

Только мне и забот было приглядываться, какие там платья носят. Но и соврать неудобно: уж больно внимательно она смотрела. Слово не о платьях хотела спросить, а о чем-то более существенном, да отца побаивалась.

— Не знаю,— говорю,— Ксения Васильевна. Не до моды там сейчас, голод.

Я почему говорю — дернул меня леший у купца остановиться? Федор, приказчик, вообразил себе невесть что. Попросту говоря, возревновал. Правда, я в то время помоложе был, чем теперь, волосы имел погуще и так далее. Плюс флотский китель, фуражка с золотой кокардой. То есть были кой-какие исходные данные, только я их в ход не пускал. Как-то и в голову не приходило. Не умел, таланта не хватало.

Ну, а приказчику не до психоанализов: ревность свое дело знает. И решил он не отступать от меня ни на шаг, заблокировать противника целиком и полностью. Стал просиживать у купца по целым дням. Я с бумагами да с арифмометром у окна сижу, и он тут же дежурит. Отлучится на полчаса-час, и снова тут как тут, да еще подшивку старых журналов принесет, листаает. Ксюша по хозяйству хлопочет, на Отелло своего с улыбкой поглядывает, да ко мне то и дело:

— Виктор Петрович, чай, много учиться надо, чтобы вот так на машинке считать?..

Я этой игры не понимал и не участвовал в ней. Только удивлялся, помню, как это приказчик с торговыми делами управляется: все в избе да в избе. Хозяин домой придет, хмурый, усталый, на приказчика поглядывает сердито, но молчит. Сядем обедать, Ксюша уху или щи начнет по тарелкам разливать, отцу нальет и сразу ко мне оборачивается:

— Я вам, Виктор Петрович, налишь печенки положу, хорошо?

Обедали всегда молча, такой порядок был. Разговоры велись по вечерам за чаем. Все больше Ксюша меня про Петроград, про большую землю спрашивала. Приказчик в наши разговоры не вступал, только делал вид, будто вопросы Ксюшины — детские, каждому дураку и без того, мсл, понятно.

Но вот однажды Ксюша спрашивает:

— А что, Виктор Петрович, говорят, по новым законам купцы все свои права теряют? И что у всех всего поровну будет?

Ох как глянул на нее отец, даром что была его любимицей!

И вот тут приказчик очень кстати нашелся. Говорит:

— Без торгового сословия ни одна власть обойтись не может.

Сказал, как отрезал. С этого раза мне за столом и рта раскрывать не доводилось. Ксюша спросить не успеет, а у приказчика и ответ уже готов. Перехватил, что называется, инициативу...

Тянулась эта канитель целых шесть дней. Нет погоды для наблюдений, хоть плачь. Днем еще туда-сюда, а как дело к ночи, так ни клочка чистого неба, ни единой звездочки. У меня от нетерпения аж голову расpirать стало. Рабочий график срывается, программу каждый день на новую звезду пересоставляй. А тут, гляжу, замелькали в тайге синие воротники моих матросов рядом с пестрыми косынками. От безделья, разумеется. Как остановили в первый день вот этот самый ошкуранный столб, так больше палец о палец...

Для развлечения стал и я по берегу Енисея каждый день прогуливаться. Август в разгаре, тайга осенью попахивает, пейзажи день ото дня резче, краски чище. Я не любитель охоты, гулял без ружья, налегке. Иду, бывало, вдоль берега и все обдумываю, как бы это пункт удачней назвать. Кажется, простое дело — название дать, а сколько мучений, пока нужное откопашешь, такое, чтоб и короткое было и запоминалось легко. Иду берегом и шепчу себе псд нсс: тайга, обрыв, кедр, ветер, разлог, прилив.. Все не то: или было уже, или очень могло быть. Аж злоба берет на собственную тупость.

Такой вот расстроенный вернешься в поселок, а там приказчик в избе истуканом сидит. Чего сидит, что караулит?

Виктор Петрович помолчал, потом грустно улыбнулся и продолжал:

— В тот вечер небо пообещало звезды. По горизонту легкие облака залегли, а зенит чистый, холодный, к первым морозам. Напился я чаю, поблагодарил Ксюшу, позвал матросов и велел им приборы на пункт перетаскивать. А сам хронометры прихватил — и туда же.

Тишина над Енисеем, покой. Ребята с аккумуляторами возятся, ночное освещение налаживают, а я теодолит на столбе устанавливаю. У меня «Гильдебрант» был настоящий, немецкий: оптика мощная, лимбы из чистого серебра. Великолепная машина. Пока я ее устанавливал, окончательно стемнело, звезд на небе — будто сахарным песком кто-то небо присыпал. Ребята свет дали. Установил я трубу в нужном меридиане, сверил рабочий секундомер с хронометрами, журнал приготовил. А в журнале все на месте, вся

программа расписана, одна только графа пустует — «название пункта». Пустует и все. Хоть к работе не приступай.

До прохождения первой звезды минут сорок еще оставалось. Решил я в эти сорок минут обязательно придумать название, иначе вся работа не заладится. И матросов своих втравил в это дело. Те давай наперебой предлагать: столб, чайка, зенит, ветер. Все, все было!

А звезда уже вот-вот вползет в объектив. Я и рукой было махнул: черт с ним, с названием, после придумаю.

Вдруг вижу — от поселка две темных фигуры к нам приближаются. Подошли к сараю, остановились. Вгляделся я в темноту, узнал.

— Ксения Васильевна, Федор Андреевич, подходите ближе.

32 Вышли они на свет, стоят, технику нашу молча разглядывают. Ксюша в короткую шубейку кутается зябко, да нет-нет на

меня украдкой взгляд кинет. А приказчик руки в брюки: подумает, мол, невидаль.

— А что вы этой машиной определять будете, Виктор Петрович? — спрашивает Ксюша.— Труба-то в самое небо...

Думаете, и тут сплеховал приказчик? Бровью не повел, только хмыкнул снисходительно:

— Что определять? Климат измерять будут.

Схватил я быстренько журнал и единым росчерком закатал в пустую графу: «Климат». Потом пустил секундомер, да поскорей к окуляру...

Вот откуда название пошло. И не «Климат» вовсе, а «Климат». Представляет, какой авторитет заработал себе приказчик на таком обстоятельстве?

Коридорный звонок мгновенно переключил лицо и голос Виктора Петровича на манер официальный и строгий.

— Работайте, работайте,— буркнул он

мне, искоса наблюдая за входящими в комнату сотрудниками.— Времени у вас в обрез, чтоб истории тут разные выслушивать...

Он, сутулясь, побрел к своему столу, а я смотрел ему вслед с недоумением и растерянностью. Выходит, не по книжкам и картам знал старик Енисей. И зачем меня вообще пригласили сюда?

Но тут припомнился мне один случай.

Три года назад, теплым июльским днем наше лоцманское судно шло вниз по Енисею — встречать в заливе первые караваны морских судов. Дойдя до Плахина, мы встали на якорь: нужно было доставить на берег несколько баллонов с осветительным газом для навигационных знаков.

С воды поселок на высоком таежном берегу казался заброшенным, только несколько рыбацких лодок, вытасненных на песчаный приплёск, да жидкий собачий лай говорили о его обитаемости.

Наш вельбот пристал к берегу выше крайней избы, поближе к знакам. Шумной гурьбой мы высыпали на пологий откос между водой и глинистым обрывом. Минут через пятнадцать баллоны были на месте, и пока техник подключал газ к проблемным аппаратам, мы, молодые лоцманы, решили прогуляться по поселку.

Торопливо миновав десяток изб и вешала с сохнувшими на них сетями, мы вышли к большому деревянному сараю с провалившейся крышей. В стороне от сарая, обложенный пестрым мхом, торчал обглоданный непогодами деревянный столб. О существовании столба все мы знали, не раз замечали его, проходя мимо

поселка на морских судах. Знали, что это старый астрономический пункт, что называется он «Климат» и что в современной лоции о нем сказано очень коротко: «В настоящее время навигационного значения не имеет». А теперь мы могли не только осмотреть этот столб, но даже потрогать руками.

Осмотрели и потрогали.

— Ого,— сказал один из лоцманов, с почтением разгибая края ржавой жестяной таблички.— Полвека, а краска все держится. Вот химия была!

Другой, здоровяк, вдруг по-медвежьи обхватил столб и попробовал его выдернуть. Мы шутника этого, конечно, отругали тут же.

Кто-то даже предложил съездить на судно за краской и подновить надпись. Но эта затея оказалась невозможной: техник уже закончил работу и торопил нас на судно.

Да и нужно ли было подновлять надпись?..

Помню, я пожалел, что не взял с собой записную книжку, чтобы зарисовать столб — эту первую вежу новой власти здесь, на Севере. Но потом решил, что нетрудно будет изобразить его и по памяти.

И еще помню. Когда мы уже отошли от столба, я увидел старую женщину. Стояла она неподалеку от сарая и смотрела внимательно, напряженно, будто хотела узнать, зачем нам понадобился этот старый деревянный столб и что мы с ним собираемся сделать.

СЧАСТЛИВЫЕ НАХОДКИ

I «Не выдержав освобождения...»

Рассеянность и в то же время сосредоточенный взгляд за стеклами очков, увлеченность своим делом и мудрое спокойствие выделяли его из числа других сотрудников Ярославского областного архива. И поэтому меня всегда тянуло поговорить с Юрием Николаевичем Трыковым, посидеть в его кабинете, подержать в руках редчайшие старопечатные книги, которые он привозил из своих экспедиций по окрестным селам и деревням.

Однажды, когда мы встретились в городе, Юрий Николаевич с видом заговорщика отвел меня в сторону:

— Зайдите завтра ко мне. Покажу вам один документ — удивитесь...

Разумеется, наутро я был в архиве.

Три пожелтевших листа, исписанных красивым писарским почерком — «мнение» ярославского помещика Алексея Сергеевича Некрасова по поводу освобождения крестьян. Любопытный документ, редкая находка!

Отец великого поэта отличался крепостническими замашками. Пьянство, сутяжничество, псовая охота — составляли досуг отставного майора. В стихотворении «Родина» Николай Алексеевич писал о нем:

И вот они опять, знакомые места,

Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,

Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;

Где рой подавленных и трепетных рабов

Завидовал житью последних барских псов...

Алексей Сергеевич Некрасов, как владелец одного из имений в Муромском узде, получил от уездного предводителя дворянства запрос: согласен ли он улучшить быт своих крестьян, освобождаящихся от крепостной зависимости. И помещик дает на это прямой ответ.

Он пишет, что отречение «от крепостных рабочих сил» — огромная, мол, и совершенно безвозмездная жертва со стороны дворянства, что нужно «охранять неприкосновенность его поземельной собственности, которая свято чтится у всех народов и для всех сословий». Возмущается: «Никому из нас и в голову не приходило, чтоб когда-нибудь могло быть покушение на отнятие у нас двух третей наших земель... они у нас отняты вопреки нашей воле». В своем негодовании помещик доходит до высокой патетики:

«Более двух третей дворянских семейств, и

до сих пор пробивающихся кое-как в своих заложных имениях, в один день лишены и сословных своих прав и скудного куска хлеба. Если б таковая година посетила людей не по воле человеческой, а по произволу судеб, то и тут ропот на провидение мог бы быть оправдан; но что сказать о том, когда закон отнимает от граждан те права, которыми он сам определяется?»

В заключение А. С. Некрасов заявляет, что не согласен с такой «грабительской» реформой и просит не считать его больше членом комиссии по обсуждению положения об освобождении крестьян. Прав был его сын — поэт, заметив в автобиографии об отце: «Он сошел в могилу 74-х лет, не выдержав освобождения, захворав через несколько дней после подписания уставной грамоты».

Перед великим поэтом был не просто отец. Это был тип крепостника старого закала. Подобных самодуров он изобразил в образах князя Уятинина-Последыша, Оболта-Оболдуева в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Документ, найденный Юрием Николаевичем Трыковым, еще раз показывает, откуда мог черпать материал для некоторых своих образов великий поэт.

II. Известен? Неизвестен?

В 1860-х годах Н. А. Некрасов был уже достаточно состоятельным человеком и мог позволить себе сниматься у лучших фотографов Петербурга. Именно с этого времени и стали доходить до нас его фотоснимки. Все они известны, не раз публиковались в одномониках, альбомах, собраниях его сочинений. Но вот еще один...

...Случайно или нет появился он на этот раз в фотографии? Может, досаждали друзья, близкие знакомые, прося выслать «на память» портрет. Он стоял перед объективом, уравновешенный, спокойный, немного усталый от дневных забот, текущих журнальных дел. Стоял прямо, опустив правую руку в карман модного пиджака, другою опершись на трость.

Таким и запечатлела его фотография.

Сколько было сделано отпечатков: три, шесть, двенадцать? Это нам неизвестно. До нас дошел лишь один...

Сибирский город Новокузнецк. Комната с окнами, выходящими на просторный двор. Скромная мебель и множество гравюр, эстампов, этюдов по стенам. Театральный режиссер Борис Сергеевич Великанов подает мне старинный альбом. Сто лет тому назад его отец, управляющий делами Бас-

Н. А. Некрасов в 1862 году.
Редкий снимок

манной городской больницы, собирал эту коллекцию. Сейчас она уникальна — подлинные фотографии Островского, Тургенева, Писемского, Лескова!.. На обороте многих — выцветшие автографы.

Я перебираю снимки и останавливаюсь на одном — фотография Николая Алексеевича Некрасова. Без сомнения, это подлинник. Но где я видел ее? Особенно памятен просторный костюм Некрасова с рядом крупных светлых точек и этот темный шейный платок, повязанный вместо галстука...

Но как я ни напрягал свою память, так и не припомнил, где мог видеть такой снимок.

...Придя домой, принялся за работу. Тома сочинений Некрасова, альбомы фотографий поэта, иллюстраций к его произведениям — перелистываю страницу за страницей.

Последние листы последнего тома. Неужели фотография, лежащая у меня на столе, никому до сих пор не была известна и никогда не публиковалась?

Оставшуюся часть дня я ходил под впечатлением этой загадки. Конечно, моя литература о Некрасове далеко не полна, фотография, возможно, была опубликована в каком-либо редком сборнике. Значит, надо наводить справки в библиотеках, в музеях. На следующее утро копии снимка ушли в Ярославский музей Некрасова и в библиотеку имени В. И. Ленина в Москву.

...Недели через две из села Карабиха, где расположен Ярославский мемориальный музей Некрасова, пришло письмо от директора музея Анатолия Федоровича Тарасова. Он сообщил, что присланный портрет относится, по-видимому, к 1862 году, сделан в Петербурге фотографом Тулиновым.

«У нас в музее, — писал Тарасов, — имеется несколько фотокопий снимков с Некрасова, сделанных, судя по костюму и другим деталям, в тот же день, что и присланная Вами фотография. На тех фотографиях Некрасов стоит и сидит в разных позах. На некоторых у его ног собака. Эти фотографии были опубликованы. В фондах нашего музея отпечатка, точно повторяющего Вашу фотографию, нет».

Из библиотеки имени В. И. Ленина сообщили: «Нами просмотрены главнейшие собрания сочинений поэта, альбомы портретов и иллюстраций, наиболее известные критические работы, снабженные портретами Н. А. Некрасова. Точно такого портрета, как тот, который Вы нам прислали, найти не удалось».

Итак, снимок из коллекции Великанова оказался уникальным, никогда не публиковавшимся. Сто с лишним лет фотография не была известна широким кругам почитателей великого русского поэта. Так пусть теперь они посмотрят ее.

III. Его единственная мечта...

Четыре объемистые папки, наполненные письмами, открытками, телеграммами. Они крепко-накрепко перетянуты шпагатом. Я развязываю узлы, читаю адреса на слежавшихся конвертах. Все это приходило племяннику великого поэта, известному русскому книгоиздателю Константину Федоровичу Некрасову. Анна Ахматова, Сергей Городецкий, Валерий Брюсов! А сколько других, менее известных имен!

И вот, перебирая письма, я прочитал одно, которое заинтересовало меня своей страстностью и непосредственностью:

Отец поэта А. Н. Некрасов

«У меня, — обращался к К. Ф. Некрасову автор письма, — единственное желание, единственная мечта: осветить тень Некрасова светом объективного научного исследования. Но для этого нужны материалы и материалы. Те архивы, которыми я до сих пор пользовался, уже истощились. Главная моя надежда на Карабику. Крепко верю, что с Вашей помощью мне удастся получить в нее доступ. Верьте, многоуважаемый Константин Федорович, что мною руководит не литературное тщеславие («какие интересные материалы опубликованы!»). Изучение Некрасова — дело моей жизни. Эта работа приносит мне огромное нравственное удовлетворение, более того, нравственно возвышает меня...»

Так писал в Карабику в 1913 году молодой ученый-литературовед Владислав Евгеньевич Максимов, посвятивший всю свою жизнь Некрасову.

С чего все началось?

Шел 1904 год. Студенты Петербургского университета волновались — предстоял выбор тем дипломных сочинений. На удивление всем один смельчак заявил, что будет писать дипломное сочинение о поэте Некрасове!

Удивление было обоснованным. Ведь лекции по русской классической литературе тогда обычно кончали Пушкиным, все последующие писатели не считались «классиками», достойными изучения. Сам заведующий кафедрой истории русской литературы профессор Шляпкин попытался переубедить студента — предложил свою тему дипломной работы: «Книга о Христе, объемлющая весь мир». Студент отказался и взял все-таки Некрасова.

Владислав Максимов работал упорно. Он, как одержимый, целыми днями просиживал в библиотеках, в архивах. Казалось, что от того, как он напишет о Некрасове, зависит вся его жизнь. Он разыскал, собрал много ранних стихотворений поэта, записал воспоминания о нем живых еще современников. Да, нелегко было прокладывать целину!

Наступил день защиты. Молодой поклонник Некрасова кладет на кафедру свое дипломное сочинение. Зал затихает, все с интересом слушают докладчика...

Таково было начало большой работы, которой отдал более пятидесяти лет жизни Владислав Евгеньевич Максимов — один из основоположников нашего некрасоведения.

Полвека собирал он и изучал наследие великого поэта. Более двадцати книг, двести газетных и журнальных статей, посвященных жизни и творчеству Некрасова, его окружения, написаны Максимовым. А сколько книг и пособий отредактировал он, сколько воспитал учителей, научных работников!

Как-то в Ленинграде мне довелось встретиться с Владиславом Евгеньевичем.

Узнав, что я из Ярославля, он стал расспрашивать меня о музее Н. А. Некрасова в Карабихе, а потом и сам рассказал о своих поездках по некрасовским местам.

— В усадьбе Некрасовых, в Карабихе, — сказал он, — я побывал впервые в 1914 году. Бывал и впоследствии. Особенно привлекал меня архив гимназии, в которой учился Некрасов. Жаль, что он сгорел во время белогвардейского мятежа. А в Карабиху меня все время тянуло. Там до революции жил племянник поэта — Константин Федорович Некрасов. Вы, конечно, знаете об интересной его находке в Карабихе?

Я отрицательно покачал головой.

— Советую вам прочитать небольшое предисловие к его книге «Архив села Карабиха», да и саму книгу...

Вернувшись в Ярославль, я разыскал книгу, прочитал в ней письма поэта к своему отцу, а из предисловия узнал и о «интересной находке».

В августе 1913 года в Карабихе умер младший брат Некрасова — Федор. Его сын Константин вспомнил, что отец когда-то, еще при жизни поэта, побоявшись обыска, связал в пачку рукописи и письма Н. А. Некрасова и через маленькое окошко бросил ее в подполье дома. Не поискать ли эту пачку? Он посоветовался с детьми, и они приняли за дело. Работа была нелегка. Окна подвала узки и не пропускали света; кучи накопившегося за много лет мусора покрывали пол. Долго трудились, прежде чем наши дедовские бумаги.

В пачке оказались черновые тетради поэта, письма, запрещенные книги и коллекция фотографий декабристов, которую Некрасов собирал.

Об этих документах племянник поэта Константин Федорович Некрасов и рассказал в сборнике «Архив села Карабиха».

Борис ЧЕЛЫШЕВ,
кандидат филологических наук

СТРАННЫЙ ПРОКУРОР

В обширном архиве царского министерства юстиции, что хранится в Ленинграде, мне встретилось «Дело по письму товарища министра внутренних дел, заведывающего полицией, об уфимском губернском прокуроре Шарыгине»¹.

¹ Центральный государственный исторический архив СССР. Фонд 1405 (Министерство юстиции), опись 534, 1886 г., дело № 1421.

Что-то подтолкнуло поинтересоваться бумагами. И не напрасно — «дело» позволило выявить обстоятельства одного примечательного инцидента, происшедшего в 1886 году в Уфе в связи с чтением стихотворений Николая Алексеевича Некрасова.

Заведующий полицией проводил на усмотрение министра юстиции «Донесение начальника Уфимского губернского жандармского управления о

бывшем в гор. Уфе литературно-музыкальном вечере». Вот что доносил уфимский жандарм министру внутренних дел:

«Сего 5 октября в Уфимском городском собрании был литературно-музыкальный вечер «Кружка», где на эстраде выступил с чтением стихотворения Некрасова «Филантроп» Уфимский губернский прокурор г. Шарыгин, который с таким пафосом стал кричать на весь зал и цитировать слова: «славлен

не короной графскою, не приездом ко двору, не звездою станицславскою...» и проч., что возбудил всеобщее удивление и сенсацию в обществе, в особенности между иностранцами и татарами, также бывшими на этом вечере и, по своему неразумению, толкующими иначе многое из сказанного стихотворения. Так что в зале: и аплодировали и вызывали «Прокурора!», и шикали, и он составляет предмет разговора, насколько возможно и удобно являться прокурорскому надзору на арену и производить собою неприличные вызовы толпы и суждения о сценическом таланте прокурора. В первых рядах кресел сидели: губернатор, почти все представители учреждений, я, магометанский муфтий, вся интеллигенция и даже в числе публики разнообразной и инородческой был священник Барсов, сын коего, студент Ярославского лицея, привлечен к обвинению в государственном преступлении.

При этом докладываю, что прокурор до этого читал Некрасовское же стихотворение «Размышление у парадного подъезда», что побудило губернатора сделать ему внушение, но и на это он не обратил никакого внимания и прочел «Филантроп», не менее тенденционного свойства. О чем считаю долгом довести Департаменту Полиции.

*Начальник Уфимского
губернского жандармского
управления, подполковник Белоцерковский.*

Донос уфимского жандарма был переправлен в министерство юстиции 16 октября 1886 года и в этот же день в Уфу полетела телеграмма, предписывающая прокурору Шарыгину срочно явиться в Петербург. Судьба его уже была predetermined: в архивном деле хранится письмо министра юстиции в департамент полиции, в котором министр благодарит за сведения, «из которых он вынес убеждение, что поступок Уфимского губернского прокурора Шарыгина совершенно не соответствует его служебному положению, а также в том, что он не может оставаться в должности губернского прокурора».

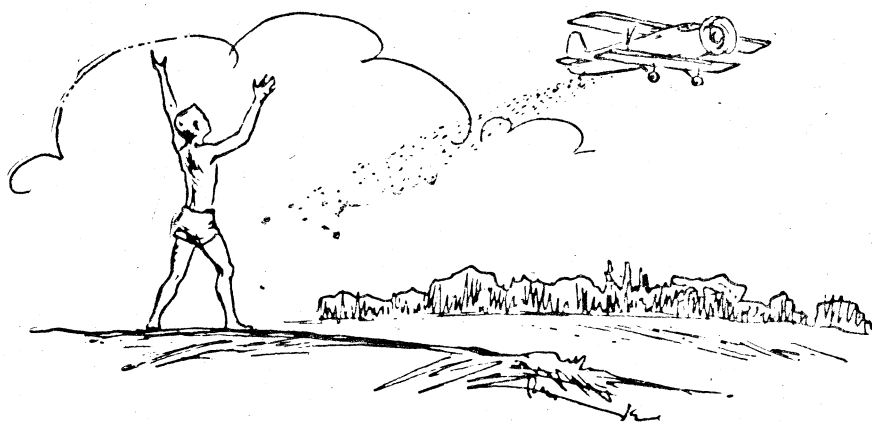
По-видимому, уфимский прокурор был белой вороной в среде закосневшей чиновничьей бюрократии и давно уже состоял «на заметке» у местного жандармского начальника. В доносе все пошло в ход и каждое лыко годилось в строку, — даже такой незначительный факт, как присутствие на литературном вечере священника Барсова, сын которого, студент, был замешан в революционном движении, а также «инородческого» населения, как прерзительно назвал жандарм татар и башкир.

К сожалению, мы располагаем очень скромными сведениями об этом «странном» уфимском прокуроре — поклоннике Н. А. Некрасова. В архивном деле не названы даже его инициалы, но в книге «Адрес-кален-

дарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц Российской Империи на 1886 год», в разделе, посвященном Уфимской губернии, в качестве губернского прокурора указан «надворный советник Михаил Михайлович Шарыгин». Теперь, по крайней мере, мы знаем хоть имя и отчество этого «странного» прокурора. Естественно, что в таком же адрес-календаре на следующий, 1887 год, фамилия Шарыгина уже не фигурирует: очевидно, ему была в связи с Некрасовским инцидентом запрещена какая бы то ни было государственная служба.

В заключение отмечу, что стихотворение Некрасова «Филантроп», вызвавшее такой «интерес» со стороны жандармерии, имело давнюю и печальную цензурную историю. Оно было написано в 1853 году, но могло появиться в журнале «Современник» лишь три года спустя, да и то с большими цензурными купюрами. Даже в 1873 году один из цензоров писал, что «Филантроп» производит «болезненное, отталкивающее впечатление по безотрадному взгляду на обстановку жизни». Вполне естественно, что чтение такого стихотворения не могло пройти незамеченным в Уфе.

А. БЛЮМ

Чужая щука

Рассказ

Юрий ЧЕРНОВ

Рисунки В. Сыскова

Снеделю назад рядом с полем, где ребята гоняли футбольный мяч, приземлился старенький «кукурузник». Ребята думали, что посадка была вынужденная, и гурьбой кинулись к самолету.

Из кабины вылез грузный мужчина, оглядел всю команду и, забавно почесывая черный, с проседью, бобрик, пробасил:

— Меня зовут дядя Петя... Вы не находите, что я похож на артиста Андреева?

Сходство было поразительным. Ребята просто онемели.

— Так... Не находите,— сказал дядя Петя более строго.— Тогда кто из вас добежит до агронома?

Тут реакция была мгновенной. Хотя летчик и не сказал — «Кто добежит первым» — все поняли это именно так. Ох и гонка началась! Первым до агронома Паничева добежал Гришка Суханов. Он так быстро проскочил через агрономов двор, что злущий цепной пес, метнувшийся ему наперез, промахнулся и щелкнул зубами позади Гришкиных трусов.

Досадно было многим. Ведь Суханов не лучший бегун. Он и в команде-то стоит на полузащите. Просто позже пришел он на поле и не успел избегаться с мячом, как все остальные...

Гришка по праву победителя уже вел осанистого бородатого старичка Паничева к самолету. Потом выбежал вперед и доложил:

— Вот он, наш агроном... Заслуженный.

Дядя Петя поздоровался за руку с Паничевым и Гришку, между делом, обласкал:

— У тебя, брат, на лбу не вихор, а пропеллер! Быстро летаешь.

От этих слов Гришка подросток на два вершка и налился свекольным соком.

Ребята всегда считали, что курчавый вихор над крепким Гришкиным лбом точь-в-точь такой, как у комолого бычка, а вышло вон что — пропеллер! Впрочем, и эта похвала оказалась всего лишь кирпичиком в головокружительной пирамиде, на которую вознесся Гришка Суханов. На следующий день его назначили помощником маркера. На эту работу сгодился бы любой из ребят. Но Гришка вертелся рядом — и счастье улыбнулось ему.

Опознавательными знаками маркеры помогают летчикам сельскохозяйственной авиации определять границу опыленного участка. После каждого захода самолета маркеры перемещаются на несколько десятков метров в сторону и снова выводят машину на верный курс.

В тихую погоду, будь то утро или вечер, «кукурузник» загружали минеральными удобрениями. Ребята наблюдали, как поднимался самолет, разворачивался над речкой и летел к ближайшему полю. Над лесополосой у самолета начинал быстро отрастать белый кучерявый хвост, потом, на краю поля, мигом обрывался, будто его обрезали бритвой. Хвост медленно оседал на землю, а самолет делал новый заход.

Это было красивое зрелище. Только ребята никак не хотели смириться с мыслью, что в это время там, по полю, важно вышагивает Гришка и «командует» курсом самолета.

Увы! Это было так. И после работы Гришка по-хозяйски вертелся у самолета. Сметал мягким венником насевшую пыль, подавал дяде Пете инструменты, а иногда даже взбирался на крыло самолета и украдкой гладил какой-нибудь рычажок в кабине. В такой миг Гришка забывал обо всем на свете.

Домой шли вместе, Гришка то семенял, то старался приладиться к широкому шагу летчика.

Словом, Гришка совсем возгордился, даже перестал замечать своего друга Вовку. И так продолжалось до тех пор, пока одно обстоятельство не столкнуло их самым неожиданным образом.

Дядя Петя, к великой радости Гришки, оказался заядлым рыболовом. В воскресенье договорились сходить на рыбалку. Но до выходного целых три дня... «Вот бы за это время,— размышлялся Гришка,— отличиться: поймать и подарить дяде Пете щуку!» В степной реке Алей их было сколько угодно, но снастей Гришка не имел. Рыбачить он ходил обычно с Вовкой, а тому достались снасти от деда.

Проверяя жерлицы, привязанные к нависающим над омутом кустом, Вовка, бывало, доставал и щурят и щук приличных. Но чаще прожор-

ливым разбойницам удавалось каким-то образом сорвать живца с крючка и уйти восвояси.

— Опять ушла, треклятая! — говорил Вовка, в точности, как его дед, и принимался настраивать жерлицы.

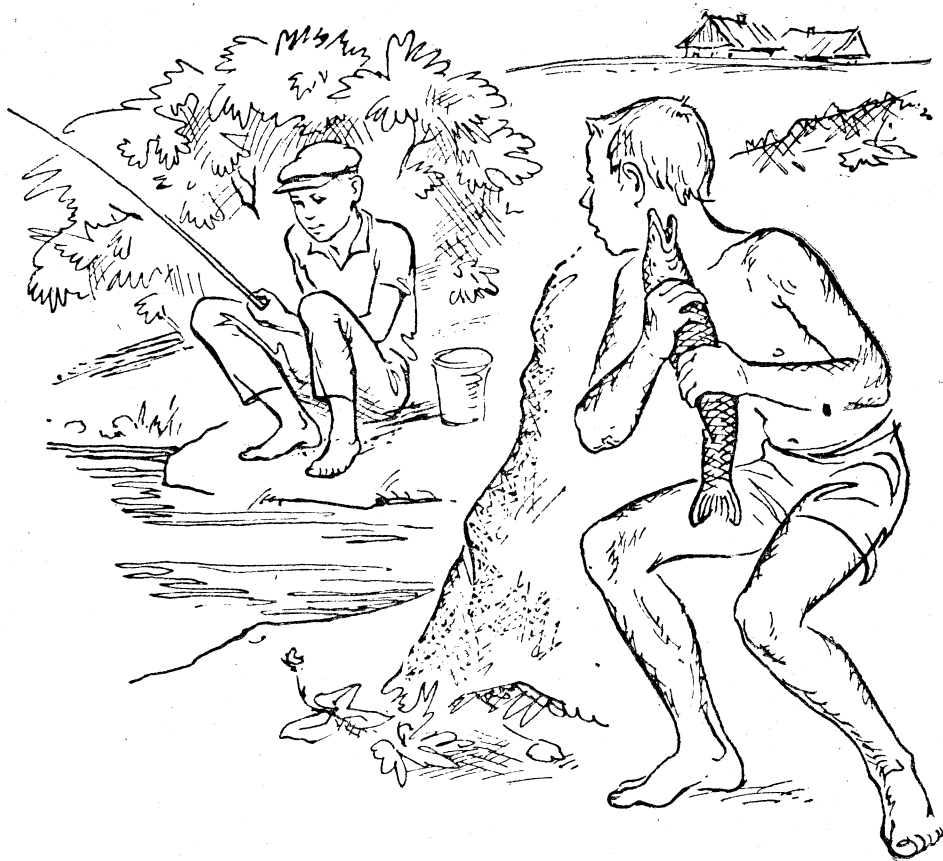
Вовкино правило — любую добычу делить пополам. Даже небольшого щуренка однажды разделил: половину себе, половину Гришке, хотя тот и плотвицы не поймал для приманки...

«Пойти к Вовке, попросить удочку? — раздумывал Гришка. — А если самому проверить жерлицы? Стоят, небось, на старых местах...»

Гришка понимал, что это будет нечестно по отношению к Вовке. Однако подавил угрызение совести: «Не себе а ведь возьму, дяде Пете отдам».

Легкая слава нередко туманит голову, особенно неокрепшую. И то, что для простого смертного предосудительно, обогретому этой славой кажется допустимым: он же — на особицу, он же не такой, как все...

В полдень Гришка незаметно пробрался на реку, разделся и спрятал одежду под куст. Чтобы дотянуться до жерлиц, нужно было зайти в воду. Две рогульки висели неподвижно, а когда Гришка добрался до третьей, то увидел, что леса с нее спущена и подрагивает. Удача! Гришка, осторожно перебирая лесу, вышел на берег и минуты через три снял с крючка зубастую

увертливую щуку. А лесу с пустым крючком снова забросил в воду.

Вдруг наверху, над крутым берегом послышалась негромкая песня. Вовка! Гришка тотчас бросился за изгиб берега и притаился. В груди часто-часто забились сердце, и совсем не в такт ему по голому телу ударял щучий хвост.

Только теперь Гришка вспомнил об одежде. Первым желанием было выйти из укрытия, рассказать Вовке, в чем дело.

«Нет, не выйду,— подумав, решил Вовка,— еще скажет, что я своровал, растрезвонит по селу... Лучше уж обождать.»

Вовка тем временем заметил распущенную жерлицу, вытащил лесу с пустым крючком. Понеслось бульканье и незлобное ругательство.

— Опять ушла, треклятая! — пробормотал Вовка.

Потом уселся около куста, под которым лежала Гришкина одежда, разматывая лесу и с тихим заклинанием: «На нового червячка поймать рыбку чебачка», — начал удить.

Потекли томительные минуты... Вовка, казалось, застыл над удищем. Его сгорбленная фигура отражалась в спокойной воде, и этот «водяной» Вовка с настороженным, как ружье, удищем почему-то представился Гришке фантастическим привидением, охраняющим его одежду.

Далекий гул самолета прокатился по реке и вывел Гришку из оцепенения. «Дядя Петя возвращается из соседнего совхоза, через час он

полетит опылять наш участок... Что же делать?» — лихорадочно искал ответ помощник маркера.

Самолет летел прямо над рекой. Гришка готов был закопаться в песок: ему казалось, что дядя Петя сверху видит его, видит украденную щуку.

Гул самолета потревожил и окаменевшего Вовку.

— Летают здесь... Только рыбу отпугивают,— пробурчал он.

И тут Гришка решился — бросил на берег щуку, которая уже уснула, ни хвостом, ни жабрами не шевелила, и появился перед Вовкой.

— Т-ты? Откуда? — только и мог сказать тот.

— Ниоткуда! Здесь моя одежда.

Вовкины глаза округлились.

— Что уставился, как на дикаря? — обозлился Гришка и неожиданно выпалил: — Дяде Пете я и без тебя поймаю щуку, а твоя вон, на берегу, пропади она пропадом, треклятая!

Гришка взбежал по крутому берегу и, словно вырвавшись из плена, что есть духу помчался от реки. Свежий ветер запел в ушах, взбил вихор-пропеллер. Срывающимся голосом Гришка кричал вслед самолету:

— Дядя Петя, я иду, без меня не начинайте!

Но тут же вспомнились щука и удивленный Вовка. Ноги обмякли. Бежать расхотелось. Гришка поплелся по тропке, словно спешить было некуда и встреча с дядей Петей не предвещала радости.

КАРАВАЙ

В. КОРОТКИХ

Рисунок В. Яковлева

В сенокосную пору в бригаде питались из общего котла. Не только горячий суп и чай с дымом в обеденное время: можно было налить в миску того же супа и на ужин, то есть отнести домой нам, ребятишкам. Но хлеба не было. Не хватало муки до нового урожая. И потому уже с половины июля наша гвардия все чаще и чаще наведывалась на ржаное поле. Крестьянские дети, мы уже знали, что именно она, рожь, поспевает первой, только она может дать пахучий хлеб...

— Уже твердое,— докладывали мы старшим о степени зрелости зерна.—Наверное, можно жать...

И в доказательство высыпали в материнские ладони горстку темно-серых с прозеленью зернышек.

— Животом замаешься от такого хлеба,— отвечали нам. Но и взрослым тоже не терпелось быстрее скосить высокую рожь, высушить ее и из свежей муки испечь для нас, пострелят, каравай черного хлеба.

И вот Ефим Кузнецов запрягал Монка и Голубку в самосброску. Нынче их, наверное, уже нигде не осталось, но тогда это был важный агрегат. При каждом взмахе крыла с платформы на жнивье па-

дали срезанные колосья, которые потом наши матери связывали в снопы. Поставленные срезом на стерню и прикрытые сверху еще одним, снопы назывались уже суслоном. В суслонах и доходило зерно, отдавая воздуху ненужную влагу.

Снопы молотили на полусложке, а мы кувыркались в свежей соломе. Потом зерно везли на мельницу. Мы с особым волнением смотрели, как засыпают маленькие твердые зернышки в ковш, а потом бежали вниз и глядели, как зерно тонкой струйкой сыпалось из него и исчезало в отверстии верхнего жернова. А в ларь уже сыпалась немножко теплая мука. И такой запах стоял на мельнице, какой бывает только там, где много зерна,— на току, в хлебном амбаре. Потом уж я узнал, что так же пахнет и на мельзаводах и в пекарнях. А тогда казалось, что хлебный запах может быть только у нас в деревне и нигде больше...

Полученный у кладовщика мешочек муки несли домой ребята сами. А потом любо было глядеть, как мать просеивала эту муку. Сито как будто само отскакивало от одной ладони к другой, а в селнице вырастала горка муки. В сите же оставались мелкие шкурки шелухи, не раздроб-

ленные до конца желто-белые крупицы. Высевки высыпались курам.

Квашню ставили на закваске — остатках от бывшей стряпни. Мать вместе с нами обсуждала этот вопрос: поднимается ли тесто, осталась ли еще сила в закваске, которая стояла в квашонке еще с той поры, когда была старая мука. Но вот тесто начинало подниматься. Мы то и дело заглядывали туда, поднимая полотенце, которым была закрыта квашонка. Странно это было: само по себе тесто пыжилось, пыхтело, как от натуги, в некоторых местах оно разрывалось, а в целом час от часу поднималось выше.

Готовое тесто раскатывали. Получались низенькие полулепешки, полукараваи. Выкатанных в муке, их тоже накрывали полотенцем и ждали, когда хлеб вытронется. И здесь тесто продолжало расти!

Ни тогда, ни до сих пор я не могу понять, как мать определяла степень готовности теста. То нам казалось, что уже про-

шли все сроки, то мы были уверены, что тронуться тесту нужно еще не меньше часа. Но мать брала поднявшиеся караваи, ставила их на деревянную лопату и бережно отправляла в печь, ловким движением оставляя их на горячем поду. В печь заглядывать нам категорически запрещалось, пока там сидят караваи.

И вот мама доставала караваи из печи. Сверху белела мука. А по бокам она превращалась в поджаристую корочку. Еще ниже были разрывы: тесто и в печи поднималось, но в конце концов благодатная сила хлеба смирялась перед жаром, останавливалась...

Надо ли говорить, что ничего вкуснее каравайной корочки не было на свете? И до сих пор, я всегда беру в магазине круглые булки столового хлеба, хотя это уже хлеб заводского изготовления, а не настоящий ржаной каравай. А дочь не может понять моего пристрастия именно к этому черному хлебу...

Леонид АНДРЕЕВ

Осень — олень
С золотыми рогами
Ходит весь день
У реки за стогами.

Там, где олень
Постоял над водою,
Пахнет весь день
Перепревшей листвою.

Там, где стога
Он потрогал губами,
Пахнут луга
Молоком и грибами.

Осень — олень
С золотыми рогами
Ходит весь день
У реки за стогами.

А в отдалении
За рощей прибрежной
Ходят олени
Зимы белоснежной.

Фото Н. Медведевой

МЫ ИЩЕМ

КАРТИНЫ ЯРОШЕНКО

В. СЕКЛЮЦКИЙ

Шла осень послевоенного 1946 года. Золотая, солнечная, настоящая «левитановская» осень. Лениво падали листья с каштанов, осыпая пестрым ковром почти безлюдные тротуары. Не спеша шел я по Кисловодску — еще бесприютный в этом курортном городе демобилизованный старшинами.

В сквере у почтамта мое внимание привлек запущенный, одиноко стоящий среди кустов памятник без ограды. На черном гранитном обе-

лиске высечена палитра с кистями и пальмовый лист и надпись:

«Николай Александрович Ярошенко
1846—1898».

Памятник знаменитому художнику, автору так любимых народом произведений!

Когда-то, еще юношей, плавая кочегаром на кораблях Каспийской флотилии, я всегда вешал в каюте репродукцию его известной картины «Кочегар» и с тех пор горячо полюбил этого художника.

«Такому человеку надо отдать дань...»

У народного художника СССР Н. Н. Жукова есть графический лист, названный им «Замечательный художник». На нем — Ленин рассматривает открытку с репродукцией картины «Всюду жизнь». Этот сюжет подсказан Жукову подлинным эпизодом из жизни Ильича.

Накануне Октябрьского восстания В. И. Ленин скрывался в Петрограде на квартире Маргариты Васильевны Фофановой. В целях конспирации, в квартире, кроме хозяйки, больше никого не было. Детей своих Маргарита Васильевна отправила к родителям в Уфимскую губернию, а для переписки запаслась художественными открытками.

Перед тем, как отправиться Ленину в Смольный, произошел разговор, о котором М. В. Фофанова вспоминает так¹.

«...У меня на письменном столе лежала открытка — репродукция с картины Ярошенко «Всюду жизнь», я решила послать ее своим ре-

бяткам. Владимир Ильич увидел открытку и говорит:

— Вот замечательный художник!

А кто такой Ярошенко, я по-настоящему не знала. Владимир Ильич рассказал мне его биографию.

— Подумайте, это кадровый военный человек, и, представьте себе, какой он прекрасный психолог действительной жизни, какие у него чудесные вещи!

Я вытаскиваю из письменного стола еще одну открытку с репродукцией картины Ярошенко «Заклоченный». Владимир Ильич говорит:

— Прекрасно! Когда будем хозяйничать, чтобы не забыть. Такому человеку надо отдать дань».

Николая Александровича Ярошенко, художника-демократа, одного из видных деятелей «Товарищества передвижников», ценило и любило не одно поколение русских людей. Советью передвижников, художником-гражданином называли его современники. Появление про изведений Ярошенко на выставках становилось

¹ Журнал «Исторический архив», 1956, № 4, стр. 171.

большим общественным событием, неизменно вызывая горячий отклик со стороны передовой русской интеллигенции и озлобление в реакционном лагере. В созданных художником живописных полотнах читалась повесть о тяжелой доле русского народа, о назревании революции в России. Его картины «Кочегар», «Заклоченный», «Всюду жизнь», «Студент», «Курсистка», «У Литовского замка» и другие пользовались, да и поныне пользуются огромной популярностью. Он создал также великолепную портретную галерею передовых деятелей русской культуры: Крамского, Короленко, Глеба Успенского, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого, Менделеева и многих других. Любовно написанные портреты дают нам представление не только о внешнем облике этих людей, но и об их внутренней жизни, их стремлениях, борьбе и страданиях.

Нынче исполняется 125 лет со дня рождения Николая Александровича Ярошенко. Он родился 14 декабря 1846 года в Полтаве, в семье отставного генерала. Продолжая семейную традицию, Николай Александрович повторил карьеру отца, стал военным. Но еще уча в военной академии, посещал академию художеств и получил высшее художественное образование.

И начался поиск...

Да, такой человек достоин памятника. Но почему памятник именно здесь, в далеком от Петербурга Кисловодске? Ах, да... Художник прожил тут последние годы, здесь и похоронен.

Но как больно видеть эту святую для нас могилу в запустении — кругом мусор, битые бутылки, рваная бумага. Конечно, можно понять — война, еще многие города стоят в руинах. И все же...

Сняв шинель, я собрал и отнес в сторону мусор, привел в порядок могилу, а затем направился к дому художника, что стоял совсем недалеко. Он оказался заселенным жильцами, и ничто в этой запущенной усадьбе не напоминало о ее прежнем заботливом хозяине, у которого бывали его друзья: художники — Репин, Нестеров, Касаткин, Васнецов; артисты — Савина, Збруева, писатель Короленко; здесь пели Шаляпин и Собинов, играли Рахманинов, Аренский, Танеев...

С тех пор тропинка, по которой я шел тогда к дому художника, стала мне очень знакомой — вот уже много лет я хожу по ней к дому-музею Н. А. Ярошенко.

Да, дом этот стал домом-музеем. Но не сразу, конечно. Прошли годы нелегкого труда — хлопот, ходатайств, обращений, памятные годы волнений, поисков и находок. У будущего музея появились истинные друзья, верные и надежные помощники, видные деятели нашей культуры: президент Академии художеств СССР А. М. Герасимов, художник-передвижник — друг Ярошенко В. Н. Бакшеев, искусствовед М. П. Сокольников, кандидат искусствоведения Л. Р. Варшавский, народный художник РСФСР А. Н. Яр-Кравченко, член-корреспондент Академии художеств СССР Е. А. Кацман, многие краеведы и любители искусства.

Но вот наступил и счастливый день — по-

В 1875 году на четвертой передвижной художественной выставке появилось первое полотно Ярошенко «Невский проспект ночью», за которое он единогласно был принят в члены «Товарищества передвижных художественных выставок». Три года спустя художник выставил произведения «Кочегар» и «Заклоченный», сразу же завоевавшие признание передовой русской общественности. Затем создает серию картин, посвященных революционно настроенной молодежи 70—80-х годов. Художник хорошо знал и любил молодежь, видя в ней залог светлого будущего. Именно ей посвящены картины «Арест пропагандиста», «У Литовского замка», «Причины неизвестны», «Студент», «Курсистка».

Венцом творчества Ярошенко явилось большое полотно «Всюду жизнь», получившее поистине всенародное признание. Картина воспринимается, как суровый приговор самодержавной России, выражая сочувствие народному страданию, она будит светлые, гуманные чувства. Л. Н. Толстой при осмотре Третьяковской галереи в 1889 году так сказал о картине: «...какая чудная вещь... лучшей картиной, которую я знаю, остается картина... «Всюду жизнь...».

лучен долгожданный приказ: «...директору музея Н. А. Ярошенко, тов. Секлюцкому В. В., открыть музей 11 марта 1962 года».

Мечта свершилась. Музей открыт. Но до настоящего музея ему еще далеко — так мало в нем картин и вещей художника.

А где их взять? У кого они могут быть? А если и найдутся, то как их заполучить? Ведь это не репродукция, которую можно приобрести в магазине. И мы — небольшой коллектив музея — избрали сложный, но увлекательный путь, путь поисков.

Для меня эти поиски были своеобразным художественным университетом. И сейчас я с чувством душевного удовлетворения вспоминаю свои удачи на этом пути, как самые светлые и радостные дни моей жизни.

Как говорят, свет не без добрых людей. Вначале помогли «коллеги» — Третьяковская галерея, Русский музей, Киевский музей русского искусства, Полтавская картинная галерея — они передали нам несколько произведений Ярошенко и его друзей-художников. И все-таки этого оказалось мало для открытия музея. К тому же большинство переданных нам работ были второстепенными и не раскрывали подлинного творческого лица художника.

Вот тогда-то мы избрали путь самостоятельных поисков. Путь, требовавший умения, терпения, пылливости и, конечно, профессиональной осведомленности. Сейчас в экспозиции музея девять десятых общего числа произведений составляют наши находки. И в этом особая прелесть музея.

Немалая часть картин экспонируется у нас впервые, а о некоторых не знали и историки русского искусства. Есть и такие, которые как бы возвращены из небытия, так как ранее считались утраченными.

Этюд к «Лету»

В создании и пополнении нашего музея приняло участие много доброжелателей — людей самого разного возраста и профессии. Среди них с чувством особой благодарности я неизменно вспоминаю ленинградца Михаила Дмитриевича Фролова, большого знатока и любителя изобразительного искусства.

Именно ему мы обязаны тем, что в сложное время становления музея он знакомил и рекомендовал меня коллекционерам, владельцам частных собраний, у которых имелись произведения Ярошенко. Михаил Дмитриевич и сам обладал великолепным натюрмортом кисти Ярошенко, о чем, правда, до времени помалкивал.

Но вот как-то весной 1965 года он прислал письмо, в котором сообщал:

«...В моем скромном собрании, которое я собирал много лет, имеется небольшое произведение Н. А. Ярошенко (почему умолчал, при встрече оправдаюсь). «Натюрморт» изображает букет полевых цветов, лежащих на соломенной шляпе. Если это будет представлять интерес для вашего музея, то я с удовольствием могу вам передать.

...Я буду всегда помогать вам в создании и пополнении вашего музея».

При нашей встрече Михаил Дмитриевич, «оправдываясь», передал музею не только этот натюрморт, а в придачу еще несколько картин: «Не припомню» В. Маковского, «Переправа» А. Корина и другие.

Ныне натюрморт находится у нас в постоянной экспозиции. Удивительно свеж этот необычный для художника сюжет, как бы напоенный ароматом полевых цветов. Он был написан как этюд к ныне утраченной картине «Лето», изображающей полулежащую на сене девушку в розовом платье. Картина эта была показана на передвижной выставке в 1887 году.

Создавалось полотно в Кисловодске. Позировала художнику Е. К. Бондарева, проживавшая до своей кончины в 1965 году в городе Армавири. При встрече с ней в 1963 году я с удовольствием слушал ее увлекательные воспоминания о семье Ярошенко и о том, как создавалась картина «Лето».

Вот немногое из того, что я записал тогда:

Н. А. Ярошенко.

Автопортрет.

«Кисловодск я хорошо помню с 1886 года... Мне было тогда 16 лет. Однажды, будучи в гостях у Ярошенко, я присела во дворе у стога сена. Николай Александрович увидел меня и попросил, чтобы я ему позировала. Мне было приятно такое предложение художника, и я охотно согласилась.

Я должна была сидеть с соломинкой во рту, прислонившись к стогу. Писал Николай Александрович с жаром и увлечением, но законченной картины я не видела, так как уехала учиться. Слышала позднее, что картина «Лето» получилась хорошей, экспонировалась на передвижной выставке».

К большому сожалению сама картина «Лето» не дожила до наших дней, она погибла в Полтаве во время фашистской оккупации.

Кроме этой картины в Полтавском музее изобразительных искусств от рук фашистских из-

вергов погибли картины Н. А. Ярошенко «Невский проспект ночью», «Причины неизвестны», «Мечтатель», «Иуда», «Девочка с игрушкой», «Орлы в облаках» и другие — 12 лучших картин, в том числе и великолепно написанный портрет В. Г. Короленко.

Почему эти произведения оказались в Полтаве? По завещанию Ярошенко, его друг худож-

ник М. В. Нестеров передал Полтавской городской управе более ста работ. Состоялась выставка. В ней приняли участие художники Мясоедов, Позен, Волков, Павел Брюллов. Этим было положено начало созданию городского музея изобразительных искусств на родине Н. А. Ярошенко.

В далеких Пологах

Иногда почта приносит приятные неожиданности. Поэтому каждое письмо вскрываешь с интересом, с надеждой, что в нем может оказаться адрес обладателя картины Ярошенко, либо ниточка к новому поиску.

Так же вот однажды распечатал я письмо с адресом: Пологи, Запорожье. В письме — копия отрывка из чьей-то семейной переписки: «...Теперь о деле. У твоей мамы есть картина кисти художника-передвижника Ярошенко, портрет украинки. Когда Котя был у вас с Игорем, то совершенно случайно на фотографию засняли висящий на стене этот портрет. Как я знаю, приобретена эта картина в Кисловодске, где жил и похоронен художник. Его произведения очень ценятся. Я могу предложить музею и вашу, несомненно подлинную, картину». А в приписке автор спрашивал нашего согласия на приобретение.

Конечно же согласен! Но где адрес? Вскоре он был получен, вместе с приглашением приехать и осмотреть картину.

Как всегда в таких случаях, я не заставил себя долго ждать и выехал первым же поездом. Пришлось сменить шесть видов транспорта, включая и не очень приятное ночное путешествие на открытой платформе товарного вагона, чтобы к вечеру следующего дня добраться до города Пологи на Украине. А от города седьмым по счету видом передвижения — своим ходом, добрался до близлежащей деревеньки по указанному адресу.

У плетня на лавочке сидела уже немолодая женщина со следами былой привлекательности на лице. Она встала мне навстречу и, приветливо улыбнувшись, предложила войти в дом — маленькую крестьянскую хату с мазаным глиняным полом. Изрядно согнувшись, чтобы не

задеть головой низкого потолка, я приоткрыл дверь в чисто убранную горницу и увидел на полу прислоненный к стене небольшой портрет молодой украинки. Глаза ее как бы говорили: «Забери-ка меня отсюда. Я здесь совершенно случайно. Мое место там, в музее...»

Портрет меня заворожил сочным живописным письмом, каким-то очарованием. Хорошо написано лицо, в котором со свойственным художнику мастерством переданы и задумчивость, и нежность, и девичья чистота, и наивность.

Счастливая и трогательная встреча...

Владелица портрета Л. А. Близнюкова поведала мне, что портрет был приобретен у кого-то в 1938 году в Кисловодске ее покойным мужем — врачом по профессии, большим знатоком и любителем живописи. Много было пережито всякого. И только счастливая случайность сберегла портрет в суровое время войны.

Чтобы заручиться согласием владелицы на приобретение картины, не потребовалось каких-либо усилий. Портрет был мне вручен с полным доверием: «Берите и берегите».

Всякий раз, когда я подхожу к этому портрету в зале музея, то испытываю под взглядом лучистых глаз девушки особое чувство благодарности судьбе, возвратившей Ярошенковскому дому произведение, некогда покинувшее его.

Дорогой особенностью находки оказалась надпись на оборотной стороне холста. Ручкою автора начертано: «Принадлежит М. П. Ярошенко» и подпись: «Н. Ярошенко». Значит, портрет был собственностью жены художника Марии Павловны и, конечно, изображает кого-то близкого их семье.

Время придет, и мы узнаем, кто запечатлен на холсте.

«Хор» из кабинета Павлова

Однажды в Ленинграде я возвращался из мастерской знакомого художника в гостиницу. Шел по Кировскому проспекту и, как всегда, любовался неповторимой красотой архитектурных сооружений красавца-города. И тут взгляд мой как-то невольно остановился на одном большом здании с табличкой на его фасаде: № 62/79.

Ба! Да ведь это дом, о котором мне столько говорили — здесь живет Татьяна Николаевна Павлова, жена сына академика Ивана Петровича Павлова, наследница и владелица замечательной коллекции картин, среди которых — произведение Ярошенко «Хор». Эта большая картина была написана в 1894 году в Кисловодске, в саду дома художника, и тем особенно дорога нам.

Я стоял и размышлял: зайти или не заходить? За эти две недели, что я прожил в Ленинграде в поисках произведений Ярошенко, все мои попытки побывать у Т. Н. Павловой неизменно встречали отказ. Мне говорили: «Татьяна Николаевна просила передать, что она решительно отказывается вести какие-либо переговоры о картинах Ярошенко из ее собрания».

И вдруг — дверь к ней совсем рядом. А что, если...

С бьющимся сердцем поднимаюсь на второй этаж, нажимаю кнопку звонка квартиры № 16 и жду. Через несколько секунд послышались легкие шаги, и в чуть приоткрытой двери появилась пожилая женщина с недоуменно вопрошающим взглядом. В ответ на мою рекомендацию я услышал неумолимое:

— Но помилуйте, ведь я же просила передать, чтобы вы не делали никаких попыток... О картине не может быть и речи...

— И все-таки, — говорю я, вздохнув, — я не мог, не имел права уехать, не побывав у вас и не посмотрев на картину, чтобы рассказывать о ней посетителям. Кроме того, я работаю над книгой о Ярошенко...

Дверь внезапно захлопнулась, и я подумал: «Ну все. Конец. Разговор окончен и, очевидно, навсегда». Но дверь вновь распахнулась (она была на цепочке) и меня пригласили войти.

В гостиной, куда меня привели, все стены были заполнены картинами. Светила загадочная луна в теплую, темную ночь, отражаясь на зеркальной водной глади в пейзаже Куинджи, здесь же рядом — нестеровский отрок Варфоломей на фоне пейзажа с грустными молодыми березками, разливался вечерним заревом морской прибой Дубовского, ласкали ранней улыбкой весны лирические этюды Левитана, настораживала лесная глухомань Шишкина...

Забыв о том, что я всего лишь непрошенный гость, стал вслух почти по-детски выражать свой восторг от встречи с давно любимыми мастерами русского искусства. Татьяна Николаевна молча слушала мои излияния, и мне показалось, что глаза ее потептели.

Вскоре она пригласила меня в другую комнату, где показала работу Ярошенко: портрет сына Ивана Петровича Павлова, Володи, в десятилетнем возрасте (Владимир Иванович был мужем Татьяны Николаевны).

Портрет написан художником с присущим ему профессиональным мастерством и проникновением в душевный мир мальчика.

Мы сели, и завязалась непринужденная беседа. Я стал рассказывать о своих похождениях — о мытарствах, трудностях и переживаниях, связанных с организацией музея, с поисками работ Ярошенко. Упомянул, что для получения юридического права на открытие музея необходимо по инструкции 80% произведений Ярошенко, а один лишь «Хор» может составить три четверти этих процентов.

Мой визит затянулся — беседа продолжалась уже более двух часов. Татьяна Николаевна внимательно слушала и сочувственно кивала головой. Видя это, я осмелился попросить картину «Хор» хотя бы на время открытия музея. Татьяна Николаевна помолчала и — мне просто не верилось, что я слышу это, — ответила, что она согласна передать картину на время, но должна

посоветоваться со своими взрослыми детьми. Назавтра я еле дождался назначенного мне часа встречи.

И вот — шесть часов. Пора... Я снова на Кировском проспекте. Дверь распахнулась широко, приветливо, как бы предвещая удачу.

Так и есть — Татьяна Николаевна сообщает о своем и своих детей согласии передать нам картину «Хор». Но — не здесь, не сейчас. Меня приглашают на дачу, чтобы представить всей семье.

На даче, где меня встретили весьма радушно, за вечерним столом, уставленным различными яствами и цветами, и состоялась своеобразная церемония передачи нашему музею картины, вернее, прав на нее. А за самим полотном пришлось приехать через несколько дней (я его еще и не видел).

До станции провожали всей семьей, а уже как я ехал, и не помню даже — счастливый от сознания, что «Хор» Ярошенко будет в нашем музее. Я, наверное, впервые за все время пребывания в Ленинграде, уснул спокойно и крепко.

Но вот наступил и день отъезда картины в Кисловодск.

Татьяна Николаевна встретила меня по-прежнему радушно и провела в кабинет покойного академика.

Деловитость обстановки. Ничего лишнего. Старинная строгая резная мебель. А над письменным столом я впервые увидел «Хор».

Картина написана художником с чувством теплой любви к детям. Глядя на группу поющей под руководством сельского дьячка детворы, невольно появляется улыбка на лице.

Когда рабочие снимали картину со стены, Татьяна Николаевна села в кресло и, закрыв глаза, тихо заплакала. Ее слезы были мне понятны: для нее это была ведь не только картина, но и дорогая семейная реликвия, она расставалась с ней как с близким другом. Но человек умный и культурный, она понимала и значение этого художественного произведения для русского искусства, для народа.

Вот уже скоро десять лет, как это великолепное полотно украшает музей, радует его посетителей. Среди группы поющих малышей, в центре хора, изображен мальчик, здравствующий и поныне житель Кисловодска Подушинский. Бывая в нашем музее, Семен Антонович охотно делится своими воспоминаниями с посетителями музея о том, как художник работал над картиной.

Пропал в 1887 году

Как-то после лекции, которую я читал в кисловодском санатории им. Горького, ко мне подошел один из отдыхающих — почтенных лет человек в академической черной шапочке. Представился. Завязалась беседа... И мог ли я знать, что через несколько минут будет положено начало поиску, итогом которого станет выдающееся открытие.

Произнеся несколько одобрительных слов о моей лекции, мой собеседник вдруг сообщил: «А знаете, в Харькове я видел у одной старушки подлинную картину кисти Ярошенко...»

Сказать по правде, мне не раз приходилось слышать «я видел у кого-то», «произведение, конечно, подлинное», но — увы — это не всегда оказывалось правдой. И все-таки каждое сообщение рождает надежду: а вдруг да это так? Я записал адрес владелицы картины.

Прошло немало времени. Я уже потерял было надежду на «харьковский сюрприз», как вдруг пришло письмо. Неизвестная женщина сообщила, что у нее имеется подлинник работы Ярошенко — портрет М. Е. Салтыкова-Щедрина — и что она желает продать его нашему музею.

Портрет Салтыкова-Щедрина?! Но ведь он считается утерянным! Ярошенко выставил его на 15-й передвижной выставке, а в 1887 году, к удивлению всех, в том числе и самого художника, портрет внезапно и бесследно исчез при таинственных обстоятельствах....

Что это — мистификация, подделка, копия?

В тот же день я собрался в дорогу и назавтра был в Харькове. Еду на трамвае по указанному в письме адресу, — и вот он, старый и ветхий домик на окраине города.

...В уютной, чисто прибранной комнатке на столе шипел самовар — меня ждали. Взаимные приветствия, представления, обычная предварительная беседа «ни о чем» и, наконец, хозяйка — пожилая женщина с вопросительным взглядом строгих глаз — переходит к «делу». Из-за старинного комода с осторожностью извлекает нечто, завернутое в полустлевший холст. Мое сердце дрогнуло — раз так хранят, значит, что-то действительно стоящее... Распорол холстину, за ней оказалась вторая оболочка — из белой и плотной материи. И вот, наконец, сама картина.

Я затаял дыхание: передо мной стоял тот самый портрет, который много лет считался утерянным... В этом портрете Ярошенко дал выразительную характеристику М. Е. Салтыкова-Щедрина, писателя-демократа, «судьи своего века». Он сидит в голубом кресле в халате, с накинутым на плечи пледом. Хорошо передано кудое, измученное лицо, высокий сократовский лоб, суровые осуждающие глаза, их непримиримый строгий взгляд.

Портрет написан с большим мастерством, композиционная скромность и живописная сдержанность придают ему особое звучание.

Да, это, несомненно, был подлинник!

— Так покупаете? — услышал я будто сквозь сон,

— Конечно, конечно...

— Тогда платите тыщу пятьсот и забирайте...

Но я же не частное лицо. Никакие доводы и пояснения, что я не Третьяков, что приобретение портрета требует соответствующего оформления, не действовали.

Чтобы как-то задержаться для продолжения переговоров, я не спеша расстегнул портфель, достал репродукцию фотографии, сделанной в свое время с портрета на выставке, и стал сличать с подлинником. Но и это оказалось не по душе владелице, и она обиженно заявила:

— Ты вот что, родимый, ты тут не проверяй, моя мать лет сорок хранила, да и я столько же. Тут без обмана. Вот так-то...

С тяжелым чувством возвращался я в Кироводск без портрета. Очень тревожила мысль: а вдруг встретится состоятельный коллекционер, который, увидев полотно, тотчас же щедро расплатится? Ищи потом, упрощай, умоляй...

Но вот, спустя время, я снова в этом доме. Оформлена покупка, еще раз вглядываюсь в теперь уже хорошо знакомый портрет с чувством счастливого сознания, что наконец-то он наш.

Уезжал я из Харькова победителем, увозя спасенный шедевр, к удивлению многих любителей живописи и особенно сотрудников Харьковской картинной галереи, не знавших, что у них совсем под боком хранилось такое сокровище.

Ныне портрет по праву занимает достойное место в экспозиции нашего музея. По силе раскрытия духовного мира писателя, по живописному решению, его можно поставить рядом с лучшими произведениями русской портретной живописи.

Портреты Герда

Искусствовед В. А. Прытков в своей монографии о Н. А. Ярошенко поместил каталог всех известных по литературе картин художника с указанием их местонахождения. Как видно из этого каталога, немало картин еще находится в частных собраниях. Это тоже путь к поискам.

Так, научный сотрудник нашего музея И. В. Поленова решила попытаться счастья — поискать «портрет Герда», числящийся в собрании неизвестного нам профессора Райкова. Пошли письма-запросы в Москву, в Ленинград. И вот удача — профессор Ленинградского института имени Герцена Борис Евгеньевич Райков сам отвечает нам. И не просто отвечает на запрос, а и приглашает приехать.

И вот я в квартире профессора, стою перед висящим над его письменным столом не известным мне портретом профессора А. Я. Герда.

Ученый изображен сидящим в кресле в непринужденной позе, со спокойным и сосредоточенным взглядом. Он как бы прислушивается к собственным мыслям. Портрет отлично скопирован, прекрасен его четкий рисунок (углем по грунтованному холсту).

Борис Евгеньевич тут же, у портрета, рассказал его историю.

Александр Яковлевич Герд был крупнейшим педагогом, переводчиком, редактором и страстным пропагандистом трудов Дарвина в России.

Ярошенко и Герд познакомились в Петербурге в «Педагогическом музее военно-учебных заведений». Там читались публичные лекции с «волшебным фонарем». Среди лекторов был и А. Я. Герд, а Н. А. Ярошенко состоял членом музея, как военный педагог. Знакомство скоро перешло в дружбу, которая и была как бы скреплена этим портретом.

Ярошенко часто бывал у Гердов. Там Б. Е. Райков, тогда еще молодой человек, студент, и познакомился с художником. Этот портрет был ему дорог как память о двух высоко ценимых им людях. Поэтому впоследствии, в 1948 году, он и упросил родственников покойного профессора уступить ему картину.

Но с этим портретом, с судьбой его связано и еще одно, особо дорогое нам имя — имя Владимира Ильича Ленина. Ему мы обязаны спасением портрета в годы гражданской войны. Известна его телеграмма, посланная 13 января 1919 года в Петербург работнику наркомата просвещения Кудрявцеву. В ней среди распоряжений о судьбе библиотеки академика Струве, есть

Художник
Н. А. ЯРОШЕНКО

ДЕРЕВЕНСКИЙ ХОР

ПОРТРЕТ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

ПОРТРЕТ А. Я. ГЕРДА

ШАТ-ГОРА

ПОРТРЕТ УКРАЙНКИ

и такое: «...Портрет Герда работы Ярошенко подлежит передаче Нине Александровне Струве через директора политехнического института. Исполнение телеграфируйте. Предсовнаркома Ленин» (Собр. соч., т. 50, с. 243).

Кроме этого портрета Герда есть, оказывается, еще один, тоже работы Ярошенко, писанный маслом уже после смерти ученого. Борис Евгеньевич привел меня в институт имени

Герцена, где в его кабинете и висел этот портрет. Переговоры с дирекцией института, не без помощи Б. Е. Райкова, кончились для нас весьма успешно: музей получал портрет в обмен на хорошую копию его, изготовленную в Государственной реставрационной мастерской. И вот теперь у нас в музее оба портрета Герда, почти не известные до этого почитателям творчества художника.

Последняя тема

Художника Н. А. Касаткина мы знали как одного из зачинателей рабочей темы в русском искусстве. Его творчество в значительной степени посвящено изображению жизни и борьбы рабочего класса. Но далеко не всем известно, что на этот путь его вдохновил Н. А. Ярошенко, его учитель и друг. Дочь художника, Екатерина Николаевна Касаткина, делясь со мной воспоминаниями об отце и его друге, не раз особо подчеркивала влияние картины Ярошенко «Кочегар» на всю последующую творческую деятельность ее отца. Именно «Кочегар» и поездки Ярошенко на шахты Урала и вдохновили Касаткина на создание известных его произведений, посвященных донецким шахтерам.

Н. А. Ярошенко дважды в 1880-х и в 1890-х годах побывал на Урале, чтобы познакомиться с жизнью рабочих-шахтеров — тема труда постоянно волновала Ярошенко.

С этюдником и альбомом он ездил на рудники, спускался в шахты. Знакомясь с тяжелым горняцким трудом, писал этюды прямо на месте, делал зарисовки, наброски, собирал натурные материалы для задуманных картин.

...В экспозиции нашего музея на мольберте стоит холст — копия с эскиза картины из жизни горнорабочих. Этот эскиз Ярошенко компоновал на основе собранного им на Урале материала. Но закончить картину ему не довелось. Утром 7 июля 1898 года, сидя за мольбертом и продолжая работать над эскизом, художник вдруг

почувствовал себя плохо и внезапно скончался от разрыва сердца.

«Сохранившиеся этюды к картине отличаются такой силой колорита, такой жизненностью и экспрессией, что невольно останавливаешься перед ними, долго не отрывая глаз», — писал один из современников Николай Александровича Ярошенко.

Мне посчастливилось видеть в коллекции московского любителя живописи Ю. В. Невзорова маленький рисунок Ярошенко, выполненный коричневым карандашом. Он изображает группу рабочих — горняков в шахте, затопленной водой. Взрослым горнякам вода пока по пояс, а подросткам уже по грудь. Старик молитвенно сложил руки, а молодой стиснул кулаки. Во мраке подземелья где-то в стороне тускло светит одинокая шахтерская лампа. В этой небольшой сцене показана трагедия, каких было немало на шахтах старого Урала.

Владелец рисунка дарит нам эту работу к юбилею художника в декабре этого года.

Известно, что у Н. А. Ярошенко были еще картины на уральские темы. Так, на передвижных выставках в 1884 году и в 1899 году экспонировалась «Ночь на Каме», а после смерти художника выставлялись картины: «В ожидании обеда» и «Золотоискатель». Местонахождение этих произведений, к сожалению, неизвестно. Нет с них также и репродукций. Возможно, тут скажут свое слово уральские следопыты?

ПЕТЛЯ ТАЙГИ

Повесть

Борис ЖИДЕНКОВ

Рисунки Н. Мооса

По таежным зверовым тропам, через синие перевалы с взметнувшимися в небо горбатыми гребнями к кержачью, живущему в привольных долинах, дошла весть о восстании. Из уст, в уста передавали эту весть.

Поодиночке, по двое, уложив в котомки с сухарями медные, потемневшие от времени распятия, заедаемые мошкой и хищным зверьем, держали путь на Микулу к начетчику Абросиму самые упрямые.

Над сизыми хвойниками висели белесые ключья тумана. Скрытые им, под ногами разверзались пропасти. Из-под мшистых камней били студень, не замерзавшие зимой ключи. Тайга вставала непроходимыми марями, непролазным подлеском, заплетенным ползучими лианами кишмишника и лимонника.

...Горбоконь сопоставил факты. Староверы подняли оружие лишь тогда, когда появился в Пещерском кишмишевский начетчик Евсей Шабанов. Трофим рассказал Горбоконю и о том, что сам Шабанов крепко-накрепко связан с кунтунским богатеем Нифонтовым. Следовательно, решил Горбоконь, ниточка тянется далеко, и нужно немедленно принимать меры.

Вскоре из деревушки, встретившейся им по пути, вышел в дальнюю дорогу, в Кунтун, старый приятель Горбоконя, испытанный партизанский разведчик. Внешне он ничем не отличался от тех кержаков, что двигались на Микулу. Даже стародавнее святое писание, неведь откуда добытое, положил к себе в котомку.

Летняя звездная ночь в Кунтуне. Шумит, плещет по галечниковым берегам обмелевший Иман. На околице, где на вечерку собираются кунтунские парни и девки, слышатся прерывистые звуки гармонии. Стоит самый глухой час.

Со стороны реки задами, там, где от сараев и бань на землю падают черные тени, кто-то тихо крадется вдоль нифонтовского забора. Остановившись в бурьяне и зорко оглядевшись вокруг, нащупывает рукой потаенный лаз.

Темна изба лавочника. Плотно прикрыты ставни. В кованые болты изнутри вставлены верхковые чекушки. Тяжелая резная калитка с железным кольцом наглухо закрыта хитроумным запором. Десятый сон досматривает в мягкой перине легковерная Фетинья. Сам Нифонтов при свете двух толстых восковых свечей, в исподней рубахе, босой, сидит с единоверцами в бане.

Почесывая волосатую грудь, прислушивается краем уха.

Старый, но еще крепкий телом и умом начетчик Сильвестр Черепанов воровато смотрит на Егора Мартянова, на выгнувшегося от старости дугой Прокопия Верещагина и останавливает взгляд на хозяине. Кроме отколовшихся по весне единоверцев, на которых они с Маркелом возлагали надежды, не хватало только Тришки Самохина. Даже не хотелось верить, что и Трифон, который был всегда с ними заодно, наострил лыжи...

Нифонтов гмыкнул, обменялся взглядом с Сильвестром, встал со скамьи, перекрестился, оборота лик на висевшую в углу икону спасительницы. Раскрыв волосатый рот, он хотел было заговорить, но в это время с улицы раздался тихий стук в дверь. Быстро потушив свечи, стараясь не скрипнуть дверью, пригибая голову, Маркел вышел в предбанник.

— Маркел Осипыч... Открой... — глухо донеслось снаружи.

Маркел постоял, слушая, как кто-то переминается перед дверью, и, зло сплюнув, отодвинул задвижку.

В проеме маячили две фигуры. Одна, невысокая, с косо поставленными узкими плечами — Трифона, другая — чуть повыше, плотная, с картузом на голове.

— Я, Маркел Осипыч, не один, а с человеком вот, — неуверенно начал Тришка и дохнул в лицо Маркела перегаром самогона. Видя, что Нифонтов стоит, не намереваясь пропустить их, осмелев, добавил:

— Да не пужайся, Маркел Осипыч, не пужайся, с Кокшаровки к Абросиму человек пробирается. Вот я и привел его послушать тебя о Микуле.

«Ох, язва... Выдал, выдал, пустомеля, выдал с головой, идол простоволосый», — выругался про себя Маркел. Но делать было нечего, и он нехотя пропустил обоих в дверь.

Снова были зажжены свечи, и перед собравшимися предстал русоволосый, с небольшой бородкой плотный мужичок в стоптанных олочах. Он обвел глазами собравшихся, кротко улынулся.

Кержаки один за другим сели на лавки.

— Чей будешь? — хрипло спросил незнакомца Нифонтов.

— А Хлебников я, Карпом кличут. Вот уж другую неделю с Кокшаровки тайгой топаю, олочишки уж все поистер, — ответил незнакомец, весело сверкнув глазами.

— По какой такой нужде двигаешь к Абросиму? — продолжал выпытывать Нифонтов.

С худощавого лица Хлебникова сошла кроткая улыбка. Глаза его помрачнели, и он, уперев их в Маркела, спросил дрогнувшим голосом:

— А ты что, допрос чинить мне собрался? Куды двигаю — не твоего ума дело! — Он повернулся к Тришке, удивленно вылучившему на него глаза, и выкрикнул: — Ты куда меня доставил? Может, к сельсоветчикам? И икону напоказ выставили! Может, и дорогу вам туда показать! Накося! Выкуси! — выкрикнул Хлебников и поднес к Тришкиному курносому носу кулак.

Опешившие в первую минуту кержаки заулыбались, переглянулись между собой и, пряча в бороду усмешки, ожидали, что скажет Маркел.

Врожденная осторожность, приказ Марты-

нова ни в коем случае не провалить дело с вербовкой заставили Нифонтова с подозрительностью отнестись к появлению незнакомца. И хотя на сегодняшнем тайном сборище решался вопрос, кого послать к единоверцам на Уссури, чтобы поставить и тех в известность о захвате власти в Пещерском и в Микуле, Нифонтов заговорил загадками и намеками. По словам его, вроде сам он в Микуле и не был и обо всем происшедшем прослышал от кишмишевцев, к которым лоднялся на бату, чтобы получить с них долги. Искоса наблюдая за Хлебниковым, который молча посматривал поочередно на всех, Маркел грузно сел на скамью.

Провожая незнакомца и своих дружков, Маркел нарочито громко громыхал запором калитки, приглашал всех, в том числе и Хлебникова, проведать его еще. И только когда задвинул щеколду, яростно зашипел и, схватив за грудки Тришку, спросил, потрясая его железными ручищами:

— Ты, гнида, кого привел? Кого, я тебя спрашиваю? Сельсоветчикам хочешь продать? Где ты его нашел? Где, иуда?!

Тришка, уже испытывавший ранее на себе гнев Маркела, почувствовал, как по спине забегали мурашки.

— Да я... Да я... — начал он заикаясь, — через бабу, Маркел Осипыч, стакнулся с ним...

— Через какую бабу? — Нифонтов снова яростно тряхнул Тришку.

— Через бабу Аграфену! Она сказывала, что кокшаровский он и фамилия вроде такая там есть. Он и остановился у ней. Вот те хрест, Маркел Осипыч!

Нифонтов отпустил его, постоял, переминаясь с ноги на ногу, как бы решая, что предпринять, и вдруг быстро запустил руку в карман.

— Вот тебе, — вложил он в ладонь Тришки монеты. — Утресь найдешь его, пей, да смотри, язва, башки не пропивай! С глазу его не спущай. В случае чего — одним духом ко мне. Понял?

В избе Маркел долго сидел в передней, перебирая в памяти события последних дней. Обижено-гневное лицо русоволосого Карпа Хлебникова назойливо стояло перед глазами. Что-то немужичье чудилось ему в блестевших умом глазах этого кокшаровца. Сожалел, что до Кокшаровки далеко и что только скрывшийся кунтунский мельник, который прожил в Кокшаровке около десятка лет, мог в эту минуту разрешить мучившие его сомнения, Нифонтов не переставал костерить Тришку.

«Бежать в Микулу, бросить все!» — мелькнула мысль, но, вспомнив о Мартынове, он тотчас откинул ее. Надо было сидеть в Кунтуне — и действовать, действовать, не возбуждая подозрения. На карту ставилось все: имущество, деньги, которые были закопаны на сопке около Кунтуна, семья, сама жизнь. Поднявшись, он подошел к висевшим в углу иконам и, встав ногами на лавку, осторожно вытащил что-то завернутое в белую тряпку. В руках блеснул наган. Снова вспомнился Мартынов и торжественная минута вручения ему при всем «штабе» оружия, принадлежавшего схваченному ночью в постели председателю микулинского сельсовета. Потрескивая барабаном, Нифонтов проверил патроны. Все семь были на месте.

...Весь день было муторно на душе. А тут

еще Егор Мартьянов, ссылаясь на ломоту в ко-
стях, наотрез отказался плыть на Уссури. Выпа-
дала доля идти Тришке. Хоть зело болтлив он
и обличьем не взял, отправлять больше было
некого. «Что ж, заодно и в Кокшаровку завер-
нет, разнохает об этом Карпе Хлебникове»,—
думал Маркел, мягко ступая олочами по кра-
шеному полу горницы.

Вдруг во дворе, захлебываясь, залаял цеп-
ной кобель.

«Кто бы это?»—насторожился Маркел.

Он торопливо задул лампу и, стараясь не
скрипеть дверьми, крадучись вышел в сени.

В калитку стучали настойчиво.

Маркел заскочил обратно в переднюю и,
набросив крюк, торопливо достал наган. По
узкой, намертво приделанной к стене лесенке,
открыв люк, вылез на чердак. Прильнув там
к потайному оконцу, из которого видна была
скамейка и часть улицы, заметил маячившие
около калитки три тени. Две были высокие, с
винтовками.

— Стучи еще... Свет погасил, хоронится!—
послышался чей-то неторопливый голос. Один
из длинных, сняв с плеча ружье, забарабанил
по калитке прикладом.

Нифонтов испуганно заерзал. Руки, ноги
утратили силу, на лбу выступила испарина.

«Бежать! Бежать!»—зашептал он одере-
невшими от страха губами, и, сжав в руке
наган, вышиб слуховое окно. Заскользив на
влажной тесовой крыше, тяжело спрыгнул вниз.
Услышав предостерегающий окрик, обернулся
и, увидев тени людей, метнулся к лазу.

— Стой!— снова донесся крик. Но выстре-
ла Маркел не слышал. Почувствовал только тол-
чок в руку и, дернувшись всем телом, откинув
доску забора, рывком выскочил на улицу.

«К Иману! К Иману! На открытом месте
увидят—убьют! Только бы до тайги!»

Перехватив наган из бессильно упавшей
правой руки в левую, Нифонтов бросился к тем-
невшим купам кустов.

Но кто-то быстрый, ловкий, тенью метнулся
из бурьяна ему под ноги. Не целясь, навскидку
Маркел выстрелил. Пуля, цвиркнув по камню,
в ночном рикшете ушла в сторону. Уже па-
дая, Маркел почувствовал на себе тяжесть чу-
жого, цепкого тела.

— Не надо!.. Не надо, батя!..—уговаривал
барахтавшегося Маркела, хрипевшего как запаленный конь, сбивший его и уже вырвавший из
его рук оружие человек в темной рубашке.

От лаза, топоча ногами, бежали мужики с
винтовками наперевес. Во дворе слышался
истощный крик Фетиньи.

У Маркела все опустилось внутри, и он пре-
кратил сопротивление.

— Ну-ка, вставайте, Нифонтов, вставайте!
Быстро поднимайтесь, руку перевяжем!

Ему помогли подняться. Исподлобья он по-
смотрел на пленившего его человека. В это вре-
мя луна вышла из-за туч. Она осветила блед-
ным светом сухощавое лицо, прямой нос и не-
большую бородку.

— Карп!.. Хлебников!..—Измученно протя-
нул Нифонтов, держась левой рукой за ране-
ную правую.

Его повели к сельсовету, в центр поселка,
сгорбившегося, уже не обращающего никакого
внимания на свой дом, на опасно выглядыва-
вших из-за калиток кунтунцев, на крики Фе-

тиньи, сопровождавшей в десятке шагов кон-
воируемого мужа.

На восьмой день томительного ожидания
шхуна «Котик» показалась в заливе.

Это было деревянное, тонн в сотню, с над-
стройкой на палубе, тихоходное суденышко.
Многим была знакома команда, и почти все
население бревенчатого поселка высыпало на
пристань.

— Эй, вы, деды!— как только борт шхуны
коснулся кранцев, крикнул плотный, уже в го-
дах, боцман.— Да вам говорю, борода! Вам!
А ну-ка, примите трап!

Трофим с Мартемьяном на миг опешили,
но, поняв, наконец, что именно к ним относят-
ся слова боцмана, бросились помогать ставить
деревянные, в три толстые доски, сходни.

Тотчас началась выгрузка. Ручной лебедкой
из трюма подавали мешки с мукой, соль, ящики
с оружием. Выгрузка шла всю ночь.

На рассвете, внося острый запах пота и
моря, к Горбоконю ввалились Мартемьян и Тро-
фим.

— Режь ее, Григорий Петрович, окаянную!
В старики записали!— сразу с порога восклик-
нул Трофим и сделал красноречивый жест око-
ло своей бороды.— Староверами нам уже не
бывать!

— Да к одному уж,— поддержал его Мар-
темьян, весь выпачканный в муке.

Через час, ощупывая ладонями непривычно
скользкие щеки, шли они по туманнинской
улице, оглядывая и не узнавая друг друга.

Пятый день в окнах избы Шабанова допозд-
на горит свет. Пятый день, снедаемый сомне-
ниями, животным страхом, непрерывно сосушим
под ложечкой, ждал Мартынов Нифонтова.

В хромовых сапогах, в галифе цвета хаки,
в застиранной нижней рубашке, нервно расчесы-
вая костявую волосатую грудь, изъеденную за
время похода из Пещерского клещами, сидел
Мартынов под образами на лавке и медленно
тянул из глиняной кружки подмоложенную Ев-
сеем кисловато-приторную медовуху.

Он хотел было крикнуть и позвать запро-
пастившегося куда-то Евсея, но в эту минуту
заскрипела дверь и на пороге показалась Глаш-
ка. Растерянно остановившись, Глашка испуган-
но смотрела на штабс-капитана, не в силах тро-
нуться с места.

Мартынов, не спуская с нее взгляда, стал
медленно подниматься с лавки. Он уже подни-
мал руки, чтобы схватить замеревшую Глашку, но
та опомнилась и, юркнув в дверь, столкнулась
с вошедшим в избу Евсеем. Тот загородил до-
рогу Мартынову, схватил его за кисти рук, да
так нажал на них, что они сразу омертвели.

— Грешно, грешно, ваше благородие, в
моей избе-то руки распухать,— процедил
сквозь зубы Шабанов и, отпустив его, повернул,
снова подвел к столу.

— Вместо сироты-то, ваше благородие, луч-
ше на гаденыша взор-то оборотить,— подми-
гивая и наливая медовухи себе и Мартынову, за-
гадочно начал Шабанов.

Мартынову не сразу стал понятен смысл его
слов. Только сделал несколько глотков, он во-
прошающе поднял глаза.

— Какого такого гаденыша? — допытывающе, пьяно спросил Мартынов. — Ну, говори! Чего молчишь?! Приказываю говорить!

Шабанов злорадно ухмыльнулся.

— Девка тут силинская с чадом богопротивным, с Трофимием Козиным путалась. У Куксова Трифона сейчас живет.

— Это тот, что с краю на протоке? — перебил его Мартынов.

— Он, ваше благородие. Они с сыном-то со своим, Алешкой, одни из мужиков и остались на хуторе. Видно, ему-то, самому Куксову, дорожке комуния, коль отказался идти в войско на Микулу. Да и сам Трофим — в партизанах.

— Как выглядит? Эта, как ее?

— Настя-то? Девка красоты неписаной! Да в малых годах видно кто порченным глазом на нее поглядел. Отбилась от рук, с Трофимом спуталась, ну Марья-то, мать ее, и отказалась от дочери...

Шабанов умолк, но слова его попали в самую точку. Он искоса поглядывал на их благородие, заранее зная, что в следующую минуту произойдет.

— Арестовать! Допросить! — пьяно воскликнул Мартынов и, вскочив со скамьи, торпливо стал засовывать руки в рукава рубахи.

— Не спеши, не спеши, ваше благородие! Не улетит птичка! Выпьем еще по одной, подождем пока луна подыметса, идти будет посвет-

лей. Да и Ивантеюшку заодно прихватим. Не ровен час Трофимий нагрянет. Что ему через перевал-то перемахнуть, — уговаривал Евсей упрямо порывавшегося идти Мартынова.

Ночь. Бледно светит луна. Немолчно шумит на перекате Иман. Спит, отгороженная от всего мира тайгой, Кишмишевка.

И вдруг в тишину, наполненную чуть слышным шелестом травы и монотонным звоном кузнечиков, врывается возглас. Минута молчания — и крик отчаяния раскалывает темноту. На тропе обрисовывается что-то темное, бесформенное.

— Шагай, шагай, язва! — срывающимся от злости голосом приказывает кто-то.

Лунный свет озаряет бороду Евсея, идиотскую ухмылку Ивашки и мертвенно-бледную маску лица Мартынова.

В двух шагах, цепляясь ногами за корни, шла Настя. Ей казалось, что ее ударили по голове чем-то тяжелым, и все видится как в каком-то кошмаре. Зверское, безжалостное лицо начетника, угрозы и проклятия на голову Трофима...

Бесчувственная к боли, охваченная радостным, не уместающимся в душе открытием, Настя шла, и губы ее бессвязно шептали: «Жив, жив, Трошенька... Жив, мой сокол ясный...»

Юродивый схватил ее за руку и выволочил на речную косу. Шабанов обрушил на Настю

удар кулака. Как подкошенная, свалилась Настя на песок.

— Ах ты, язва! Девку убивать! — выскочил из кустов в исподнем, с ружьем в руках, дико закричал на начетчика Куксов.

Как во сне услышала Настя его голос. Искрой вспыхнула надежда. Но выстрел Мартынова из маузера в упор свалил на песок старика Трифона. Последними усилиями он еще было хотел поднять ружье, но оно вывалилось из рук...

— Дави ее, Евантеюшко! Дави! — закричал Шабанов.

Юродивый припал к Насте. Закачалась земля, закружились, как в хороводе, деревья.

Евсей закрестился:

— Житие временное, слава суетная, — гнусаво затянул он стихиру. Мартынов щелкнул деревянной крышкой кобуры, втолкнул в нее маузер.

Ивашка, как вылезшая из воды собака, шумно отряхивал лохмы.

В бинокль были видны осыпи, крутизна оврагов, ключи, сверкавшие водопадами. Горбоконь узнавал верхушки сопки, провалы падей, овалы бухточек, белевших ожерельем прибора. Походы от Пещерского до Туманного запечатлелись на всю жизнь.

С бака, где тень от надстройки спасала от солнечных лучей, доносился смех, возгласы, шутки. Люди, расположившись там с котомками, с ружьями, чувствовали себя как на отдыхе. Запах крепкого самосада, пота, ружейного масла и юфты доносилось до мостика.

Горбоконь вспомнил вчерашние проводы. На баржах — пестро одетые, плачущие, старавшиеся перекричать выхлопы мотора, женщины. У многих на руках дети. Шум, крик, сутолока, и в этой сутолоке, сдержанно помахивая рукой Трофиму и Мартемьяну, — Наташа. Она старалась не смотреть на Горбоконя. И только когда между шхунной и пристанью появился просвет, Наташа, сделав над собой усилие, встретила с ним взглядом. Ее глаза преследовали его всю ночь. С мыслями о ней он громыхал каблуками сапог по палубе, спускался в трюм, в носовое отделение, где, разметавшись во сне, кучками спали его бойцы.

Только под утро, когда потянул береговой бриз, подмостив под бок чью-то шинельку, он прилег рядом с Трофимом.

А сейчас, стоя рядом с капитаном на мостике, он снова вспомнил Наташу. Вспомнил партизанские дни, землянки.

Горбоконь спустился в каюту, вытащил из-под подушки походную сумку и с листом бумаги присел к крохотному столику.

Буквы из-за качки получались неровные, а само письмо вышло короткое. Он писал Наташе, что только в эту минуту почувствовал, как дорога она ему.

— Слева по носу Пещерское! — доложил ему, суровый на вид, с усами, как у моржа, капитан, бороздивший прибрежные воды уже двадцать лет. Он передал Горбоконю бинокль и показал на чуть проступивший в мареве мыс.

Штиль дал возможность высадиться невдалеке от мыса.

Разведчики — Трофим, Мартемьян и взводный Мохов — доложили, что в Пещерском противника не видно,

Отряд высадился и перебежками стал приближаться к крайним избам.

Неожиданно взорвались лаем псы. Из изб повывскакивали бабы и подняли крик. Воспользовавшись суматохой, три кержака, оставленные Мартыновым связными, успели скрыться.

Пещерское было занято без выстрела. Скрипели калитки, испуганно ойкали кержачки, собаки заливались лаем.

Мартемьян добежал до своей избы и на месте ее увидел пепелище. Он упал на колени, не в силах подняться. Но вскоре прибежала Евдокия. Оказалось, что в ту ночь, во время перестрелки, она схватила ребятшек и убежала с ними в тайгу. Голодные, съедаемые комарьем, два дня бродили они по сопкам. На третий, ночью, она пришла к Савельевне. Бесстрашная бабка накормила их, поведала, что изба сожжена, а Евдокию ищут по поселку. Только на седьмой день, через ту же Савельевну узнав, что мужики все ушли в сопки, появилась она в Пещерском.

Горбоконь, выставив дозоры, вызвал Трофима.

Заросший короткой щетиной, в зеленой рубашке, в таких же штанах и юфтовых олочах, Трофим взглянул с порога на командира.

Горбоконь спросил его о Мартемьяне.

— Хуже бы надо, да некуда, — ответил Трофим. — Избы нет, скот зарезали, а его самого, да и меня — анафемой прокляли!

— А ты нос не вешай! Закончим вот дела со смутой, новую избу поставим Мартемьяну, — и повернувшись, Горбоконь показал на сидевшего с ним поджарого, длинноногого туманнинского секретаря комсомольской организации Андрея Мохова:

— С сегодняшнего дня старшим по разведке будет товарищ Мохов. На рассвете пойдете вдвоем. Обследуйте тропу по берегу моря, осмотрите бухты. Вернуться к вечеру! — Горбоконь встал и, подкрутив лампу, вызвал к себе взводного.

Всю ночь на дворе пещерского кулака Худякова горели костры, хлопала калитка, уходили и приходили, сменяя друг друга, дозоры. Приводили оставшихся в поселке стариков и баб. Горбоконь с Моховым вели допросы.

К утру картина прояснилась. Как и предполагалось, виновниками выступления были старовчерские попы: Вахромей Карабанов, Евсей Шабанов и перешедший границу белогвардеец в чине штабс-капитана.

Пять дней, по показаниям пещерцев, кержаки шили обувь, одежду, сушили сухари. На шестой, навьючив восемь лошадей, ушли в сопки.

На вопрос, в каком направлении пошли старовчеры, Каплин не ответил. Даже Савельевна побоялась об этом сказать.

— Тайга большая, куда ушли — не ведаю... А у тебя глаза есть, вот ты и отгадай, следы-то куда ведут! — бойко ответила старушонка Горбоконю.

Только на следующий день к вечеру вернулись Трофим с Моховым и сообщили, что на тропе, ведущей на Кишмишевку и Микулу, видны замытые дождем конские следы.

Останки Ипата в этот день похоронили на бугре, выше моленной. С бугра было видно открытое море и цепи уходящих к Сихотэ-Алину гор...

Два дня подгоняли ичиги, перешивали олочи. Чтобы уберечь ноги от острых шипов чертова дерева, шили наколенники.

На третий день отряд Горбоконя выступил из поселка.

Решили идти путем, выбранным в Туманном. Путь этот был — на Нерпу. Этим они отрезали снабжение восставших с моря и меньше подвергались риску быть разбитыми в первом же лесном бою превосходящими силами противника.

— Я не хочу преуменьшать опасности порученного нам дела, — сказал Горбоконь бойцам. — Враг хорошо вооружен и в тайге — как у себя дома.

...В Нерпе босоногая, с опущенным на лицо темным платком баба, дергая за веревку, звонила к большому сбору. На звон из изб, стоявших около моленной, выскакивали бабы. Мужиков не было. Две недели назад все они были мобилизованы в «повстанческое войско».

Бабы, не добегая до моленной, становились на колени, крестились и, поднимаясь, смиренно входили в «святую обитель».

Высохший, согнутый бременем лет, старец, в камиллавке, в черной мантии, стоял у аналая.

Босоногая баба со скрипом прикрыла двери моленной. Старец обернулся. Бабы истово закрестились двурестием и упали на колени.

Блеснув льдыстыми, глубоко провалившимися глазами, треснувшим голосом старец воскликнул:

— Сестры во Христе! Злобный враг за дверьми! Покаяемся же пока есть время, пока рать бесовская не пришла по наши души! Спасать надобно души! Ангелы, умилаясь, сходят к нам с неба... Нет нам на земле мест! Не дамимся живыми антихристу! Пусть примет нас остановивший дорогу наших отцов море-окиян!

Одна из баб, уставив отрешенный взгляд в пространство, затряслась в сумасшедшем смехе. Стоявшая рядом поглядела на нее и, вскрикнув дурным голосом, на четвереньках поползла к старцу. Всхлипывая, вскрикивая, поползли за ней остальные.

Отец Никодим, размахивая кадиллом, подошел к бабам, которые, лоя концы его мантии, целовали ее, подолгу прижимая к губам...

— Лукерья! — как только за последней бабой закрылась дверь, строго спросил отец Никодим звонившую в колокол бабу. — Камней на берегу припасла?

Лукерья, которая во время сбора стояла неотступно у двери, утвердительно качнула головой.

— С вервием?

Баба вновь кивнула.

Никодим въедливо посмотрел на нее.

— Ох, язва!.. Бесы-то в тебе, бесы-то как ликуют! — старчески прошамкал он и замахнулся на нее лестовкой.

Шаркая ногами в прирубленную к моленной келью, старец вспомнил, что поставленные на перевале дозором две бабы со вчерашнего дня ничего не ели. Размахивая мантией, Никодим догнал за дверью моленной Лукерью и приказал отнести еду дозору...

На последнем увале тайга расступилась поляной. В лицо прилетел влажный, с запахом гари ветер.

Трофим глянул и обмер: клубы черного ды-

ма окутывали стоявшие у берега избы. Трофим растерянно взглянул на Мохова, и вдруг заметил на острой вершине еще столбик дыма.

— Упредили, язва!.. Избы палят! — крикнул он.

Трофим летел вниз по заросшей тропе, царапая лицо о кустарник, и видел перед собой только дымы, — черные, колеблющиеся, они ползли в голубое небо.

Около первой избы он сунулся было в калитку, но лицо опалило жаром. Огонь вылетал из окон и корежил тесовую крышу. Вокруг звонко кудахтали куры.

Трофим стоял как вкопанный, думая только о людях.

«Где? Где они?! — оглядываясь вокруг, вопрошал он и, бросив взгляд на море, увидел плотную кучку баб с ребятишками на плечах. Впереди их был старец, который двигался, высоко поднимая крест, блестящий на солнце. Вода уже покрывала им плечи.

Не помня себя, Трофим с размаху влетел в воду. Почувствовал ее горько-соленый вкус и устремился вперед, прокладывая дорогу через густые водоросли.

С бугра уже скатывался Мартемьян, чуть сзади, размахивая маузером, бежал Мохов.

Трофим, перебирая ногами по заросшему травой дну, приближался к цели и был уже недалеко от нерпинцев. Он уже слышал обрывки гнусавого песнопения старца, подтягивавшие голоса баб и истощный плач детей.

И вдруг голова старца ушла, провалилась под воду. Несколько томительных мгновений — и медленно вздымавшийся длинный, пологий вал, накрыл головы баб.

С отчаянно бьющимся сердцем Трофим смотрел на пустынные и бегущие зеленоватые волны, на берег, где, разбиваясь о песчаную кофу, глухо шумел прибой. Вдали проблескивали извивы речки, покрытой ольховником. Дальше в мареве синели сопки.

Трофим снова перевел взгляд на море. Оно по-прежнему манило голубишной, сине-зеленые бугры замедленно вспухали на мелководье, и над ними, как клочки белой ваты, пискливо носились чайки.

Все существо Трофима восстало, не хотело мириться. Ему казалось, что все это было каким-то миражем, каким-то наваждением. Его трясло, как в лихорадке. Он снова поднял голову и, наконец, осознав все, истошно закричал: — Рушить ее, рушить проклятую веру! — Добрел до Мохова и зарыдал горькими мужичьими слезами.

Только на третий день море выбросило одну из баб с привязанным к ноге камнем. Еще через два, бродя с Моховым по пустынному, грохочущему прибоем берегу, Трофим заметил что-то мерно поднимавшееся из воды. Торопливо подошел к этому месту и увидел разбухшее тело белоголового нерпинского мальчонки.

Отряд Горбоконя, бросив лошадей в Нерпе и перевалив Сихотэ-Алинь, пришел в Кишмишевку.

С черным, как уголь, лицом, безучастный ко всему, Трофим третий день, не говоря ни единого слова, лежал в маленькой штабной палатке.

Страшная, никак не укладывавшаяся в голове мысль, что Насти нет в живых, свалила его.

Горбоконь приказал не пускать к нему никого, а Мохову с Мартемьяном,— поочередно дежурить.

К вечеру Трофим поднялся и, сопровождаемый Мартемьяном, побрел к реке, где по дороге к ней было кишмишевское кладбище. Там, возвышаясь над двумя старыми могилами, темнели два новых бугра с деревянными крестами. Настя и Трифон Куксов похоронены были рядом.

Под ногами шуршали травы. Где-то на болоте гулко ухала выль. Ночь была темная, мягкая, как черный бархат.

Под утро прибрел Трофим к отрядным котрам и, присев к одному из них, не спуская глаз с нагоревших головешек. Люди ходили около него на цыпочках, говорили шепотом. Только когда стали проступать купы кустов, Трофим понял, что наступило утро. Какое по счету — он не помнил, он только видел, что оно было в голубых клочках неба, в сверкающих блестях теңет пауков, с каплями жемчужной росы на листьях деревьев. Встав и болезненно поморщившись, он сжал руками голову и, тряхнув ею, снова опустился. Впервые за три дня переболелся и, сутулясь, пошел в палатку Горбоконя.

О чем они говорили, никто не знал. Вскоре Трофим направился по тропе к своей избе.

В просветах деревьев он видел синевшие по ту сторону Имана знакомые очертания гор. Горбатую сопку, похожую на спину чудовища, пугавшую его по ночам в детстве. В глазах, близкие до боли, вставали незабываемые прошлогодние встречи с Настей. Все это было как будто вчера. Казалось, стоит ему только свернуть на силинскую тропу, и Настя встретит его смущенной улыбкой.

На дворе дома было запустение. Покосившаяся дверь сарая, видимо, не закрывалась с ранней весны. Чертополох — в человека высотой — подступал к избе со всех сторон.

С каким-то безразличием в душе Трофим шагнул на крыльцо и открыл дверь. В ноздри ударил знакомый дух кислой кожи и ладана. На столе — глиняная чаша с тюрей, однобокая деревянная ложка.

Трофим вошел в каморку и увидел мать. Она лежала на старом топчане, укрытая тряпьем.

Устинья, увидев бритого сына, хотела было подняться, но издав стон, осталась на месте. Из глаз ее по морщинистым, страшно запавшим щекам покатались две слезы. Гримаса боли искажала ее лицо, но, взяв себя в руки, Устинья показала трясущейся рукой на край топчана, приглашая сына сесть. Слабым, дрожащим голосом сказала:

— Ельки-то нет. Под весну уж зарезала. Кормить нечем было.

Трофим стоял молча.

— Занедужила вот совсем... Одушее. Спасибо, хоть Марья-то проведывает,— заговорила снова Козина.— Домой-то когда?

— Домой, маманя, не ждите,— собравшись с мыслями, жестко сказал Трофим.— Не прощу я вам с Марьей погубленную Настю! Это вы, маманя, с вашей Марьей, с вашей верой проклятой, вы свели в могилу Настю!

Лицо Устиньи еще более посерело. Открестилась от сына, прошептала иссохшими губами:

— Изыди от меня... Изыди,— и задержалась в припадке бессильного гнева.

Трофим круто повернулся и вышел на улицу.

Через неделю, в зеленовато-прозрачный таежный вечер, в Микуле встретились два отряда. Горбоконь пожал руку худощавому комроты пограничников Сараеву.

Накануне в ночном бою пограничники, прижав староверов к берегу Бикина, разгромили «повстанческое войско».

На обрывистом берегу двадцать два старовера сложили оружие. Среди них был и микулинский старец Абросим. Большая половина, во главе с Мартыновым, преодолев Бикин впасть, ушла в горы.

Вся земля вокруг изб, огороды — все было в гранатных воронках. Большие балаганы из корья, где размещались восставшие, сквозили пробоинами. Микулинские бабы и ребятишки прятались где-то в сопках.

Трофим бросился к дому начетчика, где под охраной во дворе находились пленные, но ни Евсея, ни Софрона там не оказалось. Не было их и в числе убитых и тяжело раненых.

Вечером в братской могиле хоронили павших. Трое погибли в бою, двое умерли днем от ран.

Поздно ночью решено было, усилив отряд Горбоконя двумя отделениями из роты Сараева, преследовать Мартынова, не дать ему выйти к морю или уйти за кордон.

Сразу же начались сборы. При свете керосиновых ламп набирали в котомки галеты, чинили одежду, обувь. В кержацких избах стоял многоголосый говор. Табачный дым от крепкой махорки-полукрупки ходил под потолком волнами.

Тигрица спускалась из темных пихтачей в падь. Вдруг стегнувший звук треснувшего дерева прижал ее к земле.

Тигрица ощерилась и зашипела. Тигрята заятались в зарослях. Ржаво-полосатые тела их слились с чащей и осыпью. Ничто не выдавало их. Как будто и не было тут мгновение назад длинных гибких теней, мягко повторявших каждое движение матери.

Медленно поворачивая лобастую, с короткими полукруглыми ушами голову, тигрица напругала слух, и длинный, извивающийся хвост ее дернулся из стороны в сторону.

Наконец она поднялась и поползла на возвышающийся над падью носок. Поползший было за ней один из тигрят опять припал к земле, остановленный ее коротким рычаньем.

С носка была видна противоположная — солнечная — сторона пади.

И вдруг там, внизу, на залитую солнцем речную косу выскочил человек! Сразу за ним показался другой и, не останавливаясь, оба бросились в игравшую бликами воду...

Еще через минуту — выстрелы стали рвать тишину.

Из леса появились еще люди. Над ними — дымки, грохот, который невыносимо колотил в уши и разносился по падям...

Тигрица рыкнула и короткими прыжками долетела до тигрят. Протяжным шипением подняв их из травы, она быстро повела свой выводок подальше от страшного места, за перевал...

— Здесь они, товарищ командир! Здесь! — восклицал Мохов.

Он стоял с Трофимом и с десятком бойцов,

ходивших к перевалу и еще не остывших от погони.

— Мохову с Трофимом остаться! Остальным быть свободными! — приказал Горбоконь. — А теперь, Мохов, докладывайте, где встретили их и сколько?

Мохов покосился на Трофима.

— Пусть он докладывает. У него карта есть.

— Какая карта?

Трофим достал свернутую бересту, на которой когда-то Аянка чертил ему план солонца.

— Тут мы их встретили, — уткнул пальцем в бересту. — Когда-то гольд мне эту штуку рисовал. По памяти, а точно.

Горбоконь сверил план на бересте со своей истрепанной и подивился памяти безвестного для него гольда, глазомеру его. Да что говорить, — на карте и не значилось ключа, который был на бересте, того ключа, где засекли Мохов с Трофимом недобитых повстанцев.

Под перевалом произошла, наконец, долгожданная встреча. Мокрый, заросший бородой Зинченко сбросил с плеч увесистую котомку и, ощерясь улыбкой, первым пожал руку такому же заросшему, в короткой, мокрой шинели Горбоконю. Потянулись руки Мартемьяна, комсомольца Лешки и еще десятка бойцов, ходивших за продовольствием.

Зинченко расстегнул крючки своей шинели и протянул Горбоконю пакет.

— Из волкома! — сказал он и, пошарив в кармане, улыбаясь, подал Горбоконю четверо сложенный листок из тетради. — От учительки, — добавил он.

Горбоконь бегло взглянул и узнал почерк Наташи. Неловко засунул записку в карман и быстро распечатал пакет.

Из волкома сообщали, что сформированными отрядами блокированы Пещерское, Нерпа и все подозрительные бухты, расположенные на севере. Установлено, что руководит восстанием белогвардеец Мартынов и его следует, используя все возможности, взять живым.

Отойдя немного в сторону, Горбоконь развернул записку Наташи.

Она написала всего несколько слов — ждет его в Пещерском.

...Один за другим два взрыва грохочуще ударились о скалы и потрясли сопку. Стая стрижей рванулась в голубизну. Сверху, из пролома, выстрочил короткую очередь пулемет. Засевшие в пещере кержаки били расчетливо, замечая каждое движение в чаще. Отряд Горбоконя с рассвета потерял уже пять человек. Из них два были убиты. Убит был и взводный Зинченко, на смерть сраженный пулей в голову. Люди лежали за камнями, за деревьями и стреляли по входу в пещеру и по тающим наверху дымкам. Мохов с Лешкой лежали за пулеметом. Горбоконь укрылся за валуном, против входа в пещеру, в середине сжимающего сопку полукольца, и держал около себя Трофима связным.

Пули щелчками били по камням и, ноя в рикошет, срубали листья с деревьев.

Только единственную возможность имел Горбоконь в этом бою, и он старался ее использовать до наступления темноты.

В десятке шагов от входа в пещеру, свалив-

шись с высоты, лежал огромный, треснувший в нескольких местах камень. Надо было во что бы то ни стало подползти к нему и, прикрываясь им, забросать гранатами вход в пещеру.

Кержаки, тоже понимавшие всю выгодность позиции за камнем, простреливали подходы к нему.

...Софрон, уткнув бороду в землю, лежал за наспех наваленной в пещере грудой камней. Рядом стрелял обезумевший от страха Евсей. Начетчик Карабанов с Худяковым и с десятком микулинских кержаков, передергивая затворы, экономя патроны, гулко грохали в синий просвет.

Пули осаждавших щелкали где-то позади, в стену, и осколки камней били по ногам. С какой-то отрешенностью Софрон досылал новый патрон и, завидев смутное движение в неясном переплете ветвей, нажимал спуск. В глазах его, не исчезая ни на миг, стояли Кишмишевка, Марья и Настя. О Степаниде он почему-то не думал. И еще казалось ему, что вот жил он вроде бы уважаемым человеком, а теперь, как зверь, обложенный в берлоге, вынужден стрелять в своих же мужиков. А зачем? Неужто тот же паскуда Евсей дороже ему, чем Трофим? Ох, нет! Ох, и неладно же кончается жизнь... Всн штабс-капитан, ему-то терять нечего. Бешеный волк! И как же случилось так, что попал Софрон в эту волчью стаю! За веру пошел?.. На этот вопрос Софрон уже не в силах был ответить.

А Мартынова сжигала ярость на всех: на посты, проспавшие врага, на Намуру, который в эту минуту, может быть, блаженствовал за столиком ресторана, на самого себя, доверившегося этому сброду.

«Прорыв! Только прорыв! Любой ценой вырваться из этой мышеловки, из этой поганой пещеры!» — лихорадочно думал он и, все еще веря в свою счастливую звезду, приказывая взять себя в руки, нажимал гашетку пулемета. Для подготовки прорыва пулемет уже был перенесен из верхней пещеры вниз.

Раз за разом грохнули, поднимая землю и обрывки кустов, брошенные осажденными три гранаты.

Трофим поднял голову и увидел, как из пещеры с перекошенными от криков лицами выскакивало бородатое мужичье. Он выстрелил и заметил, как тот, кого он поймал на мушку, споткнулся и как-то боком свалился в папоротник. Бешено передернув затвор, он поймал в прорезь плотного, рыжего.

— Чак, — как при осечке щелкнула винтовка, и, поняв, что магазин пуст, Трофим беспомощно оглянулся в ту сторону, где лежали Мохов и Лешка. Но пулемет молчал. Он хотел было метнуться к ним, но вместо этого, выхватив из кармана обойму, утопил в магазине.

И в эту минуту, огромный, рыжий, с развевающейся бородой, налетел на него и занес над головой винтовку. Трофим отклонился и в долю секунды нажал спуск. Лицо рыжего страдальчески исказилось, винтовка выпала из рук, и он, схватившись за грудь, упал рядом, на заросшую мелким папоротником землю.

— Софрон! — вскрикнул Трофим, узнав рыжебородого, и в тот же миг увидел Евсея. Начетчик, пригнувшись, скрывался в чаще. Что-то больно зазвенело в Трофиме, ударило в голову и, передернув затвор винтовки, он бросился за Евсеем.

Вблизи от входа в пещеру, в редком орешнике, Горбоконь боролся с Мартыновым. Он молча выкручивал из его рук маузер. К Горбоконю на помощь уже бежал, держась за окровавленную голову, Мохов. Остальные, оцепив кольцом оставшихся в живых, держали их под прицелом.

Наконец, в оцепление ввели обезоруженного Мартынова. Он озирался. Седая щетина щек тряслась от страха и злобы.

— Отвести задержанных от пещеры! — прерывисто дыша, крикнул Горбоконь.

Кольцо разомкнулось, и под дулами винтовок пленные, с поднятыми вверх руками, молча пошли на середину поляны.

Мартынов нашел, наконец, то, о чем лихорадочно думал. Безошибочно определив, что перед ним тот, кто ему нужен, он повернулся, молниеносным движением вырвал винтовку из рук опешившего бойца. Не целясь, нажал спуск.

Во влажном таежном воздухе приглушенно хлопнул выстрел. Горбоконь обеими руками схватился за грудь, покачнувшись, но не упал.

Мартынова, сбитого наземь, били ногами, Махов уже занес над его головой маузер...

— Мохов! Товарищи! — весь мертвенно-бледный, вскрикнул Горбоконь. — Отставить! Приказываю! Отставить!

Горбоконя, терявшего силы, подхватили под руки и бережно понесли к пещере...

Мари... Мари... Редкие лиственницы, гниющий буреломник на торфянике, топи с ярко-желтыми цветами купавки, бездонные «окна».

След темнел примятым багульником и вывел в кочарник. Трофим положил винтовку на кочку, опустился на колени и жадно стал глотать воду. Теплая, она не утоляла жажды.

За островом мелких лиственниц вдруг резко заверещала сойка. Трофим прислушался. Издали доносилось хлюпанье. Охваченный неистребимым желанием догнать и схватить Евсея, он снова бросился по болоту.

В двух шагах поднялся фонтанчик воды.

— Пах! — принесло выстрел.

— Не уйдешь! — крикнул Трофим и упал за ближайшую кочку.

Шагах в полуста шевелилась осока. Трофим положил винтовку на кочку.

— Чик-пок! Чик-пок! — глухо щелкая о воду, ударили рядом две пули. Трофим погрузился в воду, оставив на поверхности лишь голову.

Осока зашелестела снова. Послышались хлюпающие звуки, и Трофим выстрелил по шуму. Евсей уходил. Трофим грохнул еще раз, вскочил и, путаясь в болотной траве, побежал.

Не хватало дыхания, но он бежал, зная, что каждый шаг, каждый прыжок приближают его к долгожданной минуте, которую так требовало все его существо.

— Трофим! Побойся бога! — слабо донесло из камышей голос Евсея.

Впереди, на кочке, Трофим увидел винчестер.

«Стрелять нечем. Бросил, язва», — и что было сил Трофим снова начал вытаскивать из забубуны ноги...

Осока зашелестела рядом. Трофим рванулся и, выскочив на просвет, остановился как вкопанный.

Перед ним стоял Ивашка! Кулаки юрдового были сжаты, а взгляд глубоко запрятанных глаз зорко следил за каждым его движением.

Трофим, думая только о Евсее, медленно

поднял винтовку. Грохнул выстрел. Ивашка дернулся и, заревев по-звериному, рухнул в воду...

Еще бился юродивый, а Трофим уже лихорадочно искал след Евсея. Впереди его не оказалось. Он повернул обратно и по охотничьи, обрезая кругом, заметался среди редкой осоки...

Темнело. Трофим крутился на мари. Невдалеке высился крутой лесистый носок.

Трофим остановился, скрипнул зубами.

— Ну погоди, язва! Все одно собачью смерть примешь! — крикнул он, повернувшись к лесу и потрясая винтовкой.

С темневших за марью громад принесло вой. Жалобно-протяжный, он пронзил сумерки и остро отдался в сердце Трофима.

«Волки...» — растерянно подумал он. Постоял, прислушиваясь к оглушающему звону лягушек, и, хлюпая болотной жижей, побрел в сторону сопки, где недавно еще гремела пальба.

— Ли-у!.. ли-у!.. ли-у — не прерываясь ни на миг, где-то в склоне кричала совка. Горбонь вторил ей тихими, чуть слышными стонами.

Перед глазами проходило детство. Город между заливом и голубой, глубоко вдававшейся бухтой; черные утюги пароходов; ультрамариновое небо над ними; темно-зеленые, в лиственных лесах сопки...

Ему так захотелось продлить эти тянувшиеся чередой видения, наяву ощутить каменную твердость причалов, в последний раз почувствовать ласкающую бархатистость горькосолоной воды залива!

И снова видения одно за одним, не прерываясь, замелькали перед ним. Он видел старушку-мать; дорогие памяти лица ушедших по ту сторону жизни людей, с которыми делил радость и горечь поражений. И вдруг глаза Наташи, глубокие, темные, заслонив все, на миг притупили боль.

«Поздно... Я знаю... Я видел это, — подумал он о своей смертельной ране. — Поздно, Наташенька».

...Солнце взошло, и небо раскрылось сияющее, льдистое. Шелестели дубняки, раскачивая ветви. Тихий шелест их навевал грусть.

Трофим оглядел поляну, мужиков с заплетенными торбами, взглянул на Мартемьяна. Ему не верилось, что не было уже веселого, белесого Лешки, рассудительного, с острым словцом Зинченко, что никогда больше он не увидит дорогого лица Горбоконя, с серыми и, как всегда ему казалось, чуть уставшими глазами.

О Софроне Трофим думал как-то отчужденно. Ему было жаль и не жаль Софрона. Жаль ему было того Софрона, с которым он бродил по хребтам, с которым делил горести таежной жизни. Того же Софрона, который занес над ним винтовку, он понять не мог.

— Отряд! — с хрипотцой крикнул Мохов. — По склону оврага вперед!

В середине цепочки на носилках понесли Горбоконя.

Прошло с неделю. Снова моросило. Ночи стояли безлунные, темные.

В одну из ночей около шабановской избы зашелестели кусты, и чья-то тень метнулась к забору.

— Цыц, язва! — прикрикнул Евсей на взвывшего кобеля, и тот, сразу узнав его, забил по крыльцу хвостом. Евсей, согнув палец, постучал в ставню.

— Дрыхнет, язва... Батогом подымать надо, — раздраженно заворчал он и забарабанил что было сил.

— Открой, Глафирия! — крикнул Шабанов.

Дверь открылась, и Евсей, торопливо войдя в избу, вздул в передней лампу.

Не обращая внимания на Глашку, сорвал висевший на колке ключ от молельной и чуть не бегом бросился на улицу. Голова его была занята только деньгами.

В молельной, подняв заветную половицу, он скрылся в глубоком подвале.

Пробравшаяся за ним как тень Глашка долго стояла в темноте над желтым четырехугольным отверстием.

Наконец, рука Евсея с лампой, а за ней и голова показались над полом.

Глашка замахнулась.

— А-а! — вскрикнул Шабанов и, выпустив лампу, собирая остатки сил, стал выкарабкиваться наверх.

В расширенных глазах Глашки не было страха. Она подняла острое железо и снова опустила его на голову Евсея.

Устремив дикий взгляд на расprostертое тело, на желтый огонь, который, расплзаясь, уже лизал ноги отца, Глашка на минуту замерла. И вдруг, стукнув себя по лбу, хихикнула.

Непрерывно хихикая, она вышла во двор и хлопнула калиткой, не обращая внимания на языки пламени, вылетающие из молельной. Шла, не выбирая дороги, в тайгу, в уссурийскую ночь.

Минуло десять лет. Как тысячелетия в прошлом, вздымал в прозрачной дымке хаос гор Сихотэ-Алинь. Как прежде, океан то ласкался у его ног, то, разъяренный, взлохмаченный, с седыми гребнями волн, обрушивался на вздраги-

вающую землю. Над бугристой его поверхностью пискливо носились чайки и, касаясь крыльями волн, взмывали к черным, низко летящим тучам. Тайфуны, зарождаясь где-то далеко на юге, проносились один за другим..

В тот день на побережье стоял штиль. Воспользовавшись этим, небольшое пассажирское судно с красной полоской на трубе, осторожно приближалось к берегу, соразмеряя свой ход с показаниями лота. Наконец, оно остановилось и отдало якорь. С него тотчас спустили шлюпку, и рулевой на корме стал пригибаться в такт опускаемым в воду веслам.

Шлюпка, скользнув в проливе и одолев во доворот, вырвалась на зеркальную гладь лагуны. Еще немного — и нос ее врезался в песок.

Моряк в форменной фуражке выпрыгнул первым и подал руку женщине. Стоявший сзади нее высокий, без головного убора мужчина, держал на руках девочку лет шести и шутиливо сказал что-то по поводу высадки.

Шлюпка развернулась, стала удаляться. Оставшиеся на берегу помахали ей. Девчонка побегала по берегу за порхавшими махаонами — сине-желтыми бабочками. А взрослые двинулись неспеша, бросая взгляды на вздымавшийся из воды скалистый мыс.

Через час те же мужчина и женщина, сопровождаемые плотным, с седеющей головой человеком, медленно шли в гору.

Выбравшись наверх, они замедлили шаги на поляне, приблизились к пирамидальным столбикам с красными железными звездочками.

Около первой могилы Ипата Медведева, опустив головы, они долго стояли молча. Затем, как бы стоворившись, все разом двинулись к могиле Горбоконя.

— Папочка! Папочка! Нарви мне цветов! — попросила девчужка, увидев разноцветный ковер на могиле.

Мать ласково опустила руку на голову дочки.

— Не надо, Настенька! Не надо...

— Обижено, — только и сказал высокий, отец девочки.

Мартемьян мотнул головой.

— Мы, Трофим Кондратыч, чтим, не забываем.

Трофим взглянул на море, вздымавшееся на горизонте голубым куполом, и перевел взгляд на сопки, туда, где синел водораздел. За ним, невидимая, лежала Кишмишевка..

— Вот и повстречались мы со старыми друзьями, Наташа, — сказал Трофим.

Спустя еще час, уприсив Мартемьяна не провожать их, Трофим с Наташей вновь шли по берегу бухты, к месту, куда должна была подойти доставившая их шлюпка.

Они шли молча, не слыша криков, не видя кружившихся над рябившей поверхностью лагуны чаек. С пискливым клетотом те падали вниз и, выхватив из воды сверкающую серебром рыбину, вновь уносились ввысь.

В посвежевшем воздухе пахло йодом и выброшенными водой водорослями. Океан лениво нагонял на берег снежно-белую бахрому, по которой, смеясь, размахивая ручонками, бежала русоволосая, босоногая Настенька.

В краю деда Мазая

Следопыты школы № 26 города Костромы уже несколько лет совершают походы по некрасовским местам. Ведь в Костромской области жили друзья поэта — Гавриила Яковлевича Захарова, которому посвящена поэма «Коробейники», и дед Мазай — герой известного стихотворения «Дедушка Мазай и зайцы».

Под Костромой, в Заречье — стороне озер, лесов и болот — когда-то была деревенька Малые Вежи, рядом с ней — село Спас, которое потом стало называться Спас-Вежи. Тут и жил дед Мазай.

Когда ребята только начинали свой поиск, они побывали в доме Мазая, познакомились с его внуком Сергеем Васильевичем Мазайкиным, сфотографировали его.

Сейчас село Спас-Вежи не су-

ществует. Там, где жил дед Мазай, теперь разлилось Костромское море, но из поколения в поколение передаются рассказы о некрасовских временах. В прошлом году следопыты от старожилы П. И. Борисова записали историю села Спас-Вежи. Потом побывали они в деревне Некрасова (бывшее Святое), где, по рассказам старожилых, поэт часто отдыхал после охоты.

В глухих костромских болотах затерялась деревенька Шода, связанная с именем Гавриила Яковлевича Захарова.

За рекой Шодой и сейчас проходит старый тракт на Кострому, описанный в «Коробейниках».

Ребята решили проследить, какие еще герои Некрасова ходили по Костромской земле. Вот Ермила Гирия имел сиротскую мельницу на Унже. Савелий, богатырь сятворусский, был сослан в острог Буй-город. Бывшее село Большие Соли описано в стихотворении «Горе старого Наума».

Вблизи Бабайский монастырь, Село Большие Соли, Недалеко и Кострома.

Певцом своей родной Костромской земли считают следопыты великого поэта. Материалы, собранные о нем, находятся в школьном музее.

Л. ПЕТРОВА

Семьдесят пять имен

Много лет оставалась безымянной братская могила советских воинов в деревне Сухари Могилевской области. Следопыты местной школы решили восстановить имена погибших. И вот первое имя — Герой Советского Союза Юрий Двужильный. Ребята написали школьникам Донецка, откуда родом Ю. Двужильный, и летом украинские следопыты привезли в Сухари землю, которую взяли около дерева, посаженного Юрием еще в 1932

году в Донецком парке. Этот мешочек с землей стал одним из первых экспонатов школьного музея боевой славы.

Сотни писем рассылали следопыты в военкоматы, архивы, музеи, ветеранам. Терпеливо, шаг за шагом, изучали историю событий, разыскивая одно за другим имена бойцов, сражавшихся в районе деревни Сухари. Иногда проходил целый год, прежде чем удавалось уточнить фамилию воина, обстоятельства его гибели. Но ребята были настойчивы и терпеливы. Десятки родственников получили от сухаревских школьников письма с указанием места, где захоронен близкий им человек. В ответ приходили такие:

«Милые мои детки! Дорогие мои внучата! Если б вы только знали, как растрогали мое старое сердце. Все эти годы я томилась в поисках места, где оборвалась жизнь моего Коленьки. Я приеду посмотреть, где и как сложил свою голову мой любимый, мой ненаглядный, мой единственный Колечка. Растите добрыми, сильными. Ваша бабушка Кодерова Елена Васильевна».

Семьдесят пять фамилий воинов из ста десяти следопыты уже установили. И на средства, вырученные за собранный металлолом, ребята заказали мраморные плиты с именами героев и установили их на братской могиле.

Однажды из Мордовии пришло письмо от матери одного из погибших солдат, в котором она, рассказывая о своей жизни, обмолвилась о прохудившейся крыше ее хаты. Школьники тут же сообщили об этом председателю райисполкома. И вскоре старушка прислала новое письмо:

«Ой, какая же я нехорошая. Написала вам, что люди меня забыли. Неправду написала. Не забыли, и домик отремонтировали, и крышу новую из шифера поставили. Сам председатель райисполкома приезжал и спрашивал, не нужно ли чего. А чего мне нужно...»

Сухаревской школе присвоено имя Юрия Двужильного. Она награждена дипломом Центрального штаба Всесоюзного похода по местам боевой славы.

У установленного следопытами обелиска ежегодно проходит торжественный сбор, на котором присутствуют все жители села, приезжают бывшие фронтовики, родственники погибших. И звучит звонкий мальчишеский голос.

— Клянемся вам, Юрий Двужильный, Михаил Терещенко, Александр Высовень, Николай Кодеров, Михаил Зубонь... быть достойными вас. Клянемся!

Л. ГУРВИЧ

Клуб «Куница»

В Удорском районе Коми АССР, в селе Важгорт, уже десять лет работает следопытский клуб «Куница». Члены его обошли весь район, проплыли 200 километров по Вашке и 200 по Мезени, собрали массу интересных экспонатов и

открыли в своей школе народный краеведческий музей.

Большое место в нем занимают экспонаты по истории края. Во время походов ребята заметили, что каждое село отличается стилем и расположением строений. Так, в Важгорте — дома двухэтажные и стоят рядом, а в некоторых других — одноэтажные, разбросанные по местности без всякой планировки. Почему так? Наверно, связано с обычаями первых поселенцев, прибывших сюда из разных мест? Так возникла новая тема. И оказалось, что переселение в эти места шло в XI—XIII веках через Северную Двину и Пинегу. Шло оно из северных русских губерний. До сих пор сохранились одинаковые названия населенных пунктов. К примеру, в 15 километрах от Важгорта находится деревня Тойма, и в Архангельской области есть деревни Нижняя Тойма и Верхняя Тойма.

Жительница Пучкомы Мария

Ивановна Палева рассказала членам клуба «Куница» много любопытного из истории Тоймы. Первые жители появились здесь в XVIII веке. В начале девятнадцатого деревня насчитывала 12 дворов Матевых и 38 Палевых.

В 1840 году в Тойму привезли клубни картофеля, посадили их, но урожай не сняли: ждали все, когда картошка появится на кустах. В 1855-м в деревне появились первые спички, в 1875-м — первая поперечная пила, железный плуг, часы...

Большое место в народном краеведческом музее занимают материалы, рассказывающие о земляках, отдавших жизнь за Родину в годы Великой Отечественной войны.

На здании школы члены клуба «Куница» установили мемориальную доску с именами учителей и учащихся, погибших в борьбе с фашизмом.

Е. КОСТИНА

Я знаю, о чем думает человек, изображенный на этой фотографии. О том, что судьба дерева чем-то похожа на человеческую. Так же долго встает оно на ноги, пока не окрепнет, не заявит о себе в противоборстве со всеми ветрами. Только вот нянек у него меньше, чем у человека. Больше врагов.

Александра Ивановича я снял, как говорится, врасплох — небритого, не при параде. Встретил его в молодом сосняке возле давно заброшенной шахты. Как выяснилось, неподалеку от посадок — его покос. А сюда он завернул «навестить робятишек».

Я не сразу понял, тогда он махнул рукой в сторону сосенок, ровными густыми рядами вставших вдоль поля: — Мы с женой сажали!

«Робятишкам» уже по двадцать с лишним лет, но до настоящего леса им еще далеко. Медленно, очень медленно растет дерево!

— Вот пишете вы о строителях заводов, городов... Следопыты выискивают, кто первый колышек в землю вбил. А почто никогда не напишут о тех, кто лес посадил и вырастил? Думаешь, просто это?

Да за это время не один город выстроить можно!

В словах старого лесника звучит не только обида за людей его профессии, но и забота о будущем земли. Все меньше становится лесов. Видим мы это, сокрушаемся... Но о людях, противодействующих неумолимому процессу не словами, а лопатой, частенько забываем.

Один из них — Александр Иванович Седов, посвятивший лесу добрую половину своей трудовой жизни. Сейчас

он уже на пенсии, молоток с клеймом сдал преемнику, назначенному Верхне-Пышминским лесничеством, что под Свердловском. Но иначе, как лесником, его никто здесь и не зовет. Со всеми жалобами на разгулявшихся «туристов» бегут к нему. Да и само лесничество каждый год отзывает Седова с рыбалки. Говорят, что с его легкой руки саженцы лучше принимаются и растут чуть ли не быстрее.

И. ТАРАБУКИН

АЛБАЗИН АМУРСКИЙ И АЛБАЗИН УРАЛЬСКИЙ

Исследователи и журналисты уже привыкли к тому, что музей древнерусских рукописей при Пушкинском доме (Институт русской литературы АН СССР) изумляет их неожиданными интересными находками древних документов, книг и рукописей.

Как говорят архивисты: «хороший материал всегда идет в хорошие руки». Вот и в этот раз востоковед Юрий Ефимович Борщевский передал в музей редкий автограф прославленного героя обороны амурской крепости Албазин в восьмидесятых годах XVII века — Алексея Ларионовича Толбузина.

В сентябре 1686 года во время одной из смелых вылазок Толбузин был тяжело ранен: ему ядром оторвало ногу. Через четыре дня он умер от сильной потери крови и общего сепсиса.

Слава о его подвиге распространилась по всей Руси и даже перешагнула рубежи страны. Неоднократно упоминал об Алексее Толбузине знаменитый голландский географ Николай Витсен в трижды издававшейся книге «О северной и восточной Татарии» (Амстердам, 1692, 1705, 1785).

И вот теперь в руках историков документ, собственноручно написанный героем Албазина еще в 1681 году, почти триста лет тому назад. Для уральских следопытов особенно интересно то, что документ имеет прямое отношение к Уралу! Дело в том, что Толбузин, коренной уралец, до своего отъезда на восток служил «приказным человеком»

в Киргинской слободе на реке Нице, в семи верстах от Ирбита. Там-то и был написан найденный документ.

В нем Толбузин в ответ на запрос ирбитского «начального человека» В. И. Протопопова сообщал об обстоятельствах смерти ирбитского крестьянина Григория Мордянова.

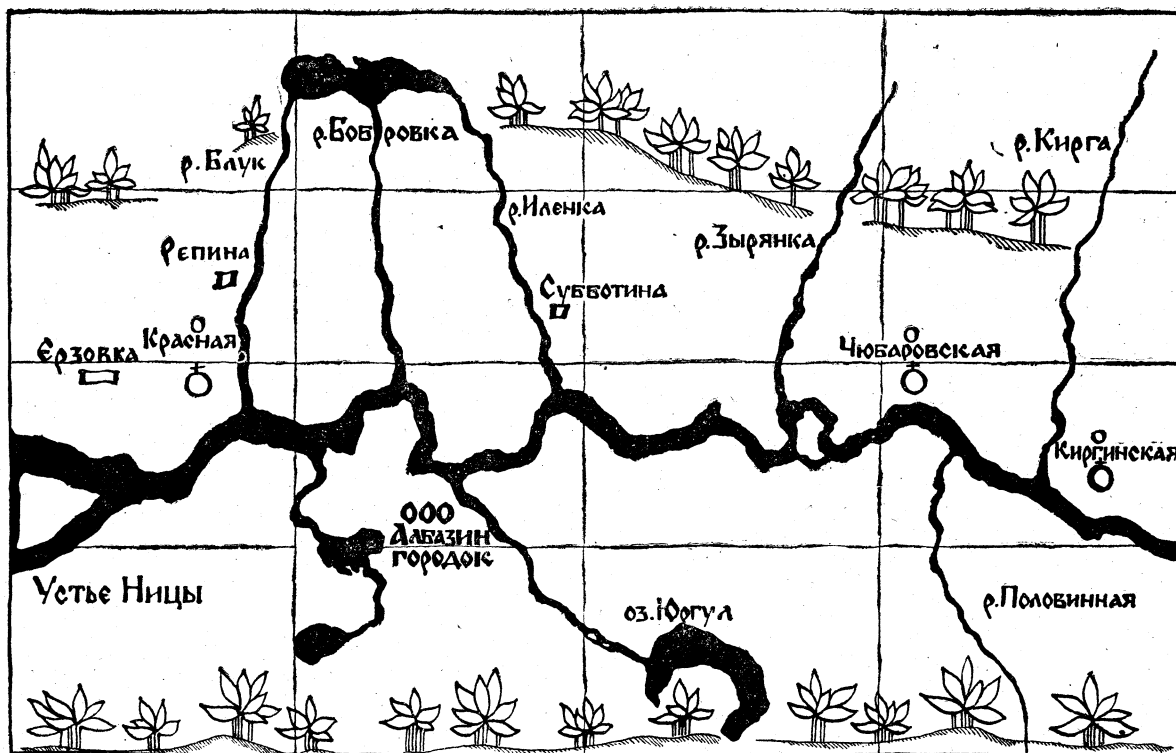
По содержанию документ не

так уж важен, но он ценен для нас как автограф, ибо до нас дошло не много документов, написанных Толбузиным.

Но как уральский приказный оказался на Амуре?

В назначении Алексея Толбузина особую роль сыграло то, что его отец Ларион Толбузин еще в 60-х годах управлял Нерчинском. В знамени-

Копия письма Алексея Толбузина
к начальному человеку
В. И. Протопопову
в Ирбитском приказе
от 1681 года
о смерти крестьянина
Григория Мордянова
в Киргинской слободе
на реке Нице
в семи верстах от Ирбита

той росписи чертежа Сибири 1667 года при упоминании Нерчинского острога указывалось: «А в том остроге ныне живет с служилыми людьми тобольский сын боярской Ларрион Толбузин». Тогда же вместе с ним в Нерчинске жил и его сын Алексей, а потому в Москве считали Алексея Толбузина знатоком Забайкалья и верхней части Амура. Интересно отметить, что Ларрион Толбузин тоже ушел «в Дары» (Приамурье) с Урала и после окончания службы в Нерчинске вернулся на Урал, где и прожил свои последние годы в Киргинской слободе.

При попытке уточнить местоположение Киргинской слободы по географическим чертежам XVIII века неожиданно выяснилось, что в конце этого века сравнительно недалеко от Киргинской слободы

существовало место, которое называлось городком... Албазинном. На чертеже реки Ницы, составленном знаменитым сибирским картографом Семенов Ремезовым в 1697 году, этот «Албазин городок» показан на левом берегу Ницы, примерно на полпути от Чубаровской слободы к устью Ницы, у речки, вытекавшей из озера Югул (см. схему). Вероятно, это название было дано в честь легендарного амурского Албазина и как-то связано с деятельностью Алексея Толбузина.

Интересно отметить, что в уральской Киргинской слободе до Алексея Толбузина в качестве «приказного» («начального человека») служил еще один герой Дальнего Востока — Василий Данилович Поярков, руководитель первого русского похода по Амуру.

По переписным книгам видно, что он в Киргинской слободе владел значительным хозяйством. Есть основания предполагать, что именно здесь он и умер.

Все это побуждает нас обратиться к уральским следопытам, особенно живущим на реке Нице, с просьбой выяснить:

Знают ли жители современной Кирги, что в прошлом их селение было довольно крупной слободой и что в ней жили герои Приамурья — отец и сын Толбузины и первопроходец Василий Поярков?

Не сохранилось ли на Нице, хотя бы в памяти народной, название «Албазин городок» и что об этом названии рассказывают местные жители?

Б. П. ПОЛЕВОЙ

МОЙ ДРУГ- ФАН- ТАС- ТИКА

СЕМЬЮ ВЕКАМИ РАНЬШЕ

В 2660 году Ральф 124С41+, герой одноименного романа, выпущенного в 1911 году родоначальником американских фантастов Хьюго Гернсбеком, изобрел прибор, который записывал человеческий голос в виде графика, похожего на запись сейсмографа: тоненькие параллельные линии с зигзагами разных размеров — от маленьких волнообразных завитков до длинных горбов. «Как не бывает двух совершенно одинаковых отпечатков пальцев,— пояснял Ральф,— так нет и двух идентичных голосов. Экспертам не составляет труда различать характеризующие каждого человека особенности произношения, интонации, манеру говорить, тембр голоса и множество других признаков».

Гернсбек оказался пророком, хотя и чересчур осторожным,— такой прибор действительно создан, но не в 2660, а в 1968 году. Придумал его американский ученый Керста. И впервые этот «звукоспектрограф», как его называли, был использован именно в криминалистике: с его помощью было раскрыто запутанное преступление.

Н О В И Н К И

Ольга ЛАРИОНОВА
ОСТРОВ МУЖЕСТВА.

Л., Лениздат, 1971, 288 стр.

«Ларионову привлекает тема больших и глубоких чувств, любви и человечности в различных ситуациях будущего и в разнообразном техническом окружении». — пишет И. А. Ефремов в предисловии к первой книге молодой писательницы.

В сборник вошли роман «Леопард с вершины Килиманджаро», повесть «Планета, которая ничего не может дать» и рассказы.

Георгий МАРТЫНОВ
ГИАНЭЯ.

Л., Изд-во «Детская литература», 1971, 399 стр.

При загадочных обстоятельствах появляется на Земле Гианэя — обительница иной, неведомой планеты. Люди коммунистического будущего

принимают ее как друга, но поведение Гианэи долгое время остается непонятым и даже враждебным. О том, как раскрылась тайна Гианэи, как космическая гостья изменила свое отношение к людям Земли, о силе гуманизма и могуществе разума рассказывает роман, во втором издании значительно переработанный и дополненный автором.

Север ГАНСОВСКИЙ
ИДЕТ ЧЕЛОВЕК.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1971, 272 стр.

«Нравится, да?.. Ну правильно, конечно. Не просто нравится, а открывает какой-то другой мир, вернее, сдерживает занавес, позволяет увидеть все вокруг свежими глазами...»

Так начинается центральное произведение сборника — повесть «Винсент Ван Гог». Герой ее, на «машине времени» путешествуя в предпоследнее

десятилетие девятнадцатого века, близко знакомится со знаменитым художником, встречается с ним в разные периоды его жизни, познает на себе облагораживающую силу подлинного искусства.

Валентина ЖУРАВЛЕВА
СНЕЖНЫЙ МОСТ НАД ПРОПАСТЬЮ.

М., Изд-во «Детская литература», 1971, 207 стр.

Дельфины развивают скорость до шестидесяти километров в час. Их мускулатура должна быть раз в десять сильнее, чем она есть на самом деле. Можно ли эту тайну, над которой безуспешно бились десятки исследователей, разгадать, не имея ни оборудования для опытов, ни самих дельфинов?! Оказывается — можно. Героини рассказа, давшего название новой книге Валентины Журавлевой, блестяще доказывают это.

Среди других произведений сборника — рассказ «Придет

«ВОЗДУШНЫЕ КОЛОДЦЫ»

Еще и сейчас засуха — настоящее бедствие для жителей степей и полупустынь. Иссякают колодцы и источники, пересыхают и без того немногочисленные ручьи... А оказать помощь терпящим бедствие не так-то просто. Доставка питьевой воды автомобилями и (в экстренных случаях) вертолетами — технически сложное и дорогое дело. Да и где найти постоянный источник воды? Не один год бились ученые над этой проблемой. И вот, наконец, выход найден. Скоро появятся в засушливых районах странные сооружения — пирамиды из камней, сложенных определенным образом. При больших суточных перепадах температуры, свойственных резко континентальному климату, на этих камнях станет оседать роса, которая затем будет стекать в специальные резервуары, находящиеся внутри пирамид. Каждый такой «воздушный колодец» по предварительным расчетам сможет дать около тонны воды в сутки. А это уже немало!

Мы говорим об этих пирамидах: скоро появятся. Между тем, одна такая пирамида уже была «построена»: в фантастическом рассказе Л. Платова «Каменный холм», опубликованном незадолго до Великой Отечественной войны в 1941 году.

такой день», публиковавший-ся в «Уральском следопыте».

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

М., Изд-во «Детская литература», 1971, 735 стр.

...Ровной стеной стоял невиданный, немислимый лес. Из коричневого травяного ковра взметывались вверх розовые стволы, суставчатые, как бамбук. Ни коры, ни ветвей на них не было; толстый розовый столб тянулся метров на пять-шесть ввышину, а там завершался пучком белоснежных листьев...

В этот удивительный мир, полный загадок и опасностей, попадают герои повести А. Громовой и Р. Нудельмана «Вселенная за углом».

ФАНТАСТИКА, 1969—1970.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1970, 319 стр.

В сборник включены новые рассказы Владимира Михайло-

ва, Валентины Журавлевой, Владимира Григорьева, Кирилла Булычева, Павла Амнуэля и других советских фантастов. С интересной статьей «Полигон воображения» — о Марсе и его обитателях, какими они представлялись фантастам близкого и далекого прошлого, — выступает Всеволод Ревич.

Владимир МИХАЙЛОВ РУЧЕЙ НА ЯПЕТЕ.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1971, 271 стр.

Действие большинства рассказов, составивших сборник, происходит в космосе. На Япет, спутник Сатурна, летит журналист будущего, чтобы встретить там первую экспедицию, побывавшую за пределами Солнечной системы... Таинственных и неуловимых Черных Журавлей Вселенной наблюдает в непосредственной близости экипаж испытательного корабля... Пилот могучего красавца звездолета выясняет,

ПОТОМОК

«СТАНДАРТ-АЙЛЕНДА»

Основанием острову служат скрепленные друг с другом понтоны. На острове возводятся городские строения, а на свободной территории разбиваются парки... Что это? Еще одно описание знаменитого «Стандарт-Айленда» — плавающего города-гиганта, с легкой руки Жюль Верна начавшего свое короткое путешествие еще в 1895 году? Или — один из многочисленных более поздних искусственных островов, создававшихся писателями-фантастами, — Г. Бирюлиным в романе «Море и звезды», А. Кудашевым в романе «Ледяной остров», С. Жемайтисом в повести «Вечный ветер» и другими?..

Нет, это уже вполне реальный инженерный проект японского архитектора Кийонури Китукэке. Проект одобрен, и вскоре поднимутся над волнами Токийского залива первые сооружения плавучего города, соединенного со столицей мостом длиной более двух километров.

что кибернетический мозг корабля — «взбунтовался»... В критическое положение попадают исследователи одного из бесчисленных астероидов, разбросанных между Марсом и Юпитером...

НА СУШЕ И НА МОРЕ.

М., Изд-во «Мысль», 1971, 671 стр.

Около трети всего объема одиннадцатой книги ежегодника занимают научно-фантастические произведения. Среди них — повесть В. Пальмана «Экипаж «Снежной кошки».

Пробываясь на снегоходе сквозь неисследованные просторы Антарктиды, герои В. Пальмана открывают своеобразную полость в недрах материка. Удивительная картина предстает их глазам. «Обширная долина уходила в сумрачную бесконечность. Там блестели ручьи, холмистый берег справа дымился, какая-то растительность покрывала ближние камни, тянуло странным душным ветерком...»

МОРСКИЕ ПОПУГАИ

Бухта Петунья на Шпицбергене длинным клином упирается в подножье крутых отрогов горы Пирамиды. С двух сторон залива обступают ледники.

Но в бухте образовался своеобразный микроклимат. По берегам, у самой воды, растет трава; на склонах горы цветут на коротких хрупких ножках светло-желтые полярные маки, красно-фиолетовыми коврами стелются камнеломки. В ложбинах желтеют арктические лютики. На скалах можно найти львиный зуб, голубые колокольчики, синие столистницы. Особой красотой отличаются цветы полярной бесплодицы, напоминающие наш ландыш.

В притонах бухты Петуньи, на скалах шумят птичьи базары. С известным среди зимовщиков Шпицбергена охотником и чучелятником, кузнецом механического цеха рудника Пирамида Александром Спировым погожим солнечным днем мы отправились к гнездовьям. Идем берегом моря по мокрому, обточенным волнами камням.

Цель у нас одна: скоро уезжаем на материк, а у нас не хватает чучела морского попугая для краеведческого музея, — надо его найти.

Обитатели птичьих базаров заняты своими хлопотливыми делами. Но что-то вдруг встревожило крылатый мир. Полчища птиц взвились в воздух. Поднялся невообразимый гам. Мы с Александром не слышали друг друга и пришлось объясняться жестами.

Почему же так взбудоражилось птичье племя? Оказывалось над гнездами появился хищник чайка-бургомистр. Эта чайка ворует яйца у своих со-

родичей, может схватить птенца, осмеливается напасть даже на взрослую птицу.

Ранней весной, в период появления потомства у нерп, мы с Александром не раз выходили на ледяные поля. Почти у каждой лунки лежали дете-

ныши — беспомощные нерпята. Крупные чайки-бургомистры (их на Шпицбергене называют еще альбатросами) безжалостно нападали на бельков.

К прожорливому разбойнику у Спирова естественная неприязнь. Александр вскинул ружье и метким выстрелом на лету снял пернатого хищника. Альбатрос камнем упал в ущелье. Жители птичьего царства устремились за обидчиком. Птичий

гнев был неукротим. Пернатые били и щипали своего врага так, что от него летели пух и перья. Постепенно птицы угмонились.

В общем гаме морские попугаи не принимали никакого участия. Важные и невозмутимые, они сидели возле своих нор, совершенно равнодушные к войне, разразившейся на скалах.

Причина олимпийского спокойствия этих птиц в том, что они селятся уединенно и скрытно. Могучим, как топор, клювом (отсюда еще одно название — топорки) они пробирают в торфянике глубокие, с запутанными ходами норы. В этих длиною в несколько метров подземных лабиринтах попугаи устраивают гнезда, откладывают и насиживают яйца.

В надежном укрытии каждая супружеская пара в течение шести недель заботливо пестует свое единственное чадо, кормит его рачками, моллюсками, рыбками до тех пор, пока их баловень не опирится и не станет на твердые лапы.

С гордым видом у входа в нору на мшистой скале стоит на посту хозяин-попугай. И хотя старается этот страж семейного очага быть суровым, все же он неуклюж и очень обаятелен. Широкий, сильно сплюснутый с боков рубиновый клюв оторочен у самых глаз золотой каемкой. Массивная голова с прилизанным черным оперением придает птице солидность и степенность.

В поисках пищи полярные попугаи не утруждают себя дальними полетами. Они — проворные подводные пловцы, ловкие ныряльщики. Но летают они неважно, долго шлепают крыльями, делают разбег, перебирая по заливу своими широкими, красными, как у гуся, лапами, стараясь оттолкнуться и подняться в воздух. Удастся это им далеко не сразу...

...Из шумного мира пернатых мы возвращаемся домой, полные впечатлений от встречи с этими необыкновенными птицами.

Н. ЗАЙЦЕВ

«НАХОЖУ ЕГО НАТУРОЙ СПОСОБНОЙ...»

Деятели русской культуры о молодом Шадре

В Шадринском филиале Курганского областного архива, в бумагах городской управы хранится около 70 документов, рассказывающих о годах учебы выдающегося советского скульптора Ивана Дмитриевича Шадра (Иванова) в Екатеринбургской художественно-промышленной школе, в Петербурге — на драматических курсах и в школе Общества поощрения художеств, на Высших муниципальных курсах скульптуры и рисования в Париже, в Институте изящных искусств в Риме, а также в Московском археологическом институте.

Особый интерес в собрании этих документов представляют отзывы некоторых деятелей русской культуры о способностях талантливого молодого человека, написанные в 1907 году. Отзывы были приложены к прошению И. Д. Иванова в Шадринскую городскую думу о пособии. Он, выходец из бедной семьи, не имел средств для продолжения своего художественного образования.

Осенью 1907 года, учась в школе рисования Общества поощрения художеств и на драматических курсах В. Н. Давыдова в Петербурге, он решил ходатайствовать о выдаче ему пособия.

При содействии знаменитого артиста Владимира Николаевича Давыдова отзывы о Шадре дали художники И. Е. Репин, Н. К. Рерих, Н. И. Кравченко, артист В. И. Петров, режиссер М. Е. Дарский.

Письма эти сыграли решающую роль в дальнейшей судьбе молодого художника. Столь авторитетные ходатайства известных деятелей отечественного искусства возымели действие и на Шадринскую городскую думу — пособие было выдано.

Но здесь важна не только материальная сторона. Читая эти документы, невольно думаешь: как окрылила юного Шадра эта отеческая поддержка старших братьев по искусству, в том числе всемирно известного Репина! Молодого художника, еще недавно пришедшего пешком в Петербург и спавшего среди босяков в барже на Охте, они безусловно поддержали в трудную минуту.

Вот эти письма из Петербурга в Шадринск.

* * *

*В Шадринскую городскую думу.
Шадр. мещанина Ив. Дмитр. Иванова
уч. С.-Петербургских Императорских
Драматических курсов.*

ПРОШЕНИЕ

*Имею честь покорнейше просить
Думу, не найдет ли она возможным
дать мне стипендию на продолжение
художественного образования.*

Окончив в нынешнем году Екатеринбургскую художественную школу, я поступил на С-Петербургские императорские драматические курсы, но по совету нашего профессора заслуженного артиста императорских театров Владимира Николаевича Давыдова и многих других выдающихся современных художников и артистов, ввиду моих ясно выразившихся в настоящее время художественных способностей я решил основательно закончить свое художественное образование, для чего необходимо мне поехать в Парижскую академию художеств.

Не имея никаких средств, я вынужден обратиться к Вам с покорной просьбой.

Ив. Иванов.

С-Петербург, императорские драматические курсы. На Театральной улице.

* * *

Всей душой присоединяюсь к просьбе моего ученика г. Иванова. Убежден лично и на основании отзывов о нем компетентных художников-профессоров, что Иванов — талантливый и способный человек (как художник и скульптор) и что ему необходимо помочь и поддержать его, так как он без всяких средств. Необходимо дать ему воз-

можность выйти на свет божий, а не заглохнуть и, может быть, даже погибнуть, как гибнут многие родные таланты от людского равнодушия и не находя поддержки вовремя.

Поддержите его!
В. Давыдов.

* * *

Считаю Ив. Дм. Иванова достойным всякой поддержки ввиду его выдающихся способностей.

Н. Рерих.

* * *

Присоединяю мой голос к просьбе Ивана Дмитриевича Иванова, моего ученика по Драматическим курсам: он обладает несомненным дарованием художника и ему очень важно быть именно в Парижской Академии художеств, где дают свободу развитию индивидуальности ученика.

Артист Императ. театров
Василий Иванович Петров.

* * *

Я тоже присоединяюсь к голосам, раздающимся в пользу Ив. Дм. Иванова.

Режиссер Импер. театров М. Дарский.

* * *

Признавая г. Иванова человеком бесспорно одаренным вкусом и большими способностями, на-

АЗЪ ВУКИ ВЪДИ

ЭТИМОН — ИСТИНА

ных слов: изумиться, прелестный, уморительный, позор, яд, негодяй и проследим развитие их значений.

Один известный лингвист утверждал, что этимология — наука о происхождении слов — есть альфа и омега лингвистики. С нее все начинается, к ней в конечном счете возвращается все, что добыто в других областях языкознания. Это мнение справедливо. История склонений и спряжений, словообразование, лексика, вопросы орфографии — все нуждаются в помощи этимологии. В языковедении лишь она отвечает на главный вопрос науки: почему?

В течение нескольких лет на страницах журнала освещались вопросы этимологии на разном материале. Теперь пора подвести некоторые итоги. Возьмем несколько общепарад-

В древности изумиться означало сойти с ума. Это значение, как мы уже отмечали, сохранено в устных народных говорах, в частности, в уральских. Оно объясняется самим устройством этого слова: из — удаление из чего-либо, плюс ум-и-ть-ся. А в литературном языке значение более смягченное, ослабленное: сильно удивиться чему-либо. Прелестный значило раньше коварный, хитрый, злокозненный (от прелесть — обман, сравним лесть — притворные похвалы с целью обмануть). В литературном языке сейчас оно имеет значение очаровательный, привлекательный. Точно так же мы не выделяем приставку у в слове уморительный — очень смешной и не связываем его с гла-

голом морить — заставлять умирать. Все три слова испытали слияние приставки с корнем и сходное изменение смысла, которое называется улучшением значений. Без помощи этимологии невозможно было бы разобраться в этом переплетении морфологических и семантических изменений.

В словах позор, негодяй мы видим также морфологическое опрошение: в них приставка крепко спаяна с корнем. Слово позор связано с корнем зор, тем же, что в слове зоркий, и обозначало когда-то зрелище: «А между тем, какой позор являет Киев осажденный!» — писал Пушкин в поэме «Руслан и Людмила», имея в виду зрелище. Новое значение — стыд — развилось из боковой ветви значений: зрелище выставленного к столбу человека в наказание

хожу, что он вполне заслуживает всякой поддержки для продолжения своего художественного образования. Надобности в немедленной поездке за границу сейчас не вижу, но поступление в школу или училище, конечно, необходимо. Поработавши год с небольшим и изучивши немного французский язык, ему полезно было бы поехать в Париж и там кончать свое художественное образование.

Художник Н. И. Кравченко
(Поварский пер., 1).

* * *

Шадринск.

В Городскую Думу.

К прошению Ив. Д. Иванова

По рекомендации актера В. Н. Давыдова, я просмотрел рисунки г. Иванова.

Нахожу его натурой способной, которую стоило бы поддержать для окончания курса в Школе Рисования Имп. О-ва поощрения художеств.

Одновременно он занимается на Драматических курсах В. Н. Давыдова, что также очень полезно для его развития.

Проф. Импер. Академии Художеств
Илья Репин.

Петербургские художники и артисты не ошиблись в своем подопечном. Вот что писал директор Высших муниципальных курсов скульптуры и рисования в Париже:

* * *

«Я, директор Высших муниципальных курсов Альберт Баллэ, сим свидетельствую, что господин Иванов; родившийся в России, в г. Шадринске, 30 января 1887 года, прилежно посещал названные курсы в течение 1910 и 1911 года.

Его поведение было отличное и успех выдающийся. Париж, 8 ноября 1911 года.

Директор Альберт Баллэ.»

* * *

Великую Октябрьскую социалистическую революцию И. Д. Шадр встретил всесторонне подготовленным для больших работ тридцатилетним скульптором. Он без остатка отдался творчеству и более двух десятилетий вдохновенно воспевал своего замечательного современника — рабочего, крестьянина, красноармейца.

Л. ОСИНЦЕВ

за какой-либо проступок — позор, стыд. Произошло ухудшение значения, как говорят в этом случае лингвисты. Точно то же испытали слова яд и негодай. В древности яд был просто пищей, любой пищей, и лишь с течением времени слово стало значить: пища, в которую подмешана отравка — яд. Происходит оно от глагола ясти (сравним: яства, зерноядные птицы). Негодяй был некогда человеком, негодным к военной службе (противоположным было годяй; теперь этого слова нет). Постепенно это слово приобрело резко неодобрительный оттенок и характеризует человека плохого, скверного, подлого.

Этимология, учение о родственных связях между словами, — помогает выяснять и словообразовательные связи. В самом деле, мы говорим Персия, персы, но производное прилагательное вдруг употребляем — персидский. Это потому, что не так давно, в XVIII веке существовало слово Персида, теперь уже забытое. Или белка, беличья шуб-

ка; но сравним: птица — птичья; девица — девичья. Значит, слово беличья произведено от белица — слова, действительно существовавшего в Древней Руси.

Подаяние происходит от подавать? Одеять от одевать? Совсем нет. Они происходят от глаголов, давно уже не существующих в русском языке: подавать и одевать. Пуговица образовано с помощью суффикса -иц- от более древнего пугва, пуговь. Суслик это маленький сусел (и такое слово было!); удочка — уменьшительное от уда, известного еще в говорах слова; улитка — от улита. Булавка находится в родстве с гетманской булавой, вилка — с большими вилами; мушка ружья — с летающей мухой; варежка — это как бы маленькая варега, а кочка — небольшая коча. Ложка — это уменьшительное от древнерусского лъжа, а птица — от пѣта. Во всех этих словах мы не чувствуем уменьшительного характера, который им был присущ в древности, и лишь путем этимологического анализа вскрываем

этот дополнительный смысловой «довесок». В самом деле, ручка как инструмент для письма уже совсем не то, что ручка — маленькая рука ребенка. Никакой уменьшительности в первом слове мы уже не замечаем, хотя связь со вторым словом (уменьшительным!) налицо. Этимолога не удивит слово коша, если он знает, что есть уменьшительное кошка. Слово крохотный он производит не от кроха, а от крохоть; мохнатый — не от мох, а от мохна; звездочка — не от звезда, а от звездка. В слове внезапный он видит древнее запа — ожидание. (Вне чего? — вне запя — вне ожидания). В слове ненастье он видит настье — ведро, а в неимоверный — даже целое предложение: не иму веры — не верю. Слово нельзя он связывает с льгота и легкий (было когда-то наречие лъзь, лъзе — можно, от льга — свобода), а также со словом польза. Слово невзначай он делит на не-вз-на-чай и возводит к глаголу чаяти — ожидать (сравним нечаянно — не-ожидално). Невеста же это

НАСТОЯЩАЯ КНИГА

Прочитав книгу, человек тотчас же выносит ей вполне определенный приговор: понравилась — не понравилась.

Лично я ничего плохого не вижу в столь категоричном и эмоциональном подходе к книге: в моей читательской практике никогда еще не случалось, чтобы после вторичного прочтения «не понравившаяся» книга вдруг начинала «нравиться». И наоборот. Правда, иногда эмоциональное впечатление при повторном чтении ослабевало, иногда усиливалось, но в основном всегда соответствовало первоначальному.

Обо всем этом я невольно задумался, прочитав последнюю книжку С. Бетева «Иду по следу...», выпущенную Средне-Уральским книжным издательством. Одну из повестей книги, «Плетеный ремень», мне уже приходилось читать раньше

в журнале «Урал», но и в книге я прочел ее с меньшим, а даже с большим интересом.

«Иду по следу...» посвящена следователям, людям, профессиональными качествами которых, наряду с личной неподкупностью и непримиримостью к преступлениям, являются еще и воинствующий гуманизм, и необычайная широта знаний. Преступления могут быть совершены в любой сфере человеческой деятельности, преступник может принадлежать к любой социальной прослойке общества, и следователь вынужден, обязан разбираться ни много ни мало, а в этом «во всем».

Сборник имеет подзаголовок «Детективные истории». Но хотя сюжеты выстроены хитро и не похожи один на другой, да еще сплошь и рядом в них встречаются «многоходовки» и ложные сле-

неведомая, от глагола *ведать*, *знать*, ибо жен брали из другого рода, а внутри своего рода брак был запрещен.

Можно было бы привести еще массу других примеров из словообразования, но достаточно и этих, чтоб убедиться, насколько интересна работа этимолога. Он восстанавливает древние, утраченные связи между словами, воссоздает былые гнезда слов и открывает для себя множество увлекательных исторических подробностей.

Вот еще пример. Гнездо корня *цел* включает в себя такие производные как *целебный*, *исцелить*, *целый*, *целиком*, *целовать*, *целовальник*, *целина* и другие. Древнее значение этого корня — *быть здоровым*; отсюда *целебный* — помогающий *быть здоровым*, *излечивающий от болезней*, *исцелить* — сделать *здоровым*. А *здоровый* значит *невредимый*; отсюда — *целый*. *Целый* означает также не разделенный, не раздробленный: *целый каравай*, *целый кусок ткани*,

рядом с ним *цельный* — состоящий из одного куска: *цельное стекло*, *мебель из цельного дерева*. Наречие *целиком* есть творительный падеж от *целик* — нечто *нетронутое*, например, *место без дорог*, где не ходят и не ездят; *сплошной массив*. Ему родственна *целина* — *непаханная земля*.

Но *целовать*? *Целовальник*? Первоначально *целовать* означало *желать здоровья*; поцелуй же был лишь чем-то сопровождающим пожелание. Впоследствии слово *целовать* стало жить самостоятельной жизнью. *Целовальник* — сборщик подати в XV—XVIII веках, приносивший присягу целованием креста, — затем превратился в *кабатчика*. Громадная, более чем тысячелетняя эпоха встает перед нами, когда мы следим за судьбой гнезда корня *цел*, — равно как и любого другого корня великого русского языка.

А что дает этимология человеку, не занимающемуся специально историей русского

языка, его словообразованием? Что она может дать школьнику? Научить правильно писать неударяемые гласные, правильно подбирать проверочное, родственное слово. Это этимология, пусть самая ближняя: *клеенка* от *клей*; *столица* от *стол*; *клинок* от *клин*, *орошение* от *роса*, *желудок* от *желудь*, *синица* от *синий*, *пленительный* от *плен*. При изучении правописания иноязычных слов она также необходима: *оранжерея* — от французского *оранж* — *апельсин*; *орбита* — от латинского *орбис* — *круг*, *витрина* — от латинского *витрум* — *стекло*, *айсберг* — от немецкого *айс* — *лед* и *берг* — *гора* и другие.

Словом, как в теоретическом языковедении, так и в практике этимология расширяет лингвистический кругозор людей, даря им истину, ибо греческое слово *этимон*, которым мы обозначаем первоначальное значение слов, означает в переводе истина.

В. ЖИТНИКОВ

ды, прежде всего следует отметить, что истории не придуманы автором, а взяты из следственной практики. До сих пор в органах милиции работают и герои книги — Е. Воробьев, Е. Лисянский, О. Чернов, В. Соломахин...

Как ни странно, а братья за пересказ сюжетов в рецензии — не хочется. Не хочется потому, что, при всей их занимательности и хитрости, главное в повестях не сюжеты, и даже не столько механика расследования различных преступлений (а она всюду выписана ярко); главным становится писательское исследование той атмосферы, в какой это расследование происходит. Кем бы ни было совершено преступление, оно будет раскрыто рано или поздно, — вот главный нерв сборника, главная мысль книги. Мысль эта не высказана прямо, она невольно возникает по мере чтения всех представленных в сборнике повестей, написанных по материалам действительной жизни.

Не менее важным в книге мне представляется и то обстоятельство, что автором исследуются социальные и моральные истоки преступлений. Преступления совершены разные, но и по разным мотивам будто бы, но толчком для них всегда служат одинаково — мерзкие импульсы: неудовлетворенное высокомерие, ханжество («Теорема Лапласа»), трусость, эгоизм («Восьмой револьвер»), месть, тонко переплетенная со стремлением «поживиться» («Плетеный ремень»)... Более того, описание всех этих различных преступлений пронизано единой мыслью: человек становится на путь преступления в нашем обществе не из-за определенным образом складывающихся обстоятельств жизни, а незаметно, исподволь давая себе послабление в моральном отношении.

Важно и то, что оперативность в раскрытии преступлений С. Бетев объясняет не просто талантом и высоким профессиональным мастерством следователей, а и тем, что всякий раз, когда совершалось то или иное преступление, люди, которым поручалось его расследовать, прежде всего шли к народу (особенно это сильно написано, по-моему, в «Плетеном ремне»). И народ непременно помогал. Да, преступник живет в обществе, так или иначе он всегда на виду, и ни-

что низкое, мерзкое скрыть от людского глаза невозможно...

Ну вот, прочтет читатель такую рецензию и скажет: это, мол, что ж, все в книге главное, что ли, а недостатков никаких нету? Отвечу так: да, как это ни покажется странным, а на мой взгляд, в книге С. Бетева все главное. К недостаткам же отнесу лишь название «Иду по следу...» и подзаголовок «Детективные истории». И то и другое, по-моему, как-то не вяжется с глубиной, серьезностью и искренностью книги. Невольно вспоминаешь, что увлекательнейшие рассказы про Шерлока Холмса скромно озаглавлены: «Записки о Шерлоке Холмсе». Название же книги С. Бетева мне представляется столь «завлекающим», что, пожалуй, уже способно и отпугнуть серьезного читателя, который никак не заподозрит, что под столь легковесной «упаковкой» может скрываться серьезная писательская работа.

В заключение еще раз хочется вернуться к эмоциональной стороне восприятия прочитанного. Да, мое первое впечатление от новой книги С. Бетева: понравилось! Затем уж я попробовал разобраться — а почему? Точку зрения взрослого человека на это «почему» я попытался изложить в рецензии. Однако что же заставляет меня рекомендовать книгу С. Бетева молодому читателю? Почему ее прямо-таки необходимо, на мой взгляд, прочитать подростку?

В юности такое вот «понравилось» после прочтения книги всегда означало для меня, что хотелось повторить жизнь героя, хотелось попасть в те обстоятельства, которые описаны. Да и кто ж не мечтал в юности прожить жизнью Миклухо-Маклая, Матросова и Гастелло? От юности меня отделяют многие годы, а вот прочитал я книгу С. Бетева — и почувствовал, что если б встретился с нею в пятнадцать-шестнадцать лет, так ведь наверняка размечтался бы о том, чтобы стать следователем. Теперь же я не сомневаюсь, что, прочитав ее, многие из современных подростков начнут мечтать о том, чтобы пойти работать в милицию, в органы прокуратуры, в участковые и в оперуполномоченные. Это обстоятельство — тоже одно из главных при оценке сборника С. Бетева «Иду по следу...»

А. ФИЛИППОВИЧ

ПОБЕДИТЕЛИ

Год назад наш журнал объявил фотоконкурс «Романтики». Участникам его предлагалось запечатлеть своих современников, людей окрыленной души, романтических чувств и мыслей, — на работе, учебе, дома или в турпоходе. На обращение редакции откликнулись фотолюбители и мастера фотографии со всех концов страны. Ежедневно почта доставляла в редакцию новые снимки.

Но вот срок фотоконкурса истек. В этом номере публикуются последние отобранные фотографии. Редакционное жюри подвело итоги.

И, пожалуй, главным итогом следует считать большой интерес участников конкурса к сюжетной фотографии. Лишь немногие прислали обычные портреты и пейзажи, явно не отвечающие условиям конкурса. Но, к сожалению, мало было ярких снимков, рассказывающих о трудовой романтике. В связи с этим жюри не сочло возможным присудить кому-либо нашу первую премию. Остальные премии распределены следующим образом.

Вторые премии (фотоаппараты «Киев-4А») присуждаются Ю. Ениватову за фотографию «Мальчишки» и А. Лысякову за снимок «Так начинаются дороги» (оба из Свердловска).

Третьи премии (фотоаппараты «Зенит-В») получают Ю. Ведерников (г. Москва) за снимок «Маринист», С. Юдин (г. Курган) за снимок «Мы из отряда «Энергия!» и Л. Беляев (г. Днепропетровск) за фотоочерк об альпинистах «Вершина».

Жюри отметило удачные фотографии В. Горных (г. Челябинск), Е. Расторгуева (г. Вологда), А. Рыжкова (г. Курган), М. Березовского (г. Череповец), С. Созыкина (г. Свердловск), Ю. Илека (г. Вологда), Н. Гелеверова и В. Кочebaева (г. Свердловск).

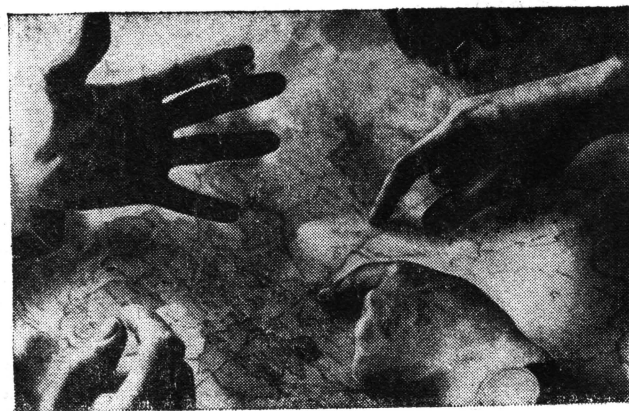
Все участники конкурса, чьи снимки были признаны достойными публикации, награждаются значком «Следопыт».

В БУДУЩЕМ ГОДУ «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРОВЕДЕТ НОВЫЙ ФОТОКОНКУРС. НА ЭТОТ РАЗ ОН БУДЕТ НАЗЫВАТЬСЯ «В ОБЪЕКТИВЕ — МГНОВЕНИЕ».

ОБ УСЛОВИЯХ КОНКУРСА ЧИТАЙТЕ В ЯНВАРСКОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА.

Ю. Ениватов
(вторая премия)

А. Лысяков
(вторая премия)

ФОТОКОНКУРСА

С. Юдин
(третья премия)

Ю. Ведерников
(третья премия)

Л. Беляев (третья премия)

СЕРЬЁЗНОЕ С КУРЬЁЗНЫМ

11 СУТОК ПОД КИЛЕМ

Весной 1903 г. утихавшая уже буря перевернула в Балтийском море небольшой — вместимостью около 80 тонн — шлюп, шедший с грузом досок из Клайпеды в Бремен. Немногочисленный экипаж погиб тут же, в живых остался лишь шкипер: он оказался запертым в единственной каюте шлюпа, где отдыхал после двухсуточной вахты. Одиннадцать дней носило по волнам опрокинувшееся суденышко. Шкипер, которому удалось разобрать в каюте пол (ставший потолком) и пробраться в трюм, тяжелым деревянным молотком колотил изнутри по железной обшивке килля, пытаясь таким образом подать весть о себе.

Лишь на двенадцатый день дождался он ответного стука. Умиравшего от голода и жажды, его спасли неподалеку от нынешнего Гданьска норвежские моряки.

В ПУТЬ ЗА... ЗВОНОМ

Более двадцати лет любимым занятием Густава Ильга, жителя ФРГ, было слушать и записывать колокольный звон. Стоило ему узнать, что где-то существует колокол со своим особым «голосом», как Ильг отправлялся в путь. Он побывал во многих странах Европы, собирая свою удивительную коллекцию колокольного звона.

САПОГИ-АВТОМОБИЛЬ

Известие о том, что «семимильные сапоги» стали реальным фактом, пришло в 1902 году из Швейцарии. Один базельский инженер изобрел особую обувь: он снабдил ботинки маленькими моторами, выполненными в форме конька, не слишком тяжелыми. Обувшись в такие «сапоги», изобретатель проходил до 14 км в час.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

3 А 1971 ГОД

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Адамов А. Стихи. № 4.
Андреев Л. Стихи № 12.
Богданович К. Красного яра летописец. № 1.
Бояршинова Э. Стихи. №№ 2, 11.
Водопьянов Б. Климат. № 12.
Гагарин С. Несчастный случай. №№ 6—7.
Деринг Г. Честь борьбы. №№ 9—10.
Домовитов Н. Стихи. № 2.
Дубровина Э. Стихи. № 5.
Ермаков В. Стихи. № 7.
Жиденков Б. Петля тайги. №№ 10—12.
Закусина Н. Стихи. № 10.
Королев Г. Жаворонок. № 9.
Коротких В. Каравай. № 12.
Крапивин В. Баркентина с именем Звезды.
№ 4.
Куницин А. Стихи. № 8.
Лапцуй Л. Стихи. № 4.
Марьев Б. Лосиный пост. Стихи. № 12.
Матвеев В. Стихи. № 1.
Мережников Н. Стихи. № 1.
Михайлов Б. Стихи. № 6.
Мюссар Е. Мишка Крутаков — вождь апачей.
№ 4.
Павловский О. Нам было семнадцать.
№№ 5—6.
Петухов А. Сить — таинственная река.
№№ 2—3.
Поскребышев О. Стихи. № 9.
Радкевич В. Стихи. № 6.
Раевский Б. Плитка шоколада. № 7.
Реутский П. Стихи. № 1.
Романов А. Стихи. №№ 1, 10.
Сафонов В. Старостенок. № 1.
Сорокин Л. Отец. Стихи. № 3.

Станцев В. Стихи. № 6.
Тоболкин З. Зануда. № 5.
Трифонов Ю. Стихи. № 11.
Трутнев Л. Ночные борозды. № 8.
Тряпша В. Стихи. № 8.
Чернов Ю. Сказ о сибирском Сусанине. № 11.
Чернов Ю. Чужая щука. № 12.
Чехов А. Дембел. № 3.

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ.

Ананьев Е. Буровая. № 12.
Бабоченок П. Цель — «Адмирал Тирпиц».
№ 5.
Белов В. За дальним меридианом. № 11.
Бояршинова Э. Счастливый человек. № 4.
Быков В. Ладога помниг. № 7.
Вильнер З. Я люблю вас... № 8.
Долгушина А. Знак воинской доблести. № 7.
Дробиз Б. Шагнущим в бессмертие. № 5.
Ермаков И. Девчонка по имени... № 11.
Казаков П. Взрыв. № 7.
Кобельков В. Автобус, полный друзей. № 6.
Козырев А. Агитпоезд В. И. Ленина. № 9.
Константинова Е. «А сейчас я на передо-
вой». № 3.
Красовский Л. «В чужих погонах». № 3.
Мешавкин С. Здравствуй, товарищ ЧТЗ! № 8.
Панкратов В. Мистер Гангур из Тагила. № 2.
Панкратов В. Возле солнца. № 10.
Подкорытов Ю. Первая ступенька в небо.
№ 9.
Поляков А., Турунтаев В. ГРЭС над ре-
кой. № 9.
Санин А. Иду на огонь! № 4.
Сомов М. Ориентир — ветер. № 4.
Стальной меридиан. №№ 1—3.

Трофимов А. По пятам. № 2.
Турунтаев В. Короли. № 1.
Турунтаев В. Ожидание чуда. № 7.
Турунтаев В. Практикантка. № 11.
Шмерлинг С. На рассвете. № 6.
Это вам, романтики. № 3.
Яровой Ю. Хроника «Т». № 5.

НАУКА И ТЕХНИКА

Беляев А. Азъ, буки, веди. № 9.
Драбкин А. Будущим Королевым и Курчатовым. № 3.
Ефимова Т. Запутанная биография. № 5.
Ефимова Т. Про упрянца и девять миллионов. № 8.
Житников В. Азъ, буки, веди. №№ 1—7, 9—12.
Зотов В. Нанг — Калинин — Калуга. № 6.
Поляков А. Президенты задают вопросы президенту. № 10.
Финкельштейн Д. Пища богов, или поиски волшебной амброзии. № 6.
Цветков В., Шкерин Л. Планета под обстрелом. № 8.
Яровой Ю. Дом космонавта. № 12.

ДОРОГАМИ ПОИСКА

Бабинцев С. Загадки Ивана Крылова. №№ 3, 6.
Блюм А. Кто такой А. М. К.? № 2.
Казанков Б. Письма египетской царицы. № 4.
Княжецкая Е. Поиски Еркега. № 10.
Курочкин Ю. Приключения мадонны. № 9.
Матвеева Т. Бутылочная почта Норденшельда. № 10.
Марков А. Как попала в Эрмитаж «Мадонна Вена». № 4.
Пересветов Р. Чемодан из желтой кожи. № 4.
Позолотин А. Ниточки к поискам. № 11.
Секлюцкий В. Мы ищем картины Ярошенко. № 12.
Хохлачев В. Где полюс холода? № 9.
Хохлачев В. Хождения Афанасия Метенева за голубым камнем. № 5.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Барсов Н. Вранье и добрые дела Хлестакова. № 1.
Бердников Н. Путь к счастливым камням. № 11.
Блюм А. Станный прокурор. № 12.

Булатов А. В соломенную пещеру. № 5.
Галязимов Б. Меншиковы в Березове. № 7.
Зубкова Л. Старейший водопровод. № 10.
Казанцев П. «Жалованный кафтан». № 4.
Казанцев П. Памятник Сабакевичу. № 5.
Канторович Г. Памятники соли Камской. № 8.
Кеммерих А. Самый северный. № 7.
Коровин А. Письмо поэта-пахаря. № 1.
Коровин А. Камышловцы — солдаты Кутузова. № 4.
Макарова Л. «Полосатый» берег. № 2.
Мейстерс Я. Чудесный колодец. № 1.
Морозов В. Певец трех народов. № 1.
Никитин А. Сабля кавалерист-девицы. Вятский комментарий к пушкинской строке. Трубка бурлацкой артели. Портрет, нарисованный... буквами. № 4.
Полевой Б. Албазин амурский и Албазин уральский. № 12.
Польская Е., Розенфельд Б. Д. Н. Мамин-Сибиряк на Кавказе. № 10.
Польская Е. Планы поездки Ильича на Урал. № 11.
Попов С. Дорога Канифы. № 6.
Рабинович Р. Его пенили многие. № 7.
Соловьев Ю. Живая зелень. № 11.
Утков В. Первый хлебопашец Березова. № 5.
Челышев Б. Счастливые находки. № 12.
Шарц А. Суксунские колокола. № 1.
Шеромова Т. Поэт коми. № 5.

НА ПРИЗ НАШЕГО ЖУРНАЛА

Александров А. Первый интердетдом на Урале. № 7.
Брылин А. Краснозвездные продолжают поход. № 2.
Голубев Л. Подвиг за колючей проволокой. № 1.
Горький и Алтай. № 9.
Имени Василия Свалова. № 8.
К юным историкам. №№ 7—9.
Попов Ю., Новиков В. У истоков дружбы. № 11.
Приз завоевал «Боян». № 4.
Последнее письмо. № 5.
Сергеев Ю. Юный коммунар. № 4.
Шел двадцать первый. № 8.

ОПЕРАЦИЯ «Ч»

Висим стал заповедником. № 11.
Головки В. Шлюзы на реке Чусовой. № 8.
Костина Е. Вести с реки. № 10.
Обсуждение операции «Ч» на коллегии министерства. № 3.

По притокам Чусовой. № 11.
Реке Чусовой — государственная забота. № 2.
Рябинин Б. Ты — хозяин... ты готов им быть?
№ 8.
Тем, кто собирается в путь. № 5.

ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ

Абрашев К. Заячья пляска. № 4.
Барков А. Скрытный зверек. Козодой. У родника. № 3.
Гатадов В. Маятники. Белка. Собрание. № 4.
Гребнев Н. Тырган, жарки, кондор. Неожиданная соперница. № 5.
Гурулев А. Разноцветный горизонт. № 10.
Дудочкин П. Сладкая роса. Чудо-яблоня. Яблонева стопинка. № 1.
Зайцев Н. Крылатый постоялец. № 4.
Зайцев Н. Песец — шахтер. № 5.
Зайцев Н. Морские попугаи. № 12.
Николаев Н. Чудо-юдо. Пыжик. Ведьма. № 4.
Сапоженков Ю. Илан — змея. № 5.
Тумбасов А. Поклон земле. № 9.
Фролов Ю. Лесные сувениры. № 8.

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

Альтов Г. Новые рубежи фантастики. № 4.
Альтов Г. Неакадемическая родословная. № 5.
Балабуха А. Парусные корабли. № 2.
Биленкин Д. У глухого озера. № 7.
Борин Б. «Фамилия мне неизвестна...» № 1.
Бугров В. Путеводитель по стране чудес. № 1.
Бугров В. «Воздушные колодцы». № 12.
Варшавский И. Яйцо № 115. № 11.
Лукодянов И. Пришедшие из сказки. № 11.
Немченко М. Контакты. № 5.
Сергеев Д. Завещание каменного века. №№ 8—9.

РАЗНОЕ

Азерный М. Изумительно. № 2.
Азерный М. Десятикратные. № 10.

Афера «У-2». № 1.
Гибалин Б., Тарабукин И. Песня о верном друге. № 3.
Богачева И. В тундру приходит весна. № 7.
Богданов Е. В краю былинном. № 3.
Боголюбов К. Иван Кириллович. № 2.
Волович В. Офорты. № 5.
Владимиров О. «Гнилые» углы океанов. № 9.
Вул И. Знатная фамилия. № 11.
Гурвич К. Адальберт Шамиссо на «Рюрике». № 1.
Ерофеева Н. Сотвори сказку. № 10.
Зингер Е. В чертогах снежной королевы. № 6.
Идет ток Кислогубской ПЭС. № 7.
Иорданишвили Е. Месяц без тени. № 7.
Коринюк В. Индию открывают индийцы.
Коробейников Б. Чукотская сюита. № 8.
«Космос» «Уральскому следопыту». № 2.
Мелешин Н. Цветок из родонита. № 12.
Мешков В. Цветные гравюры. № 8.
Муравин Ю. Забава богатырская. № 5.
Овсянкин Е. Блуждающие души. №№ 5—6.
Осинцев Л. «Нахожу его натурой способной...» № 12.
Останин Ю. Чермозский народный. № 10.
Пашин В. Авиация в значках. № 8.
Пашин В. История одной медали. № 11.
Попов Н. Каменный мост... ..и белое озеро. № 3.
Родыгин Е., Дремов И. А кто-то третий. № 4.
Румянцев Л. Неповторим человек. № 4.
Рябинин Б. В песках у Комарова. № 6.
Рябинин Б. Опровержение поговорки. № 11.
Савин О. Публикуется впервые. № 6.
Тарабукин И. Деревянная сказка. № 3.
Филиппович А. Настоящая книга. № 12.
Филатов А. Луноход 13. № 12.
Фотоконкурс «Романтики». №№ 3—12.
Хромов К. Рисунки на скалах. № 3.
Шишкин В. Кукарское кружево. № 9.

В каждом номере — следопытская информация.

КАЛЕНДАРЬ

Кто-то бросил из вагона
Прошлогодний календарь.
И летят по перегону
Август,
май,
апрель,
январь...
В незамерзшую речушку,
Где застыли рыбаки,
На проселок,
на опушку
Тихо падают листки.

Заяц пляшет на морозе.
— Что за чушь!! Ни сон, ни хмель...
Лист бумаги на березе
и написано — «апрель».
Приглядевшись, говорит:
— Э-э, все врут календарь!

Тут сорока, сев на елку,
Затрещала без умолку:
— Есть четверг, среда, суббота...
Налетай, кому охота!
Кто махнет декабрь на май!!
Не теряйся...
Налетай!

Эти крики из леска
Разбудили барсука.
Потянулся он в норе
И зевнул: — Есть предложение.
Пусть зима в календаре
Будет сплошь из воскресений...
Мне зимой работать лень,
Я зимою сплю весь день.
[Я, к большому удивленью,
Это мнение барсука
Как-то слышал в рассуждениях
Одного ученика!]

— Не согласна с предложеньем! —
Белка крикнула в ответ. —
В воскресенье, к сожаленью,
От туристов спасу нет!
Чтобы лес был снова тих,
Лучше жить без выходных!

— Неоправданная мера!
Отпаривал глухарь. —
Это только браконьеры
Могут путать календарь!

— Есть теперь День рыбака, —
Писк раздался чебака, —
Почему-то лишь Дня рыбы
Не придумано пока!

А по мнению синиц
Недостаточно Дня птиц.
[День заботы о пернатых...
Согласитесь, маловато!]

— Дня зверей и вовсе нету
Ни зимою и ни летом!
Календарь совсем не гож...
И такой пошел галдеж!
Обсуждали числа, даты...
Тут зайчишка в круг влетел:
— Эй, братва, кончай дебаты.
Календарь-то устарел!
В наступающем году
Будут вас иметь в виду!

Ведь не счесть друзей природы! —
Глянул заяц на лису. —
— С новым счастьем,
с Новым годом! —
Долго слышалось в лесу.

Стихи И. ГОРЕВА
Рисунки Е. СТЕРЛИГОВОЙ

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова.

Корректор В. Бурангулова.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство

НС 38164. Подписано к печати 4/XI 1971 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.—8,82 печ. л.
Уч.-изд. л. 9,55. Тираж 155 000. Цена 30 коп. Заказ 517.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

Г. ГАЛИ

ГЕОЛОГИ

30 коп.

73413

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ [зам. главного редактора],
М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА
ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН [ответственный
секретарь], В. ШУСТОВ